ISSN 0321-0359

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага універсітэта імя У. І. Леніна

СЕРЫЯ 3

Гісторыя
Філасофія
Эканоміка
Права

3'90

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

Калеснікава Т. К., Мельнік Ф. І. Творчая актыўнасць рабочых прамысловасці Беларусі ў 70—80-я гады: вопыт, праблемы 3

Раманоўскі І. Ф., Шадурскі В. Г. Партыйнае кіраўніцтва рухам настаўніцтва: становішча і праблемы (1976—1987) 6

Лапо І. М. Перабудова сістэмы маральнага выхавання ў школах Беларусі на сучасным этапе (з вопыту работы КПБ) 9

Ходзін С. М. Арганізацыя перапрацоўкі сельскагаспадарчай прадукцыі ў калектыўных гаспадарках БССР (другая палова 20-х гадоў) 12

Ильящук Г. И. К вопросу о существовании так называемого «Союзного Бюро социал-демократов-меньшевиков» 15

Филиппенко С. И. Германия и проблема реорганизации Совета Лиги наций 18

ФІЛАСОФІЯ

Михайлов А. А. Завершающий аккорд критической системы И. Канта (к 200-летию выхода в свет работы «Критика способности суждения») . . . 21

Рожин Н. В. Проблема референции и объективность знания 27

Потерухина Л. П. Общение как фактор развития личности 32

Грушка Михал. Теоретические основания современного католического учения о свободе совести 35

Поликарпов В. А. Социокультурные общности молодежи в условиях перестройки 38

Огородник В. П. Роль художественной интеллигенции в развитии межнационального общения 40

ЭКАНОМІКА

Ермалович Л. П., Быкова Т. П. Особенности проведенного К. Марксом научного анализа заработной платы и его методологическое значение 44

Научитель М. В. Об экономической теории предложения 47

Бесман В. В. Рынок как экономическая категория 52

ПРАВА

Сатолин В. Н. Законодательство о браке и семье, действовавшее на территории Белоруссии в первые годы Советской власти 56

Зенькович В. А. К вопросу о совершенствовании законодательства по предотвращению обмана покупателей 59

Власова Л. В., Колосовский А. Н. Юрисдикционный иммунитет государств в отношении их собственности 62

Мошканов А. С. Предмет доказывания по делам об ограничении дееспособности граждан 65

ДЫСКУСІЙНАЯ ТРЫБУНА

Клімовіч В. С. Чаму нам патрэбна дэмакратыя 69

Алпееў А. М. Разважанні аб некаторых праблемах перабудовы ў прамысловасці Беларусі 71

РЭЦЭНЗІІ

Савчук Е. Ф., Сидорцов В. Н. И. Н. Олегина. Критика концепций современной американской и английской буржуазной историографии по проблемам индустриализации СССР 75

Ревяко К. А., Лисовый И. А. Dějiny pravěku a starověku 76

Дубинин И. И. В. А. Героименко. Личностное знание и научное творчество 76

Салихов М. В. П. В. Кикель. Математизация научного знания 77

ВЕСНІК

Беларускага дзяржаўнага універсітэта імя У. І. Леніна

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з сакавіка 1969 года
адзін раз у чатыры месяцы

СЕРЫЯ 3

Гісторыя
Філасофія
Эканоміка
Права

3'90

ЛІСТАПАД

МІНСК
УНІВЕРСІТЭЦКАЕ

Галоўны рэдактар **В. Р. РУДЗЬ**

Адказны сакратар **П. М. БАРАНОЎСКІ**

Рэдакцыйная калегія серыі:

У. К. КОРШУК *(адказны рэдактар)*,
М. І. БАЗЫЛЕЎ, В. М. ГАДУНОЎ, С. Р. ДРАБЯЗКА,
П. П. ДРОНЬ *(нам. адказнага рэдактара)*, А. М. ЕЛСУКОЎ,
Э. М. ЗАГАРУЛЬСКІ, П. І. ЗЯЛІНСКІ, А. Г. ЗЕЛЯНКОЎ,
Ю. Л. КАЗАКОЎ *(адказны сакратар)*, П. М. КОБРЫНЕЦ,
А. А. МІХАЙЛАЎ *(нам. адказнага рэдактара)*, М. В. НАУЧЫЦЕЛЬ, М. В. РОЖЫН, П. А. ШУПЛЯК

ВЕСТНИК БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. ЛЕНИНА

Серия 3, № 3, 1990

Издательство «Университетское».
220048, Минск, проспект Машерова, 11. Дом книги.
Адрес редакции: 220080, Минск, Университетский городок, тел. 20-65-42.

На русском и белорусском языках

Рэдактар *А. А. Сычоў*
Малодшы рэдактар *Г. М. Добыш*
Мастацкі рэдактар *Р. У. Кондрад*
Тэхнічны рэдактар і карэктар *Г. І. Хмарун*

Здадзена ў набор 10.09.90. Падпісана да друку 14.11.90. Фармат 70×108¹/₁₆. Папера друк. № 1. Друк высокі. Ум. друк. арк. 7,0. Ум. фарб.-адб. 7,44. Ул.-выд. арк. 8,54. Тыраж 770 экз. Заказ 945. Цана 80 к.

Выдавецтва «Універсітэцкае». 220048, Мінск, праспект Машэрава, 11. Дом кнігі.
Адрас рэдакцыі: 220080, Мінск, Універсітэцкі гарадок, тэл. 20-65-42.

Ордэна Працоўнага Чырвонага Сцяга друкарня выдавецтва ЦК КП Беларусі. 220041, Мінск, Ленінскі праспект, 79.

© Веснік БДУ імя У. І. Леніна, 1990

Гісторыя

Т. К. КАЛЕСНІКАВА, Ф. І. МЕЛЬНІК

ТВОРЧАЯ АКТЫЎНАСЦЬ РАБОЧЫХ ПРАМЫСЛОВАСЦІ БЕЛАРУСІ Ў 70—80-я ГАДЫ: ВОПЫТ, ПРАБЛЕМЫ

Поспехі інтэнсіфікацыі вытворчасці, павышэння яе эфектыўнасці залежаць ад свядомых добрасумленных адносін рабочых да працы. Першапачатковыя працоўныя навыкі прывівае будучаму рабочаму сям'я, затым школа. Важнае значэнне для развіцця эфектыўнасці працоўнага навучання мела Пастанова ЦК КПСС і Савета Міністраў СССР «Аб далейшым удасканаленні навучання, выхавання навучэнцаў агульнаадукацыйных школ і падрыхтоўкі іх да працы», прынятая ў снежні 1977 года [1]. У распараджэнне навучэнцаў былі прадастаўлены навучальна-вытворчыя камбінаты, майстэрні, лабараторыі. Працоўнае навучанне ажыццяўлялася на прадпрыемствах, у арганізацыях, вучнёўскіх вытворчых брыгадах, лагерах працы і адпачынку і г. д. У 1981—1982 навучальным годзе 98 % навучэнцаў сярэдніх агульнаадукацыйных школ БССР былі ахоплены паглыбленым працоўным навучаннем [2]. Сапраўднай школай фарміравання добрасумленных адносін да працы падрастаючага пакалення з'яўляецца сістэма прафесіянальна-тэхнічнай адукацыі. Толькі за 1970/71—1980/81 навучальныя гады колькасць сярэдніх прафесіянальна-тэхнічных вучылішчаў у рэспубліцы ўзрасла на 135, а колькасць навучэнцаў — на 86 тыс.[3] Гэта з'явілася вынікам мэтанакіраванай работы ЦК КПБ, Савета Міністраў рэспублікі, якія ўсебакова абмеркавалі пытанні ўдасканалення сістэмы прафадукацыі і прынялі меры па паляпшэнню якасці падрыхтоўкі рабочых кадраў.

У сучасным грамадстве, калі ідзе інтэнсіўнае развіццё новых і мадэрнізацыя існуючых галін вытворчасці на аснове апошніх дасягненняў навукі і тэхнікі, усё большае значэнне набывае вытворча-тэхнічная кваліфікацыя кадраў. Акрамя таго, армія работнікаў прадпрыемстваў пастаянна папаўняецца вялікай колькасцю моладзі, выпускнікамі школ, якія не маюць навыкаў працоўнай дзейнасці. Вось чаму ў гэты перыяд, як ніколі, трэба дабіцца выканання задачы, пастаўленай У. І. Леніным, «каб кожная фабрыка, кожная электрычная станцыя ператварылася ў ачаг асветы»[4].

Важную ролю ў выкананні ленінскага завяшчання адыграла Пастанова ЦК КПСС «Аб рабоце партыйнай арганізацыі Мінскага трактарнага завода па павышэнню вытворчай і грамадска-палітычнай актыўнасці працоўнага калектыву», прынятая 21 студзеня 1972 года [5]. Раскрыўшы патэнцыяльныя магчымасці працоўных калектываў па развіццю і ўдасканаленню вытворчасці, Цэнтральны Камітэт абавязаў партком завода павысіць узровень ідэйна-выхаваўчай работы на прадпрыемстве, накіраваць яе на фарміраванне ў рабочых і служачых марксісцка-ленінскага светапогляду, на усямернае развіццё іх працоўнай і грамадскай актыўнасці, звярнуўшы пры гэтым асаблівую ўвагу на выхаванне камуністычных адносін да працы.

Рэалізуючы пастанову, грамадскія арганізацыі і адміністрацыя трактарнага завода і многіх іншых прадпрыемстваў рэспублікі наладзілі разгалінаваную сетку вытворчага навучання з улікам, галоўным чынам, двух напрамкаў: навучанне рабочых новым прафесіям і павышэнне кваліфікацыі, тэхнічных ведаў шляхам мэтавага навучання праз вытворча-тэхнічныя курсы, школы камуністычнай працы і перадавога вопыту, навучанне другім

прафесіям. Умацоўвалася навучальна-матэрыяльная база прадпрыемстваў, ствараліся тэхнічныя кабінеты, дзейнічалі класы тэарэтычных ведаў, цэхі вытворчага навучання.

Важнае значэнне ў справе павышэння кваліфікацыі кадраў, развіцця рацыянальных прыёмаў і метадаў працы мела пашырэнне передавога вопыту. У створаных школах передавога вопыту глыбока вывучаўся вопыт і працоўныя навыкі В. Патаповіча, П. Клімкова, В. Прыходчанкі, А. Аляксеевіча і многіх іншых наватараў. Толькі за 70-я гады амаль у 3,5 разы ўзрасла колькасць работнікаў, якія павысілі кваліфікацыю непасрэдна на вытворчасці.

Немалую ролю ў падрыхтоўцы і выхаванні кадраў рабочага класа адыграла настаўніцтва. З пашырэннем і развіццём настаўніцтва ўзнікла пытанне аб паўсядзённым кіраўніцтве гэтым рухам, што прывяло да арганізацыі саветаў настаўнікаў. Да мая 1975 года, гэта значыць праз год пасля іх стварэння, у БССР было звыш 2700 саветаў.

Лепшым настаўнікам прысвойвалася ганаровае званне «Заслужаны настаўнік рабочай моладзі Беларускай ССР». Яны ўзнагароджваліся значкамі ВЦСПС і ЦК ВЛКСМ «Настаўнік моладзі». Да 1981 года званне «Заслужаны настаўнік працуючай моладзі Беларускай ССР» было прысвоена 77 лепшым рабочым і служачым рэспублікі. Толькі ў дзесятай пяцігодцы ў рэспубліцы была створана 131 галерэя настаўнікаў, больш 17 тыс. лепшых выхавацеляў занесены ў кнігі працоўнай славы, на Дошкі гонару. У Палацах і дамах культуры, у чырвоных кутках інтэрнатаў афармляліся стэнды, фотавітрыны, выстаўкі, якія расказвалі аб дзейнасці настаўнікаў, іх жыццёвым шляху.

У той жа час у рабоце настаўнікаў у гэтыя гады накапіліся сур'ёзныя праблемы, якія тармазілі развіццё патрыятычнага руху. Часам работа з маладымі работнікамі вытворчасці пускалася на самацёк. У многіх працоўных калектывах шэфства зводзілася толькі да навучання працоўным прыёмам і прафесіянальным навыкам і ў той жа час недастатковая ўвага ўдзялялася фарміраванню ў юнакоў і дзяўчат актыўнай жыццёвай пазіцыі, высокіх маральных якасцей. Многія саветы настаўнікаў існавалі толькі на паперы, а іх работу падмянялі парткомы.

На сённяшнім этапе перабудовы канкрэтнымі праяўленнямі і паказчыкамі працоўнай актыўнасці рабочага класа з'яўляюцца ўдзел у сацыялістычным спаборніцтве, працоўныя ініцыятывы, выкарыстанне перадавых пачынаў, выкананне і перавыкананне вытворчых заданняў, высокая якасць прадукцыі, удзел у тэхнічнай творчасці, павышэнне кваліфікацыі, авалоданне сумежнымі прафесіямі, умацаванне працоўнай дысцыпліны.

Вышэйшай формай сацыялістычнага спаборніцтва з'яўляюцца камуністычныя адносіны да працы, у якой арганічна спалучаюцца барацьба за высокую прадукцыйнасць працы, павышэнне эфектыўнасці вытворчасці, імкненне да ведаў, новыя адносіны паміж людзьмі, заснаваныя на ўзаемадапамозе, узаемавыручцы, узаемападтрымцы.

Кампартыяй Беларусі праведзена значная арганізатарская і палітыкавыхаваўчая работа па глыбокаму ўсведамленню мэт і задач спаборніцтва. Трывалае месца ў шэрагу асноўных звенняў ідэйна-выхаваўчай работы працоўных калектываў занялі школы камуністычнай працы. Многае было зроблена па ўдасканаленню іх работы.

Толькі за гады дзесятай пяцігодкі амаль на 40 % павялічылася сетка школ у рэспубліцы, значна ўзрасла колькасць слухачоў у іх. У 1980 годзе ў БССР функцыяніравала больш чым 16 тыс. школ, у якіх займалася каля 390 тыс. чалавек. Больш арганізаваным стаў у іх навучальны працэс, узрасла выніковасць вучобы [6].

У арганізацыі сацыялістычнага спаборніцтва партыйныя арганізацыі шырока прымянялі галоснасць. Яна давала магчымасць мабілізаваць намаганні калектываў на развіццё масавага працоўнага спаборніцтва, выдзяляць лепшыя ўзоры для пераймання, абуджала да паўтарэння вопыту, пошуку новых магчымасцей для павышэння эфектыўнасці прамысловай вытворчасці.

Сацыялістычнае спаборніцтва стала вядучай тэмай шматтыражнай прэсы. Рэгулярна пад рубрыкамі «Людзі новага часу», «Ударнікі пяцігодкі», «Працоўная вахта», «Дзённік спаборніцтва» газеты расказвалі аб здзяйсненнях працаўнікоў прадпрыемстваў, ускрывалі ўпушчэнні і недахопы, падводзілі вынікі працоўнай дзейнасці.

Аршанскім гаркомам партыі пачала практыкавацца такая форма нагляднай агітацыі, як устаноўка сюжэтных стэндаў, у якіх расказвалася аб

гісторыі і працоўных справах прадпрыемстваў, з фатаграфіямі ветэранаў працы, пераможцаў сацыялістычнага спаборніцтва.

Партыйныя арганізацыі актыўна падтрымлівалі новыя формы спаборніцтва, садзейнічалі максімальна шырокаму іх распаўсюджванню.

Важны рэзерв эканамічнага росту партыя бачыць у строгім захаванні рэжыму эканоміі, беражлівасці і дбайным выкарыстанні працоўных і матэрыяльных рэсурсаў. Сучасная вытворчасць характарызуецца лічбамі сапраўды астранамічнага маштабу: кожны працэнт сэканомленай сыравіны і матэрыялаў у народнай гаспадарцы краіны складае цяпер 6,4 млрд. рублёў [7].

У рэспубліцы працавалі тысячы саветаў садзейнічання ахове сацыялістычнай уласнасці, дзесяткі тысяч пастоў і груп садзейнічання народнаму кантролю. Яны дапамагалі фарміраваць ва ўсіх членаў працоўных калектываў адказнасць за грамадскае багацце, змагаліся з марнатраўствам і безгаспадарчасцю.

Калектыў Наваполацкага аб'яднання «Палімір» з'явіўся ініцыятарам укаранення комплекснага метаду абслугоўвання няспынных тэхналагічных працэсаў, накіраванага на забеспячэнне росту прадукцыі пры скарачэнні колькасці працуючых. Прымяненне новых метадаў арганізацыі працы дало магчымасць вызваліць 1550 работнікаў і сэканоміць больш 9 млн. рублёў фонду заработнай платы. Амаль удвая ўзрасла прадукцыйнасць працы. Гэта забяспечыла выкананне заданняў дзевятай пяцігодкі па росту прадукцыйнасці працы за тры, а дзесятай — за чатыры гады [8].

У разглядаемы перыяд значна павысілася выхаваўчая роля сацыялістычнага спаборніцтва і перш за ўсё руху за камуністычныя адносіны да працы, а таксама такіх грамадскіх форм, як рабочыя сходы, вытворчыя нарады, калектыўныя дагаворы, таварыскія суды, грамадскія аддзелы кадраў, саветы ветэранаў працы.

Важным паказчыкам творчых адносін да працы з'яўляецца няспынны пошук новага, рацыянальнага. Гэта асабліва ярка праявілася ў імкненні мадэрнізаваць тэхніку, механізаваць вытворчыя працэсы, скараціць непрадукцыйную ручную працу. Менавіта гэтаму напрамку ўдасканалення вытворчасці партыя сёння адводзіць выключна важную ролю.

Пытанні, звязаныя з рэканструкцыяй прадпрыемстваў, уважліва разглядаліся ў ЦК КПБ і на пасяджэннях абласных, гарадскіх і раённых камітэтаў партыі, пярвічных партыйных арганізацый прадпрыемстваў. У выніку тэхнічная творчасць у 70—80-я гады прыняла масавы характар.

Па вартасці ацэньваючы дасягнутае, нельга не бачыць і таго, што ў творчай рабоце наватараў тэхнікі ў даследуемы перыяд прыкметна нараслі негатыўныя моманты, знізілася прэстыжнасць рацыяналізатарскай справы сярод многіх рабочых. Многія каштоўныя распрацоўкі доўгі час не знаходзілі прымянення. Штогод па рэспубліцы не ўкаранялася звыш 25 тыс. рацыяналізатарскіх прапаноў, гэта значыць кожная пятая, а на прадпрыемствах прыборабудавання, аўтамабільнай прамысловасці — кожная трэцяя; будаўнічага, дарожнага і камунальнага машынабудавання — кожная другая [9].

Для паляпшэння работы партыйных і грамадскіх арганізацый па выхаванню ў рабочых добрасумленных, свядомых адносін да працы, разумення яе грамадскай значнасці неабходна зрабіць кожнага рабочага гаспадаром свайго прадпрыемства, забяспечыць галоснасць працоўнага саперніцтва, заахвочванне пераможцаў. Жыццё рашуча патрабуе шукаць новыя формы, шляхі і сродкі вырашэння выхаваўчых задач.

[1] Гл.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1978. Т. 12. С. 584 и далее.
[2] Гл.: Народное хозяйство Белорусской ССР в 1981 г.: Статистический сборник. Минск, 1982. С. 201.
[3] Там жа. С. 202.
[4] Ленін У. І. Творы. Т. 31. С. 482.
[5] Гл.: КПСС в резолюциях... 1977. Т. 11. С. 34 и далее.
[6] ПА ІГП пры ЦК КПБ. Ф. 4, воп. 134, спр. 2, арк. 33.
[7] Гл.: Правда. 1982. 23 ноября.
[8] ПА ІГП пры ЦК КПБ. Ф. 4, воп. 134, спр. 2, арк. 80.
[9] Гл.: Звязда. 1987. 24 студзеня; Советская Белоруссия. 1988. 13 марта.

І. Ф. РАМАНОЎСКІ, В. Г. ШАДУРСКІ

ПАРТЫЙНАЕ КІРАЎНІЦТВА РУХАМ НАСТАЎНІЦТВА: СТАНОВІШЧА І ПРАБЛЕМЫ (1976—1987)

Сёння перад усім савецкім грамадствам і КПСС стаіць складаная задача — вывесці эканоміку краіны з крызіснага стану. Для яе рашэння неабходна пазбавіцца ад аджыўшага гаспадарча-эканамічнага механізму з уласцівымі яму жорсткай цэнтралізацыяй, ураўнілаўкай. Трэба стварыць новы механізм, які б матэрыяльна стымуляваў творчую ініцыятыву, прадпрымальнасць, інтэнсіўную і якасную работу.

Важнай крыніцай руху наперад з'яўляецца павышэнне ўзроўню прафесійнай падрыхтоўкі маладых рабочых, упершыню прыйшоўшых на вытворчасць, паскарэнне адаптацыі юнакоў і дзяўчат у працоўным калектыве, выхаванне дастойнай рабочай змены. У вырашэнні гэтых праблем многае могуць зрабіць рабочыя педагогі.

Практычную цікавасць мае вывучэнне вопыту работы партыйных арганізацый Беларусі па развіццю руху настаўніцтва, праграма якога была акрэслена пастановай ЦК КПБ «Аб далейшым развіцці і ўдасканаленні руху настаўніцтва ў рэспубліцы» (12 чэрвеня 1974 года). У мэтах паляпшэння кіраўніцтва настаўніцтвам было прапанавана стварыць на прадпрыемствах, у арганізацыях грамадскія саветы настаўнікаў моладзі, партыйным, прафсаюзным і камсамольскім арганізацыям — палепшыць падбор, арганізаваць сістэматычную вучобу настаўнікаў працуючай моладзі [1].

Партыйныя і камсамольскія арганізацыі, гаспадарчыя кіраўнікі імкнуліся забяспечыць індывідуальны падыход пры выбары настаўнікаў, своечасова заўважаць у рабочых, спецыялістаў педагагічныя здольнасці, актыўна накіроўваць іх на карысць справе, заахвочваць імкненне перадавікоў да шэфскай работы.

Менавіта так пастаўлена справа на Гродзенскім вытворчым аб'яднанні «Азот» імя С. О. Прытыцкага. Тут з першага дня навічкі акружаны ўвагай, адчуваюць, што яны патрэбны калектыву. На савеце настаўнікаў разглядаюцца пытанні навучання маладых рабочых, павышэння іх культурнага і прафесійнага ўзроўню, шмат увагі ўдзяляецца навучанню саміх настаўнікаў, арганізавана іх вучоба ў народным універсітэце тэхніка-эканамічных ведаў. Завадская шматтыражка «Гродзенскі хімік» рэгулярна прапагандуе вопыт лепшых настаўнікаў. Сапраўдны партыйны клопат аб выхаванні рабочай змены, аб развіцці руху настаўніцтва прыносіць немалы эканамічны эфект, садзейнічае росту прадукцыйнасці працы, уменню працаваць ініцыятыўна, творча.

З поўнай адказнасцю ставяцца да шэфства над моладдзю і ў іншых калектывах. Шмат цікавага, напрыклад, рабілася і робіцца па развіццю настаўніцтва ў Мінскім вытворчым аб'яднанні «Гарызонт». Тут падрыхтоўка рабочых педагогаў разглядаецца як адзін з важнейшых участкаў палітыка-выхаваўчай работы. Дзейнічаюць цэхавыя саветы настаўнікаў. Члены саветаў наведваюць маладзёжныя інтэрнаты і сем'і маладых работнікаў вытворчасці, дапамагаюць у рашэнні бытавых пытанняў, клапоцяцца аб стварэнні спрыяльных умоў для навучання, уносяць прапановы ў прафсаюзны і камсамольскі камітэты па пытаннях выхавання моладзі. У гэтых умовах юнакі і дзяўчаты хутка становяцца самастойнымі, паўнапраўнымі членамі калектываў, майстрамі сваёй справы. Толькі ў 1980 годзе тут павысілі разрад 1700, асвоілі другую прафесію і сумежныя аперацыі 800 маладых рабочых [2].

У гады X і XI пяцігодак, як сведчыць статыстыка, значна павялічылася колькасць рабочых педагогаў. У 1976 годзе ў працоўных калектывах Беларусі працавала больш за 43 тыс. настаўнікаў, у іх ліку 20 тыс. членаў КПСС, 21 Герой Савецкага Саюза, 151 Герой Сацыялістычнай Працы. Яны шэфствавалі над 80 тыс. маладых рабочых. У 1985 годзе настаўнікамі моладзі з'яўляліся 163 тыс. чалавек, у тым ліку 206 Герояў Сацыялістычнай Працы, 15 Герояў Савецкага Саюза. Яны шэфствавалі над 165 тыс. юнакоў і дзяўчат. 79 лепшых працаўнікоў былі ўдастоены звання «Заслужаны настаўнік моладзі»[3]. Тысячы майстроў сваёй справы па добрай волі перадаюць юнакам і дзяўчатам навыкі сваёй спецыяльнасці, выхоўваюць пачуццё адказнасці за справу, гонару за рабочую прафесію. Славу і павагу заваявалі ў калектывах такія настаўнікі, як С. І. Аўсіевіч, Герой Сацыялістычнай Працы, наладчык ГПЗ-11; В. П. Булава, прадзільшчыца Баранавіцкага баваўнянага камбіната імя Ленінскага камсамола Беларусі; І. Я. Парфёненка, Герой Сацыялістычнай Працы, выпрабавальнік рухавікоў Мінскага ма-

торнага завода; В. К. Зялёнка, брыгадзір лакаматыўнага дэпо станцыі Жлобін, тысячы іншых слаўных працаўнікоў, побач з якімі расце дастойная змена. Яны ўносяць свой вялікі і бескарыслівы ўклад у працоўнае, палітычнае і маральнае выхаванне моладзі. Паказальны ў гэтых адносінах добры прыклад швяі Віцебскай фабрыкі «Сцяг індустрыялізацыі», Героя Сацыялістычнай Працы М. В. Анібраевай, якая навучыла майстэрству больш за 50 работніц, 40 з іх сталі настаўнікамі [4]. Такія працоўныя традыцыі: майстар выхоўвае майстра. Сутнасць настаўніцтва добра выказаў Герой Сацыялістычнай Працы, шліфоўшчык Мінскага завода аўтаматычных ліній К. П. Саленік: «Наш клопат аб моладзі — гэта не дабрачыннасць і не апека. Ён нарадзіўся з нашай уласнай патрэбнасці быць упэўненымі, што нашы сыны і дочкі не адстануць ад нас, а пойдуць далей. Дзеля гэтага і працуем мы, настаўнікі моладзі. Я бачу ў гэтым сэнс жыцця»[5].

На Мінскім трактарным заводзе над маладымі работнікамі вытворчасці шэфствуюць больш як 840 настаўнікаў. Сярод іх шмат камуністаў, кожны чацвёрты ўдастоены ўрадавых узнагарод, каля 80 % з'яўляюцца кадравымі рабочымі.

Партыйныя арганізацыі, працоўныя калектывы, настаўнікі завода далучаюць моладзь да ўдзелу ў абмеркаванні планаў сацыяльнага развіцця калектыву, імкнуцца, каб кожны навічок атрымаў падтрымку кадравых рабочых. І гэта работа дае нядрэнны плён: з ліку выхаванцаў рабочых педагогаў не выконваюць нормы выпрацоўкі 9,3 %, а з тых, хто іх не мае — каля 20 %. З дапамогай настаўнікаў толькі ў 1988 годзе больш 1,5 тыс. юнакоў і дзяўчат асвоілі рабочыя спецыяльнасці, звыш 650 чалавек вучацца ў школах рабочай моладзі і на курсах павышэння кваліфікацыі. Завадскія выхаваўцы дапамаглі 1700 маладым працаўнікам набыць сумежныя прафесіі, укараніць 340 рацыяналізатарскіх прапаноў з эканамічным эфектам 330 тыс. рублёў [6].

Але ў многіх выпадках адміністрацыя і грамадскія арганізацыі не спяшаліся адгукнуцца на запыты навічкоў, якія прыйшлі ў заводскія цэхі. Часта да падбору настаўнікаў падыходзілі фармальна. Былі выпадкі, калі да выхавання моладзі далучаліся людзі абыякавыя, а часам і недастойныя гэтага па сваіх маральных і дзелавых якасцях. Так, на Барысаўскім шклозаводзе імя Дзяржынскага доўгі час у ролі настаўнікаў лічыліся рабочыя Дзямідчык, Сіліч, Бацізаў, якія самі парушалі працоўную дысцыпліну. Натуральна, яны не цікавіліся ўмовамі працы і быту падапечных [7]. І не дзіўна, што ў такіх «настаўнікаў» вучні часта расчароўваліся ў выбранай прафесіі, адчувалі сябе няўтульна, не прыжываліся ў калектыве.

У якасці аднаго з рэзерваў паляпшэння работы настаўнікаў партыйныя камітэты рэспублікі разглядалі іх навучанне. У сістэму падрыхтоўкі настаўнікаў моладзі ўваходзілі факультэты настаўнікаў пры народных універсітэтах маральнай адукацыі, семінары, навукова-практычныя канферэнцыі, лекторыі. Першы універсітэт настаўнікаў быў створаны ў 1976 годзе на Мінскім аўтамабільным заводзе, а ў 1982 годзе іх у рэспубліцы налічвалася ўжо больш як 300.

Заслугоўвае ўвагі работа Гродзенскага народнага універсітэта настаўнікаў, які пачаў работу ў 1976 годзе на базе Палаца культуры тэкстыльшчыкаў. У ім займалася каля 100 старшынь і членаў саветаў настаўнікаў моладзі прадпрыемстваў горада. Кіраўніцтва універсітэтам ажыццяўляў савет. Праграма была разлічана на два гады. Да кожных заняткаў спецыяльна падбіраліся хранікальна-дакументальныя і навукова-папулярныя фільмы. Вопыт работы гарадскога універсітэта настаўнікаў перыядычна асвятляўся на старонках абласной газеты «Гродзенская праўда», у перадачах абласнога радыё. Навучальны год заканчваўся навукова-практычнай канферэнцыяй.

У гарадах і раёнах, на буйных прадпрыемствах у даследуемы перыяд былі створаны школы настаўнікаў. У 1976 годзе ў рэспубліцы працавала каля 459, а ў 1981 — ужо 695 такіх школ. У іх займалася 38,7 тыс. рабочых педагогаў [8].

Аднак у арганізацыі навучання рабочых педагогаў назіраліся сур'ёзныя ўпушчэнні. Так, у 1985 годзе толькі 22 % настаўнікаў было ахоплена рознымі формамі павышэння кваліфікацыі, у прапануемых курсах слаба ўлічваліся асаблівасці прадпрыемстваў. Апытанне, праведзенае на шэрагу прадпрыемстваў Беларусі, паказала, што 85,4 % настаўнікаў мае патрэбу ў павышэнні тэарэтычных ведаў, больш за 40 % жадалі павысіць тэарэтычныя веды, 87,9 % не мелі ўяўлення аб вопыце работы настаўнікаў на іншых прадпрыемствах [9].

Сістэма навучання настаўнікаў патрабуе карэнных змен. На наш погляд,

трэба адмовіцца ад агульнага выкладання тэарэтычных асноў педагогікі, а наблізіць змест навучання да спецыфікі вытворчасці, да вывучэння вопыту лепшых настаўнікаў, псіхолага-педагагічных асноў працэсу выхавання.

Развіццю руху настаўніцтва, распаўсюджванню вопыту работы лепшых садзейнічалі раённыя, гарадскія, абласныя злёты настаўнікаў. Так, у маі 1975 года адбыўся першы беларускі злёт настаўнікаў моладзі. На другім (ліпень 1981) быў выбраны рэспубліканскі савет настаўнікаў, закліканы накіроўваць і каардынаваць работу абласных, гарадскіх і раённых саветаў. Удзельнікі злёту звярнуліся з заклікам да ўсіх кадравых рабочых, калгаснікаў і інжынерна-тэхнічных работнікаў, майстроў вытворчасці, спецыялістаў народнай гаспадаркі: «Наша задача — актыўна садзейнічаць таму, каб для кожнага маладога чалавека працоўны калектыў стаў другой сям'ёй, каб ні адзін навічок вытворчасці не заставаўся без па-бацькоўску чулага і строгага настаўніка»[10].

У даследуемы перыяд у рабоце настаўнікаў накапіліся сур'ёзныя праблемы, якія тармазілі развіццё гэтага руху. У многіх працоўных калектывах шэфства над моладдзю зводзілася толькі да навучання працоўным прыёмам і прафесійным навыкам, недастаткова ўвагі ўдзялялася фарміраванню у юнакоў і дзяўчат высокіх маральных якасцей. Так, на пленуме Гродзенскага АК КПБ (чэрвень 1980 года) крытыкаваліся за фармалізм у арганізацыі настаўніцтва партыйныя і гаспадарчыя кіраўнікі Гродзенскага малочнага завода, тонкасуконнага камбіната, Гальшанскага крухмальнага завода і іншых прадпрыемстваў[11].

Не сталі дзейснымі органамі, якія б ажыццяўлялі кіраўніцтва рухам рабочых выхавацеляў, саветы настаўнікаў. Многія з іх існавалі толькі на паперы, а іх работу падмянялі партыйныя камітэты. Шмат фармалізму было і ў ацэнцы вынікаў работы настаўнікаў. На большасці прадпрыемстваў яна абмяжоўвалася такім паказчыкам, як колькасць падрыхтаваных вучняў. Пагоня ж за колькасцю немінуча зніжала якасць падрыхтоўкі маладых рабочых.

Існуючыя недахопы прызнаваліся на пленумах і пасяджэннях бюро партыйных камітэтаў, на сходах пярвічных партыйных арганізацый. Аднак далей крытыкі справа не ішла. Рух настаўніцтва не ператварыўся ў самарэгулюючую сістэму, яна знаходзілася ў залежнасці ад асабістых якасцей настаўніка, ад пастаяннага сілавога націску з боку партыйных камітэтаў і адміністрацыі. Настаўніцтва не мела трывалай эканамічнай і прававой базы. Не былі вызначаны і тэрміны шэфства, правы і абавязкі вучняў і іх настаўнікаў. Гэтыя праблемы не вырашаліся і не маглі быць вырашанымі ва ўмовах аджыўшага гаспадарча-эканамічнага механізму.

На наш погляд, сёння неабходна падмацаваць настаўніцтва матэрыяльнымі стымуламі, паставіць яго ў залежнасць ад якасці і колькасці падрыхтаваных вучняў. Мэтазгодна, відаць, рэкамендаваць прадпрыемствам з улікам спецыфікі вытворчасці дакладна вызначыць правы і абавязкі шэфаў і іх падшэфных, пачатак і канец вучнёўства, крытэрыі ўзроўню падрыхтоўкі.

Шырокія магчымасці для фарміравання высокіх прафесійных навыкаў у моладзі адкрылі самафінансаванне прадпрыемстваў і ўнутрызаводскі гасразлік. У падраздзяленнях, дзе клопат аб становішчы спраў на вытворчасці ўзялі пад сваю адказнасць самі рабочыя, у ролі настаўніка выступае ўвесь калектыў. І гэта натуральна. Бо калектыву эканамічна выгадна, каб кожны працаваў добра, дасканала авалодаў спецыяльнасцю, ведаў і сумежныя прафесіі. Вядома, чым хутчэй замацуецца на рабочым месцы малады працаўнік, чым эфектыўней, якасней і больш эканамічна ён будзе працаваць, тым больш зладжанымі стануць дзеянні ўсёй брыгады, усяго участка, вышэй прадукцыйнасць працы.

На сучасным этапе развіцця грамадства ўзаемадзеянне настаўнікаў і моладзі мае асабліва важнае значэнне. Перабудова патрабуе ўзняць на якасна новы ўзровень выхаванне працоўнай змены. Немалаважная роля ў гэтым належыць настаўнікам, чыё прызванне — вучыць моладзь рабочаму майстэрству, прывіваць ёй высокія грамадзянскія якасці, дапамагаць заняць актыўную пазіцыю ў перабудове.

[1] ПА ІГП пры ЦК КПБ. Ф. 4, воп. 81, спр. 2545, арк. 12.
[2] Гл.: Советская Белоруссия. 1981. 5 июня.
[3] Гл.: Коммунист Белоруссии. 1976. № 6. С. 13; Цярэшка М. Н. Барацьба з праявамі чужой маралі. Мінск, 1986. С. 34.
[4] ПА Віцебскага АК КПБ. Ф. 119, воп. 48, спр. 1, арк. 39.

[5] Бягучы архіў Белсаўпрофа: Даведка аб развіцці руху настаўніцтва ў Беларускай ССР ад 17 верасня 1986 г.

[6] Гл.: Шыбаліс А. М. Навічок у рабочым калектыве. Мінск, 1988. С. 37, 38.

[7] ПА Мінскага АК КПБ. Ф. 1, воп. 74, спр. 13, арк. 34.

[8] Гл.: Агульны архіў Белсаўпрофа. Ф. 1, воп. 11, спр. 2132, арк. 14—15; Спр. 1704, л. 28; Бягучы архіў Белсаўпрофа: Даведкі і іншыя дакументы па развіццю настаўніцтва за 1982 г.

[9] Гл.: Бягучы архіў Белсаўпрофа: Даведка аб развіцці руху настаўніцтва ў БССР ад 10 верасня 1985 г.; Шыбаліс А. М. Навічок у рабочым калектыве. С. 41.

[10] Советская Белоруссия. 1981. 5 июля.

[11] ПА Гродзенскага АК КПБ. Ф. 1, воп. 84, спр. 9, арк. 14.

І. М. ЛАПО

ПЕРАБУДОВА СІСТЭМЫ МАРАЛЬНАГА ВЫХАВАННЯ Ў ШКОЛАХ БЕЛАРУСІ НА СУЧАСНЫМ ЭТАПЕ

(з вопыту работы КПБ)

Перабудова сістэмы народнай адукацыі вылучыла на першы план задачу глыбокага пераасэнсавання тэорыі і практыкі духоўна-маральнага станаўлення школьнікаў. Ленінскае патрабаванне «каб уся справа выхавання, адукацыі і вучэння сучаснай моладзі была выхаваннем у ёй камуністычнай маралі»[1] у нашы дні набывае асобы сэнс і значэнне. Пытанні фарміравання маральных асноў падрастаючага пакалення знаходзіліся ў цэнтры ўвагі XXVII з'езда КПСС, XIX Усесаюзнай партыйнай канферэнцыі і пленумаў ЦК КПСС. Шэраг прынцыповых рэкамендацый па ўдасканаленню палітычнага кіраўніцтва маральна-выхаваўчай работай у школе даў, напрыклад, лютаўскі (1988) Пленум ЦК КПСС. Адзначаючы, што ажыццяўленне рэформы пакуль не зрушыла ўперад школу на галоўных шляхах перабудовы,— абнаўлення зместу адукацыі і выхавання, дэмакратызацыі навучальна-выхаваўчага працэсу — пленум указаў на неабходнасць рашучага пераадолення эвалюцыйнага характару рэформы, выйшаўшага ў супярэчнасць з рэвалюцыйнай сутнасцю пачатага партыяй пераўтварэння грамадства.

Задачы партыйных арганізацый Беларусі па ўдасканаленню маральна-выхаваўчага працэсу ў школе вызначыў X Пленум ЦК КПБ, які адбыўся ў маі 1988 года. Першачарговую ўвагу пленум удзяліў усебаковаму развіццю творчага патэнцыялу педагагічных калектываў, здольных забяспечыць высокі маральны і агульнаадукацыйны ўзровень як вучэбнай, так і пазакласнай работы.

Кіруючыся гэтымі рашэннямі, многія партыйныя камітэты і арганізацыі рэспублікі паступова выкаранялі заганную практыку дробязнай апекі педагагічных калектываў і рэалізавалі новыя падыходы ў палітычным кіраўніцтве фарміраваннем асобы школьніка. Так, бюро Слонімскага гаркома КПБ у апошні час неаднаразова разглядала розныя аспекты гэтага важнага ўчастка ідэалагічнай работы. Аб'ядноўваючы намаганні партыйных, савецкіх, прафсаюзных, камсамольскіх арганізацый, базавых прадпрыемстваў і грамадскасці, гарком здолеў стварыць у горадзе і на вёсцы ўмовы для навучання, фізічнага, эстэтычнага развіцця і працоўнага выхавання школьнікаў. Перабудова сістэмы народнай адукацыі высвяціла шмат праблем, патрабавала ад партарганізацый школ новых падыходаў да маральна-выхаваўчай сферы, адным з якіх аказалася перспектыўнае планаванне блокамі, што дазволіла намячаць прыярытэтныя напрамкі выхаваўчай работы. У далейшым з гэтых вузлавых праблем вылучаліся канкрэтныя пытанні, вырашэнне якіх дазваляла рэальна ацэньваць дзейнасць партыйнай арганізацыі, кожнага камуніста. У выніку значна пашырыўся ўдзел партыйных арганізацый у аптымізацыі навучальна-выхаваўчага працэсу, у падрыхтоўцы моладзі да жыцця і працы. Па прапанове камуністаў у раёне створаны творчыя групы настаўнікаў, якія прапагандуюць педагагічнае майстэрства і аказваюць метадычную дапамогу калегам. Праводзіцца сістэматычная дыягностыка вопыту настаўнікаў і педагагічных калектываў у мэтах удасканалення форм і метадаў выхаваўчай работы. Складаюцца дыягнастычныя карты, якія адлюстроўваюць рэальны стан усіх звёнаў выхаваўчага працэсу. Адмаўленне ад устарэлых і малаэфектыўных форм дазволіла партыйным арганізацыям Слонімшчыны ўзмацніць уздзеянне на перабудову школы, забяспечыць комплексны падыход да выхавання і навучання. Так, у 1986 го-

дзе ад 80 да 90 % школьнікаў пацвердзілі абавязковы ўзровень падрыхтоўкі па ўсіх прадметах.

Важным напрамкам у рабоце партыйных арганізацый і калектываў школ Слоніма стала адраджэнне ў педагагічнай практыцы камунарскай методыкі А. С. Макаранкі. Створаны своеасаблівыя цэнтры выхавання, якія дазволілі палепшыць арганізацыю вольнага часу падлеткаў. Папулярнасцю сярод старшакласнікаў і іх бацькоў карыстаюцца, напрыклад, выязныя пасяджэнні палітычнага клуба «Планета» сярэдняй школы № 5. У клубе аматараў мастацтва «Калейдаскоп» сярэдняй школы № 6 больш за 200 чалавек, яны аб'яднаны ў танцавальныя ансамблі «Ноткі», «Усмешка», фальклорныя і вакальна-інструментальныя ансамблі «Беларускія ўзоры» і «Спектр», секцыю «Пазіцыя», вакальную групу, тэатр масак. Настаўнік беларускай мовы і літаратуры сярэдняй школы № 2 А. В. Руцкая, заслужаны настаўнік БССР, член Саюза пісьменнікаў СССР, шмат увагі ўдзяляе развіццю паэтычных здольнасцей вучняў, прывівае ім любоў да нацыянальнай культуры [2].

Вопыт работы Слонімскага гаркома Кампартыі Беларусі па зацвярджэнню новых падыходаў да партыйнага кіраўніцтва адукацыяй і выхаваннем школьнікаў атрымаў высокую ацэнку на лютаўскім Пленуме ЦК КПСС і быў рэкамендаваны іншым гаркомам і райкомам партыі.

Творчы пошук новых форм выхаваўчай работы вылучае таксама партыйныя арганізацыі і калектывы сярэдніх школ № 9 Брэста, № 61, 159 г. Мінска, № 9 г. Мазыра, Валасоўскай і Каханоўскай школ Талачынскага раёна, Ровенска-Слабодскай сярэдняй школы Рэчыцкага раёна і інш.

Важнай умовай перабудовы маральна-выхаваўчага працэсу з'яўляецца дэмакратызацыя ўсіх бакоў школьнага жыцця. Пэўны вопыт у гэтым напрамку назапашаны калектывамі сярэдніх школ №№ 61, 26, 42 Мінска. У гэтых школах вышэйшай формай кіравання стала канферэнцыя, паўнапраўнымі ўдзельнікамі якой з'яўляюцца педагогі, бацькі, вучні. Бягучыя пытанні вырашаюцца на сумесным пасяджэнні савета працоўнага калектыву, вучнёўскага і бацькоўскага камітэтаў. Тут вызначаны крытэрыі ацэнкі работы настаўніка: удасканаленне навучальна-выхаваўчага працэсу, удзел у кіраванні школай, дапамога калегам. У выніку ўзрасла адказнасць настаўнікаў за якасць сваёй работы, бацькоў — за выхаванне дзяцей у сям'і, грамадскасці — за стварэнне ўмоў для развіцця інтарэсаў і схільнасцей дзяцей і падлеткаў. Павысіўся ўзровень ведаў, уменняў і навыкаў вучняў, іх грамадская актыўнасць, зменшылася колькасць правапарушэнняў, зробленых школьнікамі.

Мэтанакіраваная работа па развіццю педагогікі супрацоўніцтва, павышэнне аўтарытэту органаў вучнёўскага самакіравання, камсамольскіх і піянерскіх арганізацый праводзіцца калектывамі сярэдніх школ № 2 г. Наваполацка, № 6 Баранавіч, № 20 Гродна і інш.

Важнае месца ў перабудове сістэмы маральнага выхавання партыйныя арганізацыі школ адводзяць прыцягненню вучняў у грамадска карысную, прадукцыйную працу. Заслугоўвае ўвагі, напрыклад, вопыт партыйнай арганізацыі Коханаўскай сярэдняй школы Талачынскага раёна, дзе з дапамогай базавых прадпрыемстваў (вытворчае аб'яднанне «Будіндустрыя», калгас імя К. Заслонава і інш.) створана вучэбна-матэрыяльная база, якая дазваляе паспяхова вырашаць вучэбныя і выхаваўчыя задачы. Фарміраванню паважлівых адносін да працы дапамагае імкненне педагогаў больш поўна ўлічваць інтарэсы вучняў, уменне ўвязваць тэарэтычныя веды з жыццём. Своеасаблівым працягам урокаў біялогіі сталі тут палявыя даследаванні эфектыўнасці выкарыстання мінеральных угнаенняў, што праводзяцца ў садружнасці з вучонымі Беларускай сельскагаспадарчай акадэміі. У цеснай сувязі з біёлагамі працуюць настаўнікі хіміі і геаграфіі. На ўроках матэматыкі школьнікаў вучаць вылічваць ураджайнасць культур, рэнтабельнасць вытворчасці, сабекошт прадукцыі. У школьных майстэрнях юныя вынаходнікі пад кіраўніцтвам настаўніка В. Клімовіча сабралі камбінаваны токарны станок, адзначаны бронзавым медалём ВДНГ СССР.

Партыйныя арганізацыі базавых прадпрыемстваў, не абмяжоўваючыся матэрыяльнай дапамогай школе, вылучаюць на першы план выхаваўчую значнасць працы. На першым пасяджэнні савета школы была прынята прапанова партбюро і дырэкцыі аб'яднання даручыць школьнікам выкананне часткі заказа на пастаўку дэталей дрэваапрацоўкі ў Фінляндыю і ФРГ. З'явілася рэальная магчымасць ажыццявіць даўнюю мару школьнага калектыву — самім зарабляць грошы на развіццё школы. Акрамя гэтага, вучні працуюць у двух кааператывах. Толькі ў 1988 годзе на рахунак школы ад іх паступіла больш за 15 тыс. рублёў. Сярод спецыялістаў сельскай гас-

падаркі заслужаным аўтарытэтам карыстаецца аграном калгаса В. А. Красоўскі і трактарыст, лаурэат Дзяржаўнай прэміі СССР В. С. Багамол. В. А. Красоўскі — выпускнік Коханаўскай школы, быў брыгадзірам вучнёўскай вытворчай брыгады. Ён з вялікім клопатам і ўвагай адносіцца да выхавання і навучання будучых хлебаробаў. Значнае маральна-выхаваўчае ўздзеянне на вучняў аказвае іх праца ў вытворчай брыгадзе на арэндным падрадзе. Гаспадарка перадала вучнёўскай брыгадзе зямлю, тэхніку, угнаенні і насенне, спецыялістамі аказана дапамога ў разліку нарматываў аплаты і размеркаванні чыстага даходу.

Сяброўства школы і базавых прадпрыемстваў матэрыялізуецца ў ажыццяўленні праграмы добраўпарадкавання пасёлка, якая распрацавана школьнай партыйнай арганізацыяй. Звыш 900 вучняў, іх бацькоў і многія працоўныя калектывы прынялі ўдзел у будаўніцтве спартыўных пляцовак, дзіцячых гарадкоў і ў азеляненні пасёлка Коханава [3].

Вопыт работы пярвічных партыйных арганізацый і райкома КПБ Талачынскага раёна па ўдасканаленню сістэмы працоўнага навучання і выхавання школьнікаў вывучаны Віцебскім абкомам Кампартыі Беларусі ў 1989 годзе і рэкамендаваны іншым партыйным камітэтам і арганізацыям.

Цікавы вопыт па выхаванню працавітасці, імкнення добрасумленна працаваць назапашаны СШ № 14 Віцебска, дзе партыйная арганізацыя і адміністрацыя змаглі арганізаваць рэнтабельнае гасразліковае школьнае прадпрыемства па вытворчасці нестандартнага фізкультурна-аздараўленчага абсталявання для дзіцячых садоў. Ва ўмовах гаспадарчага разліку працуюць кааператыў «Юнацтва» СШ № 28 Бабруйска, ферма Забродскай СШ Шклоўскага раёна, вучнёўскія вытворчыя брыгады Маліцкай СШ Бярозаўскага раёна, Красненскай СШ Гомельскага раёна»[4].

У ходзе перабудовы агульнаадукацыйнай школы партыйныя камітэты і арганізацыі рэспублікі назапасілі пэўны вопыт работы па ўдасканаленню стылю, форм і метадаў палітычнага кіраўніцтва маральна-выхаваўчым працэсам. Разам з тым X Пленум ЦК Кампартыі Беларусі (1988) падкрэсліў, што школа па-ранейшаму адчувае дэфіцыт партыйнай увагі і клопату. Мерапрыемствы ЦК КПБ і Савета Міністраў рэспублікі па рэалізацыі асноўных напрамкаў школьнай рэформы не змаглі ў поўнай меры забяспечыць пераадоленне негатыўных з'яў у духоўна-маральным станаўленні падрастаючага пакалення. Марудна разбураецца адміністрацыйна-камандная практыка работы з вучнёўскай моладдзю, праяўляецца боязь дэмакратызацыі школы. Важным фактарам інтэнсіфікацыі перабудовачных працэсаў у выхаваўчай рабоце з'яўляецца дынамічнасць жыцця пярвічных партыйных арганізацый. Пленумы абласных камітэтаў Кампартыі Беларусі (май 1988 года) адзначылі, што частка партыйных арганізацый школ рэспублікі заняла пазіцыю чакання, часта ім не хапае глыбіні аналізу выхаваўчых праблем, паслядоўнасці ў іх рашэнні, умення ўзяць на сябе ролю палітычнага кіраўніка. Справаздачныя партыйныя сходы ў школах Мінскай вобласці 1988 года выявілі непадрыхтаванасць многіх настаўнікаў працаваць па-новаму, а атэстацыя кіраўнікоў педагагічных калектываў паказала, што кожны восьмы дырэктар не валодае майстэрствам кіравання калектывам, глухі да наватарства [5]. Ажыццяўляючы перабудову сістэмы маральнага выхавання, партыйныя камітэты і арганізацыі рэспублікі ў шэрагу выпадкаў не змаглі аб'яднаць намаганні больш чым трыццаці арганізацый і ведамстваў, якія адказваюць за выхаванне. У 1988 годзе сярод 4700 непаўналетніх правапарушальнікаў кожны чацвёрты быў школьнікам [6].

Вопыт паказаў, што там, дзе партарганізацыі не праяўляюць прынцыповай патрабавальнасці, дзелавітасці, як правіла, у педагагічных калектывах назіраецца недастатковае разуменне таго, што школа фарміруе духоўны свет і культуру паводзін вучняў. Сур'ёзнага ўдасканалення патрабуе работа пярвічных арганізацый па прыёму педагогаў у члены КПСС. Многія партыйныя арганізацыі школ, асабліва сельскіх, малакалькасныя, гадамі не растуць, значную частку іх складаюць камуністы перадпенсійнага і пенсійнага ўзросту.

Няпростыя задачы маральнага абнаўлення нашага грамадства цесна звязаны з фарміраваннем высокіх грамадзянскіх і маральных якасцей маладога пакалення. Сёння, абапіраючыся на палітычныя рэкамендацыі партыі, настаўніцтва Беларусі прапрацоўвае канцэптуальныя зыходныя пазіцыі для канструявання зместу навучальна-выхаваўчага працэсу як цэласнай сістэмы з улікам яе гарманізацыі, дыялектыкі адзінага і дыферэнцыраванага, інтарэсаў развіцця асобы, дэмакратызацыі школы.

[1] Ленін У. І. Творы. Т. 31. С. 264.
[2] Гл.: Матэрыялы Пленума КЦ КПСС 17—18 февраля 1988 г. М., 1988. С. 57—58; Материалы X Пленума ЦК КПБ 13 мая 1988 г. Минск, 1989. С. 73—74; Гродненская правда. 1988. 18 мая, 30 августа; Настаўніцкая газета. 1988. 27 студзеня.
[3] Гл.: Віцебскі рабочы. 1989. 12 мая, 6 ліпеня, 14 ліпеня, 7 верасня.
[4] Гл.: Віцебскі рабочы. 1988. 21 мая; Магілёўская праўда. 1988. 20 мая; Заря. 1988. 19 мая; Гомельская праўда. 1988. 18 мая.
[5] Гл.: Материалы X Пленума ЦК КПБ. С. 48; Вечерний Минск. 1988. 20 мая.
[6] Гл.: Настаўніцкая газета. 1989. 20 мая.

С. М. ХОДЗІН

АРГАНІЗАЦЫЯ ПЕРАПРАЦОЎКІ СЕЛЬСКАГАСПАДАРЧАЙ ПРАДУКЦЫІ Ў КАЛЕКТЫЎНЫХ ГАСПАДАРКАХ БССР

(другая палова 20-х гадоў)

Шырокая праграма перабудовы ўсіх сфер грамадскага жыцця, распрацаваная КПСС, прадугледжвае першачарговае вырашэнне харчовага пытання, што немагчыма без паляпшэння перапрацоўкі, захоўвання і рэалізацыі сельскагаспадарчай прадукцыі. У сучасны перыяд побач з развіццём непасрэдна перапрацоўчай прамысловасці вызначаецца таксама стварэнне параўнальна невялікіх вытворчасцей і прадпрыемстваў па перапрацоўцы прадукцыі і дастаўцы яе спажыўцам непасрэдна самімі калгасамі. На Чацвёртым Усесаюзным з'ездзе калгаснікаў падкрэслівалася, што без падсобных вытворчасцей немагчыма і дынамічнае развіццё эканомікі гаспадарак, якое абумоўлена сезоннасцю [1]. Дапаможныя прамысловыя прадпрыемствы ў калгасах — гэта самая простая і найбольш распаўсюджаная форма злучэння сацыялістычнай сельскай гаспадаркі з элементамі прамысловай вытворчасці. Адначасова, гэта адзін з самых старых метадаў вытворчага выкарыстання працоўных рэсурсаў на вёсцы.

А. В. Чаянаў яшчэ ў 1919 годзе ў якасці маласпрыяльнага адрознення арцельнай гаспадаркі ад капіталістычнай, адзначаў, што «апошняя (капіталістычная — С. Х.) утрымлівае ў сабе заўсёды такую колькасць працы, якая неабходна ёй у дадзены момант згодна яе арганізацыйнага плана, і ніводным рабочым больш»[2]. Сапраўды, пераважная большасць сельгасарцелей і камун Беларусі ў час уборкі ўраджаю ў 20-я гады ўжывала наёмную працу. Аднак існаваў і іншы шлях забеспячэння рацыянальнага выкарыстання працоўных рэсурсаў. Па меры аднаўлення сельскай гаспадаркі і далейшага ўмацавання калгасаў станавілася магчымым развіццё на іх тэрыторыі прадпрыемстваў па перапрацоўцы сельскагаспадарчай прадукцыі і іншых вытворчасцей па задавальненню рознабаковых патрэб калектыўных гаспадарак.

На XV з'ездзе ВКП(б) адзначалася, што «гэты працэс стаіць у сувязі з ростам інтэнсіўных культур, жывёлагадоўляй і г. д. і з растучымі экспартнымі магчымасцямі (масларобчыя заводы, сыраварні, кансервавыя заводы, заводы па першаснай апрацоўцы ільну, сушыльні, беконныя заводы і г. д. і да т. п.)»[3].

На працягу першай паловы 20-х гадоў калектыўныя гаспадаркі, узнікшыя на землях дзяржаўнага фонду, маглі карыстацца зямлёй і пабудовамі, якія меліся на ёй, толькі на правах арэнды. Гэта прыводзіла да неэфектыўнага выкарыстання абсталявання і паступовага разбурэння памяшканняў прадпрыемстваў. Пасля XIV з'езда ВКП(б) робяцца пэўныя захады, каб змяніць існуючае становішча. 16 лютага 1926 года прымаецца пастанова Савета Народных Камісараў СССР «Аб парадку перадачы калгасам падсобных і прамысловых прадпрыемстваў»[4]. Згодна пастанове СНК Беларускай ССР (снежань 1926), калектыўным гаспадаркам рэспублікі перадаваліся прадпрыемствы па першаснай апрацоўцы і перапрацоўцы прадуктаў сельскай гаспадаркі (маслабойныя і сыраварныя, пладова-сушыльныя, крухмальныя і інш.), а таксама прызначаныя для абслугоўвання розных патрэб сельскагаспадарчай вытворчасці (лесапільныя, цагельныя і г. д.). Разам з прадпрыемствамі калгасам перадавалася сыравіна, зыходныя матэрыялы і прадукты. Уся азначаная маёмасць запісвалася за калектыўнымі гаспадаркамі ў беспрацэнтную пазыку, якая пагашалася імі на працягу дзесяці гадоў у галіне асноўнага капіталу і трох гадоў — у частцы зваротнага [5].

На пачатку 1926 года была прынята пастанова Эканамічнай Нарады пры Савеце Народных Камісараў БССР аб спецыяльным фондзе для крэдытавання мерапрыемстваў па індустрыялізацыі калгасаў. Пазыкі з гэтага фонду выдаваліся калектыўным гаспадаркам выключна на збудаванне, капітальны рамонт, абсталяванне вытворчых прадпрыемстваў і павінны былі выкарыстоўвацца па непасрэднаму прызначэнню; у адваротным выпадку ўстановам сістэмы сельскагаспадарчага крэдыту дазвалялася патрабаваць іх датэрміновага пагашэння [6].

Выкарыстоўваючы пазыкі з фонду індустрыялізацыі, толькі Магілёўская акруговая секцыя калгасаў вызначыла да аднаўлення ў 1927 годзе 3 крухмальныя заводы, 6 млыноў, маслабойны завод і завод па перапрацоўцы фруктаў. Падкрэслівалася, што «прадпрыемствы павінны павялічыць таварнасць сельскай гаспадаркі, даваць добры прадукт пры невысокім сабекошце і адпавядаць сучасным тэхнічным і эканамічным умовам». На перспектыву (1927—1931 гады) намячаліся высокія тэмпы росту сырзаводаў [7].

Стварэнне новых вытворчасцей калгасаў адбывалася з улікам не толькі іх асабістай спецыялізацыі, але і спецыялізацыі гаспадарак навакольнага сялянства. Так, у 1925/26 гаспадарчым годзе камуны і сельгасарцелі Беларусі мелі 37 прадпрыемстваў, з якіх 31 — вадзяныя млыны. Толькі ў адным калгасе рэспублікі дзейнічаў масласырзавод. У наступным годзе масласырзаводаў налічвалася ўжо 38. За 1927/28 гаспадарчы год колькасць прадпрыемстваў па перапрацоўцы малака ў калектыўных гаспадарках узрасла ў два разы. Развіццё ж крухмальных заводаў замаруджвалася нізкім тэхнічным аснашчэннем і адсутнасцю попыту на іх прадукцыю [8].

У калгасах меліся таксама плодасушыльні, уварачна-вінаробчыя і алейныя заводы (перапрацоўка насення ільну і канапель у алей). Аднаўляліся вытворчасці па вырабу цэглы, чарапіцы, вапны; разам з ростам млыноў павялічвалася колькасць лесапільняў. На 1 кастрычніка 1928 года толькі ў калектыўных гаспадарках Мінскай акругі налічвалася 39 розных прамысловых і дапаможных прадпрыемстваў. Па плану на 1928/29 гаспадарчы год вызначаліся да пабудовы: крухмальны завод з перапрацоўкай да 200 тыс. пудоў бульбы ў год, 5 буйных маслаchoробча-сыраварных заводаў і 2 плодасушыльні. Разам з перапрацоўкай прадукцыі сваіх гаспадарак прадпрыемствы калгасаў перапрацоўвалі і сельскагаспадарчую сыравіну навакольнага сялянства. [9].

Працягваўся колькасны рост прадпрыемстваў калгасаў (з 37 у 1925/26 гаспадарчым годзе да 213 у 1927/28), аднак кіраўніцтва Белсельсаюза было не задаволена тэмпамі індустрыялізацыі калгасаў. Па-ранейшаму праекты і каштарысы на тэхнічныя прадпрыемствы калектыўных гаспадарак складаліся выпадковымі асобамі па прыватнай дамоўленасці. Нагляд за іх пабудовай таксама даручаўся прыватным асобам, часта недастаткова кампетэнтным. Невыкананне плана рэканструкцыі прадпрыемстваў па перапрацоўцы малака з'яўлялася адной з галоўных прычын таго, што сярэдні кошт аднаго завода калгасаў у 1926/27 гаспадарчым годзе склаў 1408 рублёў у параўнанні з 4—6 тыс. рублёў сярэдне абсталяваных заводаў. Нягледзячы на рост удзельнай вагі прадпрыемстваў калектыўных гаспадарак у сістэме масласырзаводаў малочнай кааперацыі рэспублікі (з 16 % у 1924/25 гаспадарчым годзе да 20 % у 1926/27), большасць з іх заставаліся дробнымі, знаходзіліся ў памяшканнях, не адпавядаўшых элементарным тэхнічным і санітарна-гігіенічным умовам вытворчасці [10].

Узнікла пытанне аб эканамічнай мэтазгоднасці арганізацыі ў калгасах невялікіх дапаможных прадпрыемстваў па перапрацоўцы сельскагаспадарчай прадукцыі. Абсталяваныя ўстарэлай тэхнікай, яны мелі больш высокія выдаткі вытворчасці, чым буйныя спецыялізаваныя прадпрыемствы. Імкненне вырашыць адзначаную супярэчнасць і гарманічна злучыць прамысловасць з сельскай гаспадаркай нярэдка прыводзіла да пашырэння дзейнасці падсобных прадпрыемстваў за межы аднаго калгаса. Кіраўніцтвам Белсельсаюза была вынесена і пачала праводзіцца ў жыццё ў 1927—1928 гадах прапанова аб арганізацыі дапаможных вытворчасцей пры куставых аб'яднаннях калектыўных гаспадарак. Даход сельгасарцелей і камун вызначаўся ў залежнасці ад іх удзелу ў будаўніцтве, аднак большая яго частка павінна была ісці на пашырэнне прадпрыемстваў.

Разам з тым меліся прыклады, калі набліжэнне прамысловай вытворчасці да крыніц сыравіны ў сельскай гаспадарцы давала значны эфект. Так, сыраварны завод камуны «Звязда» Чэрвеньскага павету пастаўляў сыр у Германію. Пра высокую якасць сыру і іншых малочных прадуктаў сведчыла і тое, што за іх камуна атрымала на раённай і Усебеларускай выстаўцы

дыпломы першай ступені. Нягледзячы на ведамасныя перашкоды, прыбытак сельгаскамуны «Звязда» ад свайго прадпрыемства толькі з 1927 па 1928 год павялічыўся ў пяць разоў [11].

Развіццё перапрацоўкі сельскагаспадарчай прадукцыі ў калгасах у 20-я гады паказвала магчымасць злучэння ў адпаведных прапорцыях дробнай вытворчасці з буйнай, канцэнтраванай. Вызначыліся дзве тэндэнцыі. З аднаго боку, чым большае прадпрыемства, тым больш сучасным быў працэс перапрацоўкі. Але, з другога боку, звязанае з гэтым павелічэнне адлегласці вяло да падаражэння канчатковай прадукцыі. Да таго ж пагаршаліся ўмовы выкарыстання адходаў перапрацоўкі, якія з'яўляліся каштоўнымі кармамі альбо ўгнаеннямі. Так, камуна імя Карла Лібкнехта ўжо на пачатку сваёй дзейнасці адрамантавала і пераабсталявала крухмальны завод. Прыбытак ад яго склаў у 1920 годзе 1500 рублёў, а ў 1928 ужо больш 27 тыс. Адходы выкарыстоўваліся на корм жывёле і продаж навакольным сялянам. Апошнія адзначалі, што ў выніку такой дабаўкі ў іх гаспадарках павысіліся ўдоі малака [12].

Падагульняючы вынікі абследавання калгасаў у чэрвені 1928 года, ЦСУ БССР адзначала, што рост прадпрыемстваў у калектыўных гаспадарках паляпшае якасць таварнай прадукцыі і пашырае яе збыт на рынку. Акрамя таго, праз індустрыялізацыю калгасаў наладжваецца іх сувязь з навакольным сялянствам шляхам перапрацоўкі сельскагаспадарчых прадуктаў і абслугоўвання рознымі майстэрнямі: кузнямі, абутковымі, сталярнымі і г. д.[13] Такім чынам, дробная аднаасобная гаспадарка развівалася ў напрамку інтэграцыі з буйнай, кааператыўнай праз таварна-грашовыя (часткова — і натуральныя) адносіны. Пацвярджаўся вывад XV з'езда ВКП(б) аб тым, што важнейшую ролю ў працэсе вытворчага каапеpавання «іграе ўжо цяпер і яшчэ больш будзе іграць у будучым сельскагаспадарчая індустрыя (як дзяржаўная, так і кааператыўная), непасрэдна звязаная — і тэхнічна і эканамічна — з сельскагаспадарчай вытворчасцю і пераўтвараючая лад гэтай апошняй»[14].

Фарсіраванне працэсу калектывізацыі з канца 1929 года і гігантаманія ў калгасным будаўніцтве ў галіне перапрацоўкі сельскагаспадарчай прадукцыі падштурхнула да арганізацыі ў шэрагу выпадкаў аграіндустрыяльных камбінатаў. У аснове ідэі іх стварэння ляжала імкненне перайсці да сацыялізму вельмі хуткімі тэмпамі, але для гэтага не было адпаведных эканамічных і тэхнічных перадумоў. Паступова, як рэакцыя на памылкі і адмоўныя вынікі дзейнасці аграіндустрыяльных камбінатаў, умацаваўся погляд, згодна з якім адмаўляўся наогул ўсякі удзел калгасаў у арганізацыі дапаможных прадпрыемстваў. На пачатку 50-х гадоў сцвярджалася, што яны быццам бы супярэчаць самой прыродзе калектыўных гаспадарак і тармозяць іх развіццё. Калгасы павінны былі абмяжоўвацца толькі сельскагаспадарчай вытворчасцю, а перапрацоўкай займацца дзяржаўная харчовая прамысловасць, у якой вядучую ролю адыгрывалі прадпрыемствы з высокім узроўнем канцэнтрацыі вытворчасці. У якасці тэарэтычнага абгрунтавання прыводзіўся тэзіс аб перавагах буйнай вытворчасці над дробнай.

Такім чынам, усталявалася канцэпцыя поўнага адзяржаўлівання эканамічнага працэсу, якая адмаўляе неабходнасць надзейнага эканамічнага механізма сувязі, выкарыстання элементарных умоў гандлю, рынку, абмену. Спробы абвергнуць яе, як адзначае акадэмік Л. Абалкін, натыкаюцца на звязанае з цэлай сістэмай стэрэатыпаў мыслення супрацьдзеянне, якое вельмі цяжка пераадолець [15]. І таму каштоўным з'яўляецца сёння вопыт 20-х гадоў па арганізацыі перапрацоўкі сельскагаспадарчай прадукцыі ў калгасах.

[1] Гл.: Четвертый Всесоюзный съезд колхозников: Стенографический отчет. М., 1988. С. 67, 81.

[2] Чаянов А. В. Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации. М., 1919. С. 305.

[3] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 4. С. 300.

[4] Гл.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917—1967). М., 1967. Т. 1. С. 512.

[5] Гл.: Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Белорусской Советской Социалистической республики за 1927 год. Менск, 1928. № 3. Ст. 14.

[6] Гл.: Там же. 1926. № 1. Ст. 175; 1927. С. 566—567.

[7] ЦДАКР БССР. Ф. 334, воп. 1, спр. 771, арк. 9; Пяцігадовы план развіцця народнай гаспадаркі Магілёўскай акругі (1927—1931 гг.). Магілёў. 1927. С. 23.

[8] Гл.: Отчет Народного Комиссариата Земледелия БССР за 1926/27 хозяйственный год. Менск, 1928. С. 252; Белсельсаюз: Справаздача за 1927/28 аперацыйны год. Менск, 1929. С. 10.

[9] Гл.: Матэрыялы да справаздачы Менскага акруговага выканаўчага камітэта. Менск, 1929. С. 41.

[10] Гл.: Агеяў Л. Жывёлагадоўля і перспектывы яе развіцця ў калгасах БССР // Сельская і лясная гаспадарка. 1928. № 3—4. С. 29, 30; Белсельсаюз: Справаздача за 1927/28 апэрацыйны год. С. 10.

[11] Гл.: Кудзінаў С. Жыццё і праца камуны «Звязда». Менск, 1929. С. 21.

[12] Гл.: Кудзінаў С. Камуна імя Карла Лібкнехта. Менск, 1930. С. 55—56.

[13] Гл.: Калгасы БССР. Менск, 1929. С. 22.

[14] КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 300.

[15] Гл.: Народное хозяйство Белоруссии. 1989. № 4. С. 14.

Г. И. ИЛЬЯЩУК

К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВОВАНИИ ТАК НАЗЫВАЕМОГО «СОЮЗНОГО БЮРО СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ-МЕНЬШЕВИКОВ»

В публикациях последнего времени [1] обоснованно отмечаются несостоятельность и фальсифицированный характер обвинений публичного судебного процесса над членами «Союзного Бюро социал-демократов-меньшевиков» (1—9 марта 1931 года). По этому делу были осуждены (на сроки от трех до десяти лет лишения свободы) 14 человек: член президиума Госплана В. Г. Громан, члены правления Госбанка СССР Б. М. Берлацкий и В. В. Шер, известный экономист и публицист Н. Н. Суханов, ответственные работники Наркомторга СССР М. И. Тейтельбаум и М. П. Якубович, экономисты А. М. Гинзбург, И. Г. Волков, Л. Б. Залкинд и А. Л. Соколовский, бухгалтер К. Г. Петунин, профессора политэкономии А. Ю. Финн-Енотаевский и И. И. Рубин, журналист В. К. Иков. Все они признали себя виновными во вредительстве, подготовке интервенции и тяжких экономических преступлениях (представление ложных обзоров по народному хозяйству, срыв планов и темпов индустриализации и кредитной реформы, сокрытие средств потребительской кооперации, недоснабжение рабочих товарами и др.). Вместе с тем внимательное изучение материалов судебного процесса, соотнесение их с анализом состояния антисоветских сил внутри страны и в эмиграции убеждает, что признательные показания обвиняемых далеки от достоверности. Расходятся они и со многими очевидными, установленными историческими фактами. Солидаризуясь с подобными выводами о процессе, хотелось бы дополнить их как некоторыми аргументами, деталями, так и оценками этого судебного спектакля самими меньшевиками.

Глубокие сомнения вызывают, прежде всего, «интервенционистские» намерения подсудимых. Ведь из многочисленных меньшевистских документов хорошо известно, что все течения и руководящие центры меньшевизма (включая правое крыло) были в те годы противниками антисоветской интервенции. Об этом писали, к примеру, Ф. И. Дан — в заявлении Заграничной делегации (официального эмигрантского центра) РСДРП от 28 февраля 1931 года [2] и А. Н. Потресов — на страницах правоменьшевистского органа «Записки социал-демократа» [3]. Эмигрантский партийный центр меньшевиков не только выразил крайне негативное отношение к вредительству и антисоветскому саботажу, но и выступал противником «насильственного свержения большевистской диктатуры» [4]. Тезисы РСДРП по национальному вопросу (апрель 1929) призывали рабочих всех наций СССР отказаться от поддержки сепаратистских тенденций, чтобы избежать опасности гражданской войны и империалистической интервенции. При активном участии меньшевиков Исполком РСИ (Социнтерна) принял в мае 1930 года резолюцию, которая обязывала все партии социалистического Интернационала избегать действий, которые вели бы к «хозяйственной дезорганизации», гражданской войне и к интервенции против СССР [5]. Такую позицию меньшевизма обусловили опасения, что объединение с силами контрреволюции могло бы способствовать установлению в СССР крайне реакционного режима, исключавшего последующую демократизацию страны.

Трудно поверить в сам факт принадлежности большинства подсудимых (на момент их ареста) к партии меньшевиков. По свидетельству «Социалистического Вестника» (центрального органа меньшевиков), членом РСДРП оставался к началу 30-х гг. лишь один В. К. Иков. Другие обвиняемые либо

вышли из рядов партии 10 и более лет назад, либо (двое из 14) никогда в ней не состояли [6]. Служащий одного из московских издательств В. К. Иков действительно поддерживал связь с берлинским центром РСДРП. По мнению историков Е. Елфимова и Ю. Щетинова [7], он в 1928—1929 годах возглавлял остатки меньшевистского подполья. Однако, по словам самих меньшевиков, обвиняемые в принадлежности к «Союзному Бюро» не имели отношения ни к подполью, ни к деятельности В. К. Икова, а представляли собою «совершенно искусственно составленный мнимый коллектив из 14 людей...»[8] Столь же решительно опротестовала меньшевистская эмиграция и признания Икова о получении им от Заграничной Делегации РСДРП директив о «вредительстве» и «подготовке интервенции». Аналогичное заявление сделали меньшевики, отбывавшие в СССР ссылку или тюремное заключение. Назвав В. К. Икова клеветником, они требовали пересмотра антименьшевистского процесса 1931 года. Вскоре и В. К. Иков заявил органам ГПУ о ложном характере собственных показаний и ходатайствовал о пересмотре дела «Союзного Бюро». За свое поведение на судебном процессе он был исключен из РСДРП [9].

Новые сведения о характере мартовского (1931) политического процесса дает обращение историков Е. Елфимова и Ю. Щетинова к хранящемуся в архиве заявлению (от 5 мая 1967) М. П. Якубовича на имя Генерального прокурора СССР. Эти авторы познакомили читателей «Политического образования» с той частью текста документа, которая была опущена в публикации Р. А. Медведева (Знамя. 1989. № 2), поскольку, очевидно, не вписывалась в концепцию автора. М. П. Якубович подтвердил, что из подсудимых только В. К. Иков сохранил связь с меньшевистским партийным центром и его организацией. Однако категорически отрицал существование меньшевистского «Союзного Бюро». «Следователи ОГПУ,— писал М. П. Якубович,— и не стремились ни в какой мере вскрыть действительные политические связи и действительную политическую позицию кого-либо из обвиняемых. У них была готовая схема вредительской организации...»[10] В заявлении рассказывалось и о методах «извлечения признаний». «После покушения на самоубийство меня уже больше не били,— вспоминал Якубович,— но зато в течение долгого времени не давали спать. Я дошел до такого состояния мозгового переутомления, что мне стало все на свете все равно... В таком психическом состоянии я дал согласие на любые показания...»[11]

Обвинительное заключение по делу «Союзного Бюро» составлялось в духе насаждавшейся А. Я. Вышинским пресловутой теории «царицы доказательства» и строилось на самопризнаниях будущих подсудимых. Настораживает, однако, что главные показания были даны ими лишь накануне процесса — с 14 по 22 февраля 1931 года — после длительного пребывания в следственном изоляторе ОГПУ. Уже 21 февраля, т. е. еще до окончания допросов, советское телеграфное агентство сообщило об окончании следствия. На следующий день эта информация была перепечатана зарубежной прессой [12]. Текст обвинительного заключения появился в московских газетах 27 февраля, а уже 1 марта начался судебный процесс. Такая «хронология» ведения дела тоже наводит на размышления о «беспристрастности» и «тщательности» расследования.

Одним из основных «доказательств» обвинения подсудимых в связях с меньшевистской эмиграцией стали показания В. В. Шера, В. Г. Громана и Л. Б. Залкинда о получении ими в 1928—1931 годах 280 тыс. руб. (560 тыс. марок) от Заграничной Делегации РСДРП, которая, в свою очередь, финансировалась («для вредительской работы в СССР») германской социал-демократией. По свидетельству Громана, деньги пересылались «Союзному Бюро» Ф. И. Даном и Ф. А. Абрамовичем, получавшими их якобы через Г. Гильфердинга. В. В. Шер подробно рассказывал суду о приезде Р. А. Абрамовича (летом 1928) в Москву, сообщая, с кем говорил, где обедал и ночевал меньшевистский лидер. Однако сам Абрамович сразу же выступил с опровержением этих показаний, заявив, что не был в СССР с ноября 1920 года [13]. Вскоре он направил телеграмму протеста председателю Специального судебного присутствия Н. М. Швернику, государственному обвинителю Н. В. Крыленко и защитникам — И. Д. Брауде и Н. В. Коммодову [14]. В ней просил огласить на процессе его заявление (сделанное под присягой и заверенное в германском суде) о невиновности обвиняемых. Одновременно Р. А. Абрамович сообщил, что может документально доказать свое пребывание в одном из пансионов Мекленбурга (с 26.06 по 26.07. 1928), а затем (август 1928) — на заседаниях Международного социалистического Конгресса и органов РСИ в Брюсселе. 28 февраля 1931 года ЦК СДПГ и Ру-

дольф Гильфердинг отвергли приписываемое им оказание денежной помощи российской социал-демократии. Заграничная Делегация (ЗД) РСДРП, выступив с аналогичным заявлением, изъявила готовность детально ознакомить Социнтерн с приходной и расходной частью своего подлинного бюджета [15]. В пользу непричастности последней к финансированию мнимого «Союзного Бюро» свидетельствует и незнание в меньшевистском эмигрантском центре адресов многих подсудимых. К примеру, Л. О. Дан, жена лидера ЗД РСДРП, интересовалась в письме к Е. Д. Кусковой от 8 января 1931 года адресом Н. Н. Суханова и личностью жены В. Г. Громана, чтобы выслать родственникам осужденных посылки [16]. Неясно, кроме того, на какие цели тратились «выявленные» следствием фантастические суммы — 480 тыс. руб. (вместе с деньгами, полученными якобы и от Промышленной партии). Ведь в материалах судебного процесса нет доказательств ни о существовании местных организаций «Союзного Бюро», ни о его издательской, как, впрочем, и другой деятельности. Не прояснил этого вопроса и Ем. Ярославский, выступивший 26 февраля 1931 года в Обществе старых большевиков с докладом о будущем процессе. Он ограничился лишь оценками меньшевизма как антисоветской силы [17].

Уместно заметить, что и органы ГПУ считали конец 20-х — начало 30-х годов временем полного распада меньшевистского подполья. В 1928 году через Особое совещание ОГПУ прошло лишь 17 дел (на 19 человек) меньшевиков. В его справке отмечалось, что партии эсеров и меньшевиков в СССР «окончательно сошли с политического горизонта, оставшись исключительно эмигрантскими группами»[18]. Меньшевистская печать, которая настойчиво повторяла, что чекисты арестовали «не тех», проморгав истинное социал-демократическое подполье, тоже не привела (в отличие, к примеру, от 1921—1925 годов) ни одного факта о деятельности своих организаций в СССР. Эмигрантские центры меньшевизма занимались к тому времени преимущественно пропагандистской работой, литературно-публицистической критикой «большевистской диктатуры». Этим же целям, очевидно, в основном служили и сохранившиеся ниточки связей берлинского центра РСДРП с меньшевиками и сочувствовавшими им в СССР.

Обвиняемые по делу «Союзного Бюро», вероятно, были противниками курса И. В. Сталина и его окружения. Они имели определенные убеждения и, возможно, разногласия с большевиками. Скорее всего, не делали тайны из своих оппозиционных взглядов. Во всяком случае, говорили об этом между собой, встречаясь у Н. Н. Суханова и Н. В. Вольского (Валентинова) [19]. Однако весьма маловероятна их роль в организации нелегального партийного центра. Организация в марте 1931 года антименьшевистского судебно-политического спектакля скорее всего преследовала цель создать на базе единичных достоверных фактов (например, связей Икова с меньшевистской эмиграцией) «правдоподобный» миф о крупной антисоветской подпольной организации. Ее псевдосуществование требовалось тогда для политического воздействия на массы, сгущения в стране атмосферы подозрительности и недоверия, для обоснования необходимости «закручивания гаек», оправдания «вредительством» хозяйственных трудностей и свертывания демократических начал в жизни общества. Пожалуй, не столь далек от истины был и лидер меньшевиков Ф. И. Дан, когда писал, что подсудимые вынуждены играть роль тех мальчиков, которых бьют за Рыкова, Бухарина, Томского, за всю большевистскую «старую гвардию», которая неразрывно связала себя с нэпом и не может принять авантюристической «генеральной линии»... Ее-то... и имеют в виду, когда обрушиваются на Громана, Суханова и их товарищей по беде!»[20]

Сегодня пришла пора беспристрастно и объективно разобраться в обстоятельствах политического процесса 1—9 марта 1931 года. Ведь «не отбросив всей полулжи.., нельзя войти в науку, нельзя дойти до целой истины». Так считал А. И. Герцен. И с мнением его трудно не согласиться.

[1] См.: Волобуев О., Кулешов С. Очищение. История и перестройка: Публицистические заметки. М., 1989; Елфимов Е., Щетинов Ю. Три процесса над старой интеллигенцией (1928—1931 гг.) // Политическое образование. 1989. № 16.
[2] См.: Социалистический вестник. Приложение. 1931. 5 марта. С. 4.
[3] См.: Записки социал-демократа. 1931. № 2.
[4] Vorwärts. 1931. 28 Febr.
[5] См.: Социалистический вестник. 1930. № 10. 30 мая.
[6] Там же. 1934. № 8. С. 16.
[7] См.: Политическое образование. 1989. № 16. С. 73.

[8] Социалистический вестник. Приложение. 1931. 5 марта. С. 4.
[9] Там же. 1934. № 8. С. 16.
[10] Политическое образование. 1989. № 16. С. 74.
[11] Там же.
[12] См.: Abend. 1931. 3. Marz.
[13] См.: Vorwärts. 1931. 27. Febr.
[14] Полный текст см.: Социалистический вестник. Приложение. 1931. 5 марта. С. 4.
[15] Там же.
[16] ЦГАОР СССР. Ф. 5865, оп. 1, д. 156, л. 11.
[17] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС. Ф. 89, оп. 5, д. 2, л. 2—52.
[18] Политическое образование. 1989. № 16. С. 72.
[19] В письмах к Е. Д. Кусковой (эмигрантского периода) Н. В. Вольский сообщал, что знал о взглядах осужденных, но не ожидал их покаяния «с таким унижением» (ЦГАОР СССР. Ф. 5865, оп. 1, д. 113, л. 29 об).
[20] Vorwärts. 1931. 28. Febr.

С. И. ФИЛИППЕНКО

ГЕРМАНИЯ И ПРОБЛЕМА РЕОРГАНИЗАЦИИ СОВЕТА ЛИГИ НАЦИЙ

Седьмая Чрезвычайная сессия Лиги наций в Женеве (март 1926 года) не разрешила вопрос о германском вступлении в Лигу. Однако это не было воспринято как полный провал данного направления внешней политики Веймарской республики. С одной стороны, члены Совета Лиги наций согласились с германским предложением о создании особой комиссии по изучению вопроса о расширении Совета Лиги наций, с другой — правильность германской позиции в Женеве была в целом признана официальными кругами страны.

После Женевы руководители западных стран отдавали себе отчет в том, что отказ Германии от вступления в Лигу наций может явиться крахом договора Локарно. Поэтому уже 27 марта министр иностранных дел Великобритании О. Чемберлен попросил информировать немецкое посольство о том, что участие Германии в работе особой комиссии будет осуществляться на равных правах с другими членами, несмотря на то что она не входит в Лигу [1].

31 марта германский кабинет принял решение участвовать в работе комиссии. Германская дипломатия стремилась, в первую очередь, обеспечить своей стране постоянное место в Совете Лиги и энергично выступала против предоставления аналогичных мест Бразилии и Испании, а Польше — даже непостоянного места.

В целях достижения соглашения с Англией и Германией Франция предложила свой проект реформы Совета. Он предусматривал увеличить количество членов Совета с 10 до 20, из них 11 — с решающим голосом, 9 — с совещательным. Причем право решающего голоса постоянно должно было принадлежать пяти великим державам. Остальные страны могли получать это право только попеременно [2]. Разумеется, такой проект не мог получить одобрения большинства стран-участниц комиссии, и Франция была вынуждена от него отказаться.

Работа особой комиссии проходила в Женеве с 10 по 17 мая 1926 года. Кроме стран-членов Совета, в ней участвовали также представители Польши, Китая, Швейцарии, Аргентины и Германии. В германскую делегацию входили посол Германии в Париже Л. Геш и заведующий правовым отделом МИД Ф. Гаус. К началу работы комиссии представитель Франции Поль Бонкур вновь информировал германскую сторону о том, что Франция, как и прежде, будет стремиться к предоставлению Польше постоянного места в Совете [3].

11 мая представитель Англии Р. Сесиль предложил свой проект реформы Совета, предусматривая постоянное место Германии в Совете. План включал в себя: увеличение числа непостоянных членов Совета с шести до девяти; создание категории так называемых «полупостоянных членов» путем переизбрания трех непостоянных членов на новый трехлетний срок; считать переизбранным члена, получившего на сессии Лиги наций не менее двух третей голосов; избрать на сентябрьской сессии трех непостоянных членов на три года, трех — на два, трех — на один год [4].

Большинство стран в целом одобрили этот проект, однако так как он не предусматривал значительного увеличения количества постоянных мест в

Совете, то его принятие натолкнулось на сопротивление со стороны Испании, Бразилии, Польши и Китая. Так, испанский представитель Палациос 13 мая потребовал предоставления постоянного места в Совете своей стране, ссылаясь на обещания некоторых великих держав, прежде всего Англии. А бразильский представитель Мелло-Франко заявил, что Бразилия в случае окончательного отклонения своего требования выйдет из Лиги наций [5].

В создавшейся ситуации Поль Бонкур в беседе с Л. Гешем пытался добиться его согласия на предоставление в будущем постоянного места хотя бы Испании с тем, чтобы предотвратить ее выход из Лиги наций. Но Геш отнесся к этому предложению негативно. Он исходил из того, что, во-первых, этим шагом Германия наносила удар в спину Англии и Швеции — своим союзникам в вопросе распределения мест в Совете. Во-вторых, в Берлине опасались, что в перспективе подобной уступки Франция потребует и для Польши. После долгих дебатов комиссия отложила решение проблемы до 28 июня.

Анализируя майские итоги работы комиссии, необходимо отметить, что отсрочка решения была навязана Испанией и Бразилией, несмотря на согласие большинства принять проект Сесиля. Для Германии обстановка несколько облегчалась тем, что Бразилия уже не могла в полной мере препятствовать благоприятному для немцев решению вопроса, так как истекал срок ее пребывания в Совете Лиги наций.

8 июня 1926 года Совет Лиги принял решение вновь продлить сроки переговоров с Испанией и Бразилией. В ответ на это Мелло-Франко сложил свой мандат, а 14 июня секретариат получил уведомление о выходе из Лиги наций Бразилии.

Несколько ранее (11 июня) подобный шаг совершила и Испания, отозвав из Женевы своего представителя. Однако Испания была склонна к компромиссу. В качестве компенсации за отказ предоставить ей постоянное место в Совете она желала получить мандат Лиги наций на управление международной зоной Танжера. С этой целью в середине июля король Испании Альфонс XIII посетил Лондон и Париж.

Стремилась к ревизии проекта Сесиля и Польша. Так, 26 июля Берлин посетил член постоянной польской делегации в Женеве В. Диаманд. Он просил германское руководство оказать поддержку при переизбрании Польши на первый и второй период пребывания в Совете в качестве непостоянного члена. Диаманд также предложил переизбрать непостоянных членов не двумя третями, а простым большинством голосов. При этом посланник Пилсудского фактически намекнул на возможные территориальные уступки. Для достижения поставленной цели польское правительство обратилось с меморандумом к государствам — членам Совета. В нем оно выдвинуло свой план решения проблемы, который предусматривал: увеличить срок пребывания в Совете непостоянных членов с трех до пяти лет; переизбрание на первый и второй срок проводить простым большинством голосов уже при выборах какой-либо страны на непостоянное место; выборы непостоянных членов провести на сентябрьской сессии, чтобы Польша одновременно с Германией вошла в Совет Лиги наций [6].

План Польши нашел понимание в Париже, и Франция через своего посла в Мадриде предложила его Испании с незначительными изменениями, подчеркнув, что его принятие практически предоставляет испанцам постоянное место. Этим шагом Франция пыталась объединить усилия Испании и Польши. Одновременно Франция пыталась склонить на свою сторону и Англию.

Опасаясь изменения английской позиции, Штреземан 10 августа писал в Лондон: «Очевидно, что подобное урегулирование не диктуется всеобщими интересами Лиги наций, а лишь преследует цель удовлетворить амбиции определенных государств и фактически ввести новый вид постоянного места...»[7]

Второе заседание особой комиссии было назначено на 30 августа, а в середине месяца Л. Геш получил новый проект плана Польши, согласованный с Францией. В отличие от первоначальных пожеланий теперь Польша соглашалась с переизбранием непостоянного члена в конце мандатного периода сроком на три, а не на пять лет. Гешу стало также известно, что обе стороны пришли к мнению провести выборы непостоянных членов в начале сессии, чтобы Польша одновременно с Германией вошла в Совет Лиги наций. Испания также не отказывалась от своих притязаний на постоянное место.

Такое положение, безусловно, ставило германские планы под угрозу сры-

ва. Поэтому 14 августа Штреземан, пытаясь заручиться поддержкой некоторых стран, направил своим послам в Рим, Брюссель, Берн и Стокгольм депеши, в которых просил передать правительствам на местах, что «всякое принципиальное изменение майского решения комиссии будет отвергнуто германской стороной»[8]. Правительства Италии, Швеции, Бельгии и Швейцарии заявили, что они против увеличения постоянных мест в Совете, исключая Германию. Однако, несмотря на твердую позицию этих стран, обстановка продолжала оставаться сложной.

20 августа Д'Абернан сообщил Шуберту, что английское правительство считает необходимым изменить, согласно «французским пожеланиям», майский проект Сесиля [9]. Определенный нажим на Германию начали оказывать и США.

Германия вынуждена была уступить. В Берлин 23 августа для выработки нового проекта прибыл советник французского МИД по юридическим вопросам А. Фромажо. В соответствии с новым, компромиссным франко-англо-германским проектом уже при выборах на непостоянное место три страны могли быть переизбраны на новый трехлетний срок, но сессия Лиги могла в любой момент отменить свое решение [10]. Такой проект для Германии был приемлем, так как не мог гарантировать Польше занять в будущем непостоянное место на новый срок.

Надежды Испании на получение в опеку зоны Танжера потерпели крах. Негативную позицию в этом вопросе заняла Франция, а предложенное Англией компромиссное решение — созвать после сессии Лиги наций международную конференцию по Танжеру — Испания отвергла.

На заседаниях особой комиссии, проходивших с 30 августа по 3 сентября, проект Фромажо — Гауса был отклонен. Оппозицию по этому вопросу возглавила Бельгия. Ее поддержали Аргентина, Швеция, Италия и Швейцария. Так, президент Швейцарии Матта заявил 2 сентября: «Удовлетворение требований Испании невозможно. Германия получает постоянное место и вступает в Лигу наций»[11].

В итоге комиссия вернулась к майскому проекту Сесиля, в который были внесены незначительные изменения.

Германию вполне устраивал такой поворот событий. По словам Геша, «...окончательное решение комиссии больше соответствует германским интересам, чем проект Фромажо — Гауса [12].

4 сентября Совет Лиги наций в отсутствие Испании и Бразилии единогласно принял представленный проект и рекомендовал сессии одобрить его. Таким образом, Германия получала постоянное место в Совете Лиги наций, а количество непостоянных членов увеличивалось с шести до девяти. Хотя увеличение количества непостоянных мест в Совете не могло не вызвать определенного неудовольствия германских правящих кругов, вопрос был предрешен. 8 сентября 1926 года по предложению Д. Мотта Германия была единогласно принята в Лигу наций с предоставлением ей постоянного места в Совете.

16 сентября были проведены выборы девяти непостоянных членов Совета Лиги наций, по итогам которых в Совет оказались избранными Польша, Чили и Румыния — на три года; Колумбия, Голландия и Китай — на два года; Бельгия, Чехословакия и Сальвадор — на год. Итак, Германия вошла в Совет Лиги наций раньше Польши.

Необходимо подчеркнуть, что вступление Германии в Лигу наций и борьба за предоставление именно ей постоянного места в Совете имело далеко идущие последствия на пути ревизии Версальского договора.

[1] См.: D'Abernon E. V. Ein Botschafter der Zeitwende. Leipzig. 1930. Bd. 3. S. 273.
[2] См.: Deutsche Allgemeine Zeitung. 1926. 11. Mai.
[3] Akten zur deutschen außwärtigen Politik 1918—1945: Serie B. 1925—1933. Bd. I/1. Göttingen, 1966. S. 518. (Далее — ADAP.).
[4] Deutsche Allgemeine Zeitung. 1926. 12. Mai.
[5] ADAP. S. 540.
[6] Spenz J. Die diplomatische Vorgeschichte. Göttingen, 1966. S. 184.
[7] ADAP. Bd. 1/2. S. 55—56.
[8] Ibid. S. 71.
[9] Ibid. S. 34.
[10] Ibid. S. 125—126.
[11] Deutsche Allgemeine Zeitung. 1926. 2. September.
[12] ADAP. S. 153—154.

Філасофія

А. А. МИХАЙЛОВ

ЗАВЕРШАЮЩИЙ АККОРД КРИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И. КАНТА

(к 200-летию выхода в свет работы «Критика способности суждения»)

Если правомерно говорить о «судьбах» философских произведений, то следует признать, что «Критике способности суждения» повезло меньше других кантовских работ. Внимание, которое уделено кантоведением заключительной «Критике», значительно уступает масштабам исследования «Критики чистого разума» или «Критики практического разума». Это объясняется отчасти существованием крайне распространенной точки зрения, в соответствии с которой в данном произведении мы имеем дело с якобы достаточно частной философской проблемой — анализом своеобразия эстетического опыта. С другой стороны, в отсутствии адекватных представлений относительно основных интенций работы в определенной степени оказалась повинной некоторая непроясненность ее отдельных фрагментов. Сложилось положение, при котором, как отмечает Хайдеггер, влияние «Критики способности суждения» на философскую традицию основывалось до сих пор лишь на недоразумениях [1].

Еще в меньшей мере повезло этому произведению в отечественных философских исследованиях. Даже на фоне недостаточной исследованности в нашей литературе наследия И. Канта в целом (как, впрочем, и многих других чрезвычайно важных аспектов философской традиции) поражает отсутствие должного внимания к работе, которую многие зарубежные кантоведы оценивают как наиболее значительную в его творчестве [2]. Следовало бы помнить при этом и о том, что идеи заключительной «Критики» оказали значительное воздействие на становление взглядов Фихте, Шеллинга и Гегеля, эстетические концепции Шиллера, Шлегеля, Гельдерлина, Гете и Шопенгауэра. Произведение привлекло внимание молодого Ницше, который намеревался посвятить свою диссертацию анализу телеологической системы Канта, повлияло на развитие концепций философии жизни Дильтея и Зиммеля, продолжает оставаться в центре дискуссий по проблемам современной философской герменевтики.

Трудности, с которыми сталкивается русскоязычный читатель работы, начинаются уже с ее названия, поскольку оборот «способность суждения» недостаточно корректно воспроизводит смысл кантовского «Urteilskraft». Как явствует из немецкого текста, Кант с достаточной отчетливостью говорит о существовании в семействе высших познавательных способностей (Vermögen) опосредующего звена — «силы» (Kraft) суждения [3]. Правомерно предположить, что отнюдь не случайно, выделяя три способности души, он использует для обозначения понятия «способность» наряду с «Vermögen» синоним «Fähigkeit», а не немецкий эквивалент понятия «сила» (как это может показаться, если исходить из не-

точного русского перевода)[4]. Как известно, термин «Urteilskraft» играет определенную роль уже в «Критике чистого разума», где выполняет функцию связи между конститутивным принципом и данностью предметов опыта, а также в «Критике практического разума», в которой с его помощью обнаруживается целостность, позволяющая оценивать характер поступков. Однако и в том, и в другом случае специфическая природа самого принципа «Urteilskraft» не разъясняется автором. Только в заключительной «Критике» Кант приступает к осмыслению проблемы, достаточно существенно модифицируя ее содержание. Характерным при этом является то, что, следуя традиции, утвердившейся со времени Лейбница и Вольфа, немецкий мыслитель проводит различие между пассивностью «способности» как «чистой возможности» и активностью «силы» как деятельностной потенции — тем, что обладает творческой креативной природой и способствует в процессе человеческой деятельности превращению возможного в действительность [5].

Таким образом, замысел Канта заключается в том, чтобы закрепить за понятием «Urteilskraft» смысл, выражающий высшую «законодательствующую способность души», несводимую к ее отдельным составляющим. Он обращается тем самым не просто к одной (пусть даже и крайне специфической способности человеческой субъективности), но к тому, что выступает в качестве основания для «оживления познавательных сил субъекта»[6].

Следует ли говорить о том, что анализ столь глубинной и неисследованной предшествующей философской мыслью проблематики оказался связанным с такими затруднениями, которые сам Кант оказался не в состоянии преодолеть? В тексте работы он неоднократно ссылается на трудности, возникающие при осмыслении того, что, по его мнению, «так запутала сама природа», выражает надежду на возможность оправдания «некоторой неясности» в решении проблемы, полагая, что совсем избежать ее невозможно [7].

С подобного рода затруднениями мы сталкиваемся, как полагает Кант, когда имеем дело с эстетическими «оценками» (Beurteilungen)[8] прекрасного или возвышенного в природе или искусстве. Такие оценки являются характерным случаем, осмысление которого позволяет пролить свет на природу самого принципа «способности суждения».

Таким образом, наряду с «теоретической» и «практической» установкой по отношению к объектам, находящим свое выражение в «познании» («Erkenntnis») и «деятельности» («Handeln»), возможна также и другая —«эстетическая» установка. С выяснения своеобразия этого эстетического отношения, его места и роли в целостной человеческой субъективности и начинается работа.

В полном соответствии с духом философской традиции Кант обращается к выявлению специфики эстетического отношения субъекта к объекту, обосновывая правомерность эстетической установки наряду с теоретической и практической. В работе предпринимаются усилия по разграничению теоретической, практической и эстетической форм деятельности субъекта. Но результатом этих усилий является нечто большее: в процессе этого разграничения Кант сталкивается с такими проблемами, попытка разрешения которых в конечном счете приводит к существенным модификациям выдвинутой им концепции трансцендентальной философии.

Уже в первых параграфах «Критики» Кант указывает на специфику эстетического суждения, которое он называет также «суждением вкуса», отмечая, что оно «не есть познавательное суждение» и «ничем не содействует познанию». В то время как в процессе познания мы посредством рассудка соотносим наши представления с объектом, эстетическое суждение коренится в субъекте, точнее говоря, в «чувстве удовольствия или неудовольствия» [9].

На первый взгляд, мы имеем дело с восходящей к античной философии констатацией идеи разграничения сфер истины, добра и красоты

и соответствующих им типов установок человеческой субъективности. Если бы это было действительно так и Кант воспроизводил бы в своей работе платоновскую концепцию онтологической обособленности этих сфер, то эстетическое суждение представляло бы собой необходимый элемент, который позволяет обозначить деятельность человеческой субъективности в ее целостности и существует наряду с теоретическим (познавательным) и практическим (нравственным) суждениями. В действительности же, как показывает Кант, все обстоит намного сложнее. Совершенно неправомерно обесценивать прекрасное, как это пытался сделать Платон, или подчинять его добру (Плотин). Прекрасное обладает самоценностью и играет такую роль в целостности человеческого опыта, что устоявшиеся представления о природе последнего должны быть переосмыслены в свете анализа эстетического суждения. Подлинное значение и смысл кантовской третьей «Критики» заключается, однако, в том, что анализируемая в ней проблематика в существенной мере модифицировала характер «коперниканского переворота», который был осуществлен Кантом в философии, и при том в такой степени, что самые сокровенные идеи «Критики способности суждения» оставались вне поля зрения последующей философской традиции вплоть до недавнего времени. Так, например, обращая внимание на серьезные упущения, связанные с интерпретацией основных положений последней «Критики», допущенные послекантовской философией, Г. Праус приходит к выводу о наличии серьезных последствий этих упущений для всей тональности последующей немецкой классической философии [10].

Детальный анализ такого рода последствий — задача, решение которой еще предстоит нашей философии. Укажем в этой связи лишь на один аспект традиционной оценки философии Канта. Речь идет о пресловутом дуализме кантовского учения, усматриваемом в противопоставлении мира чувственного и сверхчувственного, разума теоретического и практического. На неправомерность утверждения, согласно которому «учение Канта разлагается в этом дуализме», обращал внимание еще Виндельбанд. По его мнению, существование непреодолимой пропасти между царством природы и царством свободы опровергается в кантовской философии «фактом человеческого сознания, которое, при посредстве своей объединяющей функции, чувствует себя одинаково своим в обоих мирах» [11].

Поскольку, однако, лейтмотивом философии Канта является требование практического разума, выражающееся в подчинении мира чувственного миру нравственному, отмечает Виндельбанд, возникает вопрос о том, каковы необходимые и общезначимые формы, посредством которых мы можем мыслить царство природы подчиненным царству свободы. Так как это подчинение не может быть функцией познания, не соприкасающегося с нравственным миром, Кант задается вопросом о возможности существования в субъекте **силы**, определяющей природу **отношения** к предмету опыта, силы, которую он обозначает посредством термина Urteilskraft и которая, по его мнению, выступает в качестве глубинного принципа человеческой субъективности.

Кант обращает внимание на то, что неправомерно было бы усматривать в эстетической установке пассивное состояние субъективности, чистую созерцательность, предрасполагающую лишь к ощущению удовлетворения (Wohlgefallen). Поскольку только исходя из себя самого субъект устанавливает эстетическое отношение к объекту, эстетическая установка, преодолевающая «теоретическую» и «практическую» заинтересованность и будучи недетерминируемой внешними факторами, должна обладать неким особым видом активности, спонтанностью, выявление природы которой требует обращения к субъекту.

Примечательным при этом является то, что эстетическая установка реализуется не благодаря существованию какой-либо особой способности субъективности. Она является результатом деятельности субъекта в целом, оживлением его познавательных сил. К тому же мы имеем де-

ло в этом случае с активностью более высокого уровня, активностью, преодолевающей первоначальную вовлеченность субъекта в «заинтересованные» отношения с объектом и позволяющей объекту предстать как таковому.

Свобода эстетической установки субъективности выступает таким образом противовесом «практицизму» ориентации сознания, являясь высшим проявлением его имманентных сил. Применительно к этой установке способность суждения предстает как a priori законодательствующее правило и доказывает **автономию** субъекта. На первый взгляд может показаться странным, что Кант, столь настойчиво отстаивающий субъективную природу эстетических суждений, обнаруживает наличие в них априорных, не зависимых от опыта, общезначимых форм. Однако a priori, с которым мы сталкиваемся в данном случае, существенно отличается от трактовки a priori в первой и второй «Критиках». В центре внимания последней «Критики» не «эстетические суждения, но право высказывания критического суждения (das Recht des kritischen Urteilens) в сфере эстетического». То обстоятельство, что, в отличие от высказываний в сфере науки и нравственности, эстетические суждения являются не подлежащими аргументации и доказательству и тем не менее претендуют на всеобщую значимость, свидетельствует об обострении философского интереса к «субъективному чувству Я эстетического опыта», к проблеме связи субъективности с ее притязанием на всеобщность и необходимость [12].

С другой стороны, в данном случае мы сталкиваемся не просто с автономией, которая может быть уподоблена «автономии рассудка в отношении законов природы или автономии разума в отношении практических законов свободы». Ее значимость обнаруживает себя необъективно: через понятия о вещах или возможных поступках. Эта принципиально иная автономия, лежащая в основании эстетической установки, является «чисто субъективной», определяет «закон не природе и не свободе, а исключительно самой себе»[13]. Своеобразие такого рода законодательства обозначается Кантом при помощи особого термина — «геавтономии»— состояния субъективности, характеризующегося высшей степенью свободы. Из этого следует, однако, вывод, что эстетической установке отнюдь не присуща пассивность, находящая выражение в состоянии «**спокойного** созерцания»[14].

Возникает вопрос о том, насколько правомерно подобного рода заключение, поскольку Кант характеризует эстетическую установку при помощи терминов «удовольствие» (Lust) и «удовлетворение» (Wohlgefallen), на первый взгляд как будто бы характеризующих субъективность в ее пассивном состоянии «спокойного созерцания».

Как отмечает Праус, в ряде мест своего произведения Кант с достаточной отчетливостью предостерегает против такой оценки эстетического. Об этом свидетельствует и несколько необычное для него высказывание в § 6 «Критики», где речь идет о том, что субъект чувствует себя «совершенно **свободным»** в отношении «удовлетворения, которым он наделяет предмет» («des Wohlgefallens, welches er dem Gegenstande widmet»)[15]. Как видим, и на сей раз в русском переводе (см. Т. 5. С. 212) оказываются невоспроизведенными те смысловые оттенки оригинала, которые были восприняты Праусом в качестве ключевых в контексте его интерпретации кантовского произведения. Казалось бы, отмечает Праус, необычность этой формулировки кантовской мысли заключается в том, что «удовлетворение», точно так же, как и «удовольствие», есть нечто «чувственно-пассивное», то, что можно испытывать или нет, но во всяком случае не «наделять» им. Однако именно то, что Кант в этом случае подчеркивает «свободу» субъекта, помогает прояснить имплицитный смысл употребления «widmen»: «При этом обнаруживается не что иное, как та свободная активность, которая лежит в основании эстетической установки и которая обладает очевидным превосходством над всяким удовлетворением как чем-то чувственно-пассивным. То, что в этом и за-

ключается его подлинная точка зрения, подтверждает и сам Кант, когда обращает внимание на то, что эстетической установки по отношению к предмету мы достигаем благодаря «свободе, позволяющей нам самим себе сделать что-то предметом удовольствия»[16].

Следовательно, когда Кант, характеризуя суждение вкуса, говорит об «удовольствии» (Lust) или «удовлетворении» (Wohlgefallen), он имеет в виду выявляемое в ракурсе трансцендентальной формулировки проблемы специфически эстетическое измерение «удовольствия» или «удовлетворения», порождаемое свободной активностью субъективности. Благодаря свободе, имманентной нашей субъективности, мы должны прежде всего нечто «сделать» предметом эстетической установки с тем, чтобы иметь возможность испытывать по отношению к нему чувство удовольствия. Стало быть, эстетическое отношение субъекта к объекту ни в коей мере не рассматривается Кантом как предопределяемое объектом. Оно становится возможным в результате дистанцирования субъекта по отношению к объекту, реализуясь в процессе преодоления практической вовлеченности, присущей познанию и практической деятельности. Будучи детерминированным самим субъектом, эстетическое отношение является результатом высшего напряжения его активности, свободных творческих сил. По-видимому, в этом и заключается причина того, что Кант обращается к понятию «Kraft» (сила), которое обозначает в структуре субъективности нечто существенно более важное, чем просто способность «Vermögen»[17].

Такое предположение подтверждается и высказыванием Канта на последних страницах работы, в котором он уподобляет эстетическое чувство по глубине и степени воздействия на человека религиозному: «И восхищение красотой, и умиление перед многообразными целями природы, которые в состоянии чувствовать размышляющая душа еще до ясного представления о разумном творце мира, имеют в себе нечто сходное с **религиозным** чувством»[18].

Таким образом, в заключительной «Критике» Канта предпринимается не просто попытка дополнить проект трансцендентальной философии недостающим для целостности системы фрагментом. Имеются достаточные основания предполагать, что немецкий мыслитель обращается в этой работе к проблеме, которую он лишь обозначает в последних строках введения к «Критике чистого разума», когда говорит о возможности существования общего корня двух основных стволов человеческого познания. Это находит подтверждение и в том, что Кант в своем обращении к анализу деятельности субъекта, «каузальности человека», по существу, пытается осмыслить **онтологические** основания человеческой субъективности, автономной и самодостаточной в такой степени, что природа и направленная на нее активность выступают в качестве сферы, достаточно второстепенной и случайной по сравнению с задачей самоосуществления человека. В итоге теоретический, практический и эстетический акты субъективности предстают перед нами лишь модификацией свободной и продуктивной спонтанности, ибо «независимо от того, о каком бы виде человеческой деятельности ни шла речь, все нити сходятся к способности суждения. Она является тем, что в соответствии с рассудком, разумом или самой собой обозначает рамки трансцендентального горизонта, в котором объекты воспринимаются как познаваемые, максимы — как нравственные и произведения искусства как прекрасные»[19].

Способность суждения предстает тем самым в роли своего рода трансцендентального конструктора всех синтетических суждений a priori. Она выполняет столь специфическую функцию в структуре субъективности, что возникает сомнение в правомерности критических замечаний Гадамера в адрес основных идей «Критики способности суждения», в которой он утверждает, что Кант отказывает суждению вкуса во всяком познавательном значении[20].

Действительно, Кант в своем произведении неоднократно отмечает, что суждение вкуса не есть познавательное суждение. Однако не следу-

ет ли предположить, что преднамеренная несоотнесенность опыта прекрасного с познавательным опытом должна пониматься в соответствии с духом кантовской «Критики» в ином смысле? Кант обращает внимание на то, что с теоретическим знанием **такой** опыт, природу которого он исследует, не может быть отождествлен, ибо в данном случае речь идет о большем — выявлении глубинных основ природы человеческой субъективности.

Публикация «Критики способности суждения» знаменует собой завершающий этап создания критической системы Канта. Отныне целостность трансцендентальной философии получает свое основание в соответствующей ей целостности опыта и всей человеческой субъективности. Посредством рефлектирующей способности суждения обозначается идея целесообразного единства всего живого, которая в то же время представляет собой решение задачи по созданию всеобъемлющей системы философского мышления, претендующего на обнаружение единства данного. Выдающаяся заслуга Канта заключается в том, что в стремлении к этой целостности особенное, конкретное не было принесено им в жертву всеобщности системы. Одним из уроков, который мог бы быть воспринят последующей философской традицией в большей мере, чем это, к сожалению, имеет место, является наделение индивидуального такого рода самодостаточной ценностью, которая не позволяет подчинять его всеобщей и безличной закономерности. Современному философскому мышлению еще предстоит извлечь надлежащие выводы из этого урока.

[1] Heidegger M. Nietzsche. Pfullingen, 1961. Bd. I. S. 125.

[2] См.: Bartuschat W. Zum systematischen Ort von Kants Kritik der Urteilskraft. Frankfurt am Main, 1972; Riedel M. Urteilskraft und Vernunft. Frankfurt a/M., 1989; Schrader G. The status of teleological judgement in the critical philosophy // Kant-Studien, 1953—1954. Bd. 45. S. 204.

[3] См.: Kant I. Kants Werke. Berlin, 1968. Bd. 5. S. 177.

[4] См.: Кант И. Соч. В 6 т. М., 1966. Т. 5. С. 175.

[5] См.: Hoffmeister J. Wörterbuch der philosophischen Begriffe. Hamburg, 1955. S. 362—363.

[6] Kant I. Kants Werke. Bd. 5. S. 222.

[7] См.: Кант И. Соч. Т. 5. С. 166—167, 165.

[8] Вновь приходится констатировать, что неточность перевода искажает смысл кантовского высказывания. Русский перевод термина «Beurteilung» как «суждение» (См.: Кант И. Соч. Т. 5. С. 165) игнорирует то, что Кант, приступая к характеристике Urteilskraft, усматривает наличие сходного принципа в эстетических оценках. В английском издании работы «Beurteilung» переводится более точно: «estimate» (См.: Kant I. The Critique of Pure Reason. The Critique of Practical Reason. The Critique of Judgement. Chicago; London; Toronto, 1952. P. 462). Кстати, в «Критике чистого разума» (См.: Кант И. Соч. Т. 3. С. 128) этот термин переводится правильно.

[9] См.: Там же. С. 203, 204.

[10] См. об этом подробнее: Prauss G. Kant uber Freiheit und Autonomie. Frankfurt am Main, 1983. S. 313.

[11] См. Виндельбанд В. История новой философии. СПб., 1905. С. 122.

[12] Höffe O. Immanuel Kant. München, 1983. S. 265—266.

[13] Кант И. Соч. Т. 5. С. 130.

[14] Там же. С. 253.

[15] Kant I. Kants Werke. Bd. 5. S. 211.

[16] Prauss G. Kant über Freiheit und Autonomie. S. 294—295.

[17] О значении этого ключевого для европейской философской традиции понятия, восходящего к аристотелевскому dynamis см.: Heidegger M. Aristoteles. Metaphysik Θ 1—3 Vom Wesen und Wirklichkeit der Kraft. Frankfurt am Mein, 1981.

[18] Кант И. Соч. Т. 5. С. 523.

[19] Pieper A. Freiheit und Kunst. Zum Konzept einer transzendentalen Ästhetik // Philosophisches Jahrbuch. 1989. Jg. 96. Hbd. 2. S. 245.

[20] См.: Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1989. С. 86.

Н. В. РОЖИН

ПРОБЛЕМА РЕФЕРЕНЦИИ И ОБЪЕКТИВНОСТЬ ЗНАНИЯ

Период шестидесятых годов текущего столетия оказался поворотным пунктом в истории западной философии и особенно той ее части, которую принято называть философией науки. Именно в этот период началась такая перестройка философского фундамента, которая затронула большинство из ранее господствовавших стереотипов философского мышления. Речь идет прежде всего об утрате лидирующего положения логическим позитивизмом и о выдвижении на первый план концепций, обычно именуемых в советской литературе историко-методологическими.

По сравнению с логическим позитивизмом историко-методологические подходы, безусловно,— значительный шаг вперед в исследовании знания. Сторонники этих подходов «пытаются рассматривать науку как целостный организм в контексте всей социальной действительности и реализовывать в своем анализе принцип исторического подхода к науке»[1]. Многие их наблюдения и выводы, осмысленные в свете марксистско-ленинской теории, помогают лучше увидеть «сложность процесса развития науки, уловить проблемы, которые прежде ускользали из поля зрения исследователей»[2].

Однако историко-методологическим концепциям свойственны и существенные недостатки. Это прежде всего и главным образом тенденция к субъективно-идеалистической интерпретации природы научного знания. Поскольку здесь преимущественную проработку получает связь научного знания с его концептуально-интеллектуальным и социокультурным контекстом в ущерб связи с эмпирическим уровнем, фактическими наблюдениями ученых, постольку достаточно сильной оказывается тенденция к истолкованию наблюдений, как если бы они конституировались теорией. Во всяком случае историко-методологические концепции «не противятся» подобной интерпретации природы наблюдаемых данных, а в связи с этим естественно возникает проблема объективной достоверности научного знания.

Непосредственной реакцией на этот недостаток историко-методологических моделей анализа научного знания в западной философии науки явилось возникновение в те же шестидесятые годы так называемой концепции научного реализма. Полагая, что советский читатель знаком с ее основоположениями, в данной статье мы намерены сосредоточить внимание на одной из ранних попыток разработки теории референции (указания), складывавшейся в качестве методологического основания научного реализма. Преимущественно речь пойдет о взглядах американского философа И. Шефлера, изложенных им в книге «Наука и субъективность». Основная цель этой работы состоит в попытке обоснования значения референции для решения вопросов объективной достоверности знания. Именно референция, по замыслу Шефлера, может выявить концептуальные заблуждения сторонников историко-методологических моделей анализа научного знания и стать средством обоснования его объективности.

Вопреки доказательствам сторонников историко-методологических моделей о теоретической нагруженности наблюдений, невозможности интертеоретической коммуникации, кумуляции и т. п. Шефлер считает, что только при условии соответствия «независимому и беспристрастному критерию»[3] можно говорить об объективной достоверности знания. Поискам и обоснованию такого критерия посвящена значительная часть «Науки и субъективности».

Независимые от какой бы то ни было теории данные наблюдения, считает Шефлер, только по видимости удовлетворяют требованиям независимого и беспристрастного критерия. С их помощью невозможно ограничить произвол в выборе той или иной научной гипотезы. Ограничение произвола требует не просто определенных средств, с помощью которых можно было бы осуществить выбор одной из возможных, внутренне со-

гласованных, но противоречащих друг другу «систем представлений». Для ограничения произвола нужны такие средства, которые гарантировали бы единственно правильный выбор. «Факторы, определяющие выбор,— говорит Шефлер,— должны находиться вне пределов согласованности». Таким фактором не может быть и приемлемость, поскольку с ее помощью нельзя отличить представления, принятые на основе фактических данных, от представлений, являющихся мифами или ложными убеждениями (75).

Единственно возможный путь, на котором можно избежать произвола и, следовательно, обеспечить хотя бы минимум объективности,— это тот путь, который диктуется реальностью. Если объективная достоверность знания возможна в принципе, то средства, с помощью которых может быть принято решение относительно конкурирующих систем знаний и представлений, должны так или иначе соприкасаться с реальностью. При этом Шефлер замечает, что в то время, как выбор всегда должен быть единственно правильным, не существует таких систем представлений, которые были бы истинными навсегда. Однако пересмотру время от времени подлежат и высказывания о реальности, но сама реальность навсегда остается совокупностью тех «фиксированных точек, с которыми должна сообразовываться наука». Только те высказывания, которые соприкасаются с реальностью, образуют «релевантно фиксированные точки», необходимые для обеспечения объективности, так как именно они соприкасаются с «абсолютно фиксированными точками» реальности.

Для объяснения и обоснования ситуаций, когда наши высказывания соприкасаются с реальностью, Шефлер и пользуется понятием референции. В этом смысле референтность или, точнее, механизм, посредством которого высказывание обретает референциальный характер относительно некоторой внеязыковой сущности, представляет собой альтернативу феноменализму как объяснению доступа познающего субъекта к реальности.

С помощью референции Шефлер намерен решить все эти эпистемологические задачи, которые в свое время были поставлены феноменализмом. Например, реальность, на которую указывает высказывание, в эпистемологии Шефлера представляет собой функциональный эквивалент нейтрального языка наблюдения. Или, обсуждая вопросы кумуляции, редукции, объяснения, целесообразно трактовать их значение в терминах референции, а не смысла и коннотации (61—62).

Что дает основание Шефлеру возлагать столь большие надежды на референцию? В повседневной и научной практике, считает он, мы пользуемся референтными словами (именами собственными, личными и указательными местоимениями, определенными описаниями и т. п.) для того, чтобы связать то, что мы говорим, с вещами, о которых мы говорим. Значит, референтные слова являются языковыми средствами выделения тех внеязыковых сущностей, к которым относятся наши слова: они есть пути, ведущие из сферы языка в мир реальности. С этой точки зрения, отличие понятия смысла от понятия референции состоит в том, что вещи, на которые мы указываем, есть то, что они есть; они не зависят от того, что мы о них думаем, или от того, как мы их описываем.

В понятии референции, говорит Шефлер, содержится своего рода «интуитивный реализм»: наши слова указывают на внеязыковые сущности, и мы можем объяснить феномен указания посредством апелляции к употреблению языка. Следовательно, референция претендует на независимость от эпистемологии по крайней мере в двух отношениях: тот способ, которым слова указывают на вещи, ничего общего не имеет с проблемами эпистемологического характера. Референция, можно сказать, по природе своей — чисто логическая или даже семантическая проблема. Она не нуждается ни в какой философской теории для объяснения природы той внеязыковой реальности, на которую указывают наши слова и высказывания.

Коль скоро объективность знания предполагает соприкосновение высказываний с реальностью, идея референции и в самом деле выглядит многообещающей. Разработка этой идеи последователями Шефлера до уровня специальной теории, вероятно, может служить доказательством ее потенциальных возможностей.

Итак, предположим, что существенная роль референции в деле ограничения произвола в случае научного выбора и тем самым обеспечения объективной достоверности знания доказана. Вслед за этим попытаемся более детально рассмотреть, что представляет собой понятие референции в интерпретации Шефлера, и как, согласно его мнению, слова выполняют функцию указания на предметы внеязыковой реальности? Сразу отметим что в «Науке и субъективности» нет еще развитой теории референции. Шефлер прежде всего и главным образом стремится провести своего рода демаркационную линию между понятиями смысла и референции. Различие между ними он видит в том, что референтность слова может оставаться постоянной даже в случае, когда его смысл, признаки или описания, связанные со словом, меняются. Иначе говоря, референтность научного термина может оставаться постоянной независимо от употребления его в контексте различных теорий. И именно поэтому, вопреки Т. Куну и иже с ним, кумуляция, редукция и объяснение сохраняют реальные возможности.

Механизм, посредством которого слова обретают свойство указания на внеязыковые вещи, понимание того, как слова «прикалываются» к внеязыковому миру, у Шефлера довольно прост. Когда человек усваивает референтные слова, он приобретает «особые привычки индивидуализации и классификации связанных с ними вещей» (119), по существу своему являющиеся «селективными привычками употребления или отказа от употребления» слова и поэтому функционирующие как «селективное принуждение» в употреблении слов. В присутствии той вещи, на которую указывает слово, мы, в силу этой привычки, склонны подтвердить и сохранить высказывание, содержащее данное слово, даже если со временем его употребление окажется ошибочным. Привычки, иными словами, порождают склонность полагать высказывание истинным перед лицом вещи, на которую оно указывает. И из этих склонностей, в свою очередь, выводится то, что Шефлер именует «заслуживающими доверия утверждениями», которые входят в наш арсенал в случае обзора и оценки системы представлений (119, 123).

Такова в самом общем виде концепция референции, предложенная Шефлером. Не претендуя на исчерпывающий анализ, отметим, что ее создатель скорее всего не достиг поставленной цели. Его положения о «склонностях» и «заслуживающих доверия утверждениях» сомнительны с точки зрения психологии и, что еще более важно, неудовлетворительны с точки зрения гносеологии. Вряд ли сам по себе факт нашей склонности пользоваться данным словом в той или иной ситуации означает, что нам **следует** пользоваться этим словом. Поэтому сомнительно, чтобы «склонности» своим результатом могли иметь «заслуживающие доверия утверждения». Кроме того, если бы привычки, обретаемые нами в результате усвоения употребления слова, понимались как причины, определяющие употребление данного слова в данной ситуации, то, конечно, в этом случае возможны были бы «заслуживающие доверия утверждения» относительно нашей склонности пользоваться данным словом. Следовательно, если бы на привычку в принципе можно было опереться, то употребление референтного слова — употребление по привычке — стало бы надежным показателем наличия той вещи, на которую указывает слово. Но Шефлер не рассматривает «референциальные привычки» в качестве причин. Он хочет, чтобы референциальные высказывания были, во-первых, не имеющими отношения к сфере суждения, и во-вторых, обладающими «внутренней достоверностью»,— достоверностью, не обусловленной какими-либо другими высказываниями (117).

Тем не менее введение «привычек» в эпистемологию представляется заслуживающим внимания. Вероятно, стремление опереться на привычки в эпистемологии проистекает из убеждения, что с их помощью можно показать те отношения между вещами, которые складываются или существуют вне сферы суждения. Ассоциации по привычке срабатывают автоматически, не требуя предварительного суждения,— слово может быть привычно соотнесено с вещью без предварительного «схватывания» ее посредством суждения. Дело в том, что если отношение между словом и тем, на что оно указывает, имеет характер привычки, то, естественно, слово может указывать на нечто без апелляции к суждению об этом нечто, без возможного искажения его посредством определенной теории или системы представлений. Следовательно, вещь остается независимой от какой бы то ни было системы представлений и поэтому способной диктовать выбор соответствующей системы. Более того, если референция основана на привычке, то тем самым еще большее правдоподобие приобретает положение о том, что связь между референтным словом и вещью является чисто семантической, что эта связь не предполагает ничего эпистемологического, может быть, даже когнитивного.

Другое преимущество автоматической ассоциации слова и вещи Шефлер, по всей вероятности, усматривает в том, что в подобном случае мы принуждены выбирать слова, привычно ассоциирующиеся с вещью и, следовательно, вынуждены признавать истинными высказывания, содержащие эти слова. Мы не свободны произвольно принимать какое бы то ни было высказывание — реальность накладывает на нас свои ограничения. Иными словами, средства, ограничивающие произвол в выборе теорий или систем представлений, не просто указывают единственно приемлемый выбор, но заставляют нас сделать этот выбор.

Не вдаваясь в подробности относительно того, состоятельна или нет концепция Шефлера как истолкование референции, состоятелен или нет предлагаемый им механизм, посредством которого слова обретают референтность, рассмотрим один вопрос: способна ли эта концепция служить средством, обеспечивающим знанию определенный вид объективной достоверности? Здесь сразу же возникает ряд трудностей. Прежде всего, если слова, согласно Шефлеру, обретают референтность через привычную ассоциацию с вещами, то они неизбежно должны обретать привычную связь с вещами не самими по себе, а с воспринимаемыми. Когда мы усваиваем слова, мы соотносим их с воспринимаемыми вещами, которые даны нам в наших наблюдениях. Порождаемые в результате этого привычки заставляют нас употреблять слово всякий раз, когда мы воспринимаем ту же вещь, и полагать истинными высказывания, содержащие эти слова. Механизм обретения словом референтности состоит, следовательно, в том, что слова указывают на вещи, когда мы воспринимаем эти последние. Чем же тогда отличаются «референтные высказывания» Шефлера от «предложений наблюдения» логического позитивизма?

Выход из положения вероятно один: чтобы референция стала средством обретения знанием характера объективной достоверности, нужно отождествить воспринимаемые вещи с реальностью самой по себе. Ведь если механизм референции имеет дело с воспринимаемыми вещами, а эти последние не отождествлены с реальностью, то у нас нет оснований считать, что наши референтные привычки принуждают нас совершать единственно правильный выбор из числа возможных систем представлений. Референция в подобном случае не в силах обеспечить то, что Шефлер называет «принуждением реальности».

Однако Шефлер не спешит отождествлять воспринимаемые вещи с реальностью. Он не признает феноменалистского понятия «наблюдаемого данного» как компонента перцептуального опыта, отождествляемого с реальностью. Имеющиеся доказательства, говорит он, не подтверждают, что «что-либо, понятое как чувственное данное, не подвержено пере-

стройкам в результате изменения ментальной позиции или интереса», или что «наблюдения совершаются в фактической изоляции от процессов концептуализации» (28, 36). В восприятии, считает Шефлер, не дана реальность. Протоколы наблюдения нельзя трактовать как «точки непосредственного и самоочевидного соприкосновения наших систем представлений с реальностью». Поэтому и наблюдения, и соответствующие им протоколы наблюдения не в состоянии служить основанием объективной достоверности знания. Если слова указывают на вещи лишь тогда, когда последние наблюдаются, то не существует такого пути, на котором референция могла бы внести признак объективности в протоколы наблюдения.

Не спасает положения и ссылка на «процессы коллективных решений» (64). И здесь остается без ответа вопрос: что могло бы заставить нас считать, что подобные решения придают словам характер указания на вещи объективной реальности? Принятый Шефлером идеал объективной достоверности знания предполагает, что референция выражает связь между словами и вещами внеязыковой реальности. Однако объяснение того, как слова обретают референтность, не допускает такой связи.

Допустим, что референтные слова и в самом деле указывают не на воспринимаемые, а на реальные вещи. Достаточно ли этого для достижения научной объективности? Вряд ли! Дело в том, что большинство философских объяснений референции основываются на простейших примерах: слова элементарного характера указывают на объекты повседневного опыта. «Если я,— говорит, например, Шефлер,— усвоил термины «белый» и «лошадь», у меня... может быть сильная склонность в соответствующей ситуации утверждать: «Та лошадь белая» (123). Вопрос здесь, вероятно, состоит в том, почему подобное утверждение должно быть результатом одновременного присутствия лошади и белизны, и можно ли объяснение этого рода применить в случае более сложного высказывания?

Утверждение «та лошадь белая» как пример референциального высказывания влечет за собой еще один вопрос: имеет ли то понимание референции, которого придерживается Шефлер, какую-либо ценность для научного знания? В каком случае объективность суждения о том, что «та лошадь белая», могло бы иметь значение для теоретического знания? Вероятно, только в случае, если бы научные теории полностью вытекали из базисных наблюдаемых высказываний о лошадях и тому подобном. Но для Шефлера такая модель не приемлема хотя бы потому, что он реалист: теоретические термины указывают на реальные сущности и отношение между ними то же, что и между терминами наблюдения и вещами. Исходя из традиционных примеров типа «утренняя звезда», «вечерняя звезда» и т. п., Шефлер заявляет, что мы «обычно выносим решение по вопросам референции без предварительной характеристики смысла терминов» (56), что экспериментальные законы представляют собой формулировки взаимоотношений «между классами элементов, обозначенных конституирующими их терминами». Ему представляется совершенно ясным вопрос о том, на какие вещи указывает термин.

Бесспорно, не составляет труда определить, на что указывают термины типа «вечерняя звезда», «карандаш», «золотой». Но как быть с более сложными, даже не обязательно теоретическими терминами типа «озон», «масса» или «частица»? Можно ли определить то, на что указывают эти термины без предварительной характеристики их смысла? Можно ли обрести привычку ассоциировать подобные термины с «вещами», на которые они указывают? Ответ на все эти вопросы достаточно прост и краток: референция в том виде, как она понята Шефлером, не может служить доказательством отношения высказывания или системы представлений непосредственно к реальности. Следовательно, Шефлер не смог найти ни средств, ограничивающих произвол в научном выборе, ни пути, на котором была бы гарантирована объективная достоверность знания.

[1] Кузина Е. Б. Критический анализ эпистемологических концепций постпозитивизма. М., 1988. С. 143.
[2] Микулинский С. Р. Несколько замечаний об анализе концепции развития науки // В поисках теории развития науки. М., 1982. С. 6.
[3] Scheffler I. Science and Subjectivity. Indianapolis, 1967. P. 73. В дальнейшем страницы этого издания указываются в тексте статьи, в скобках.

Л. П. ПОТЕРУХИНА

ОБЩЕНИЕ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Раскрепощение общества и человека в эпоху перестройки значительно расширяет возможности активного социального общения людей. Поскольку же общение есть эффективная форма взаимодействия, то, следовательно, речь идет одновременно о возрастании возможностей для развития человека.

Оптимизация процессов общения является необходимым условием успешного решения задачи формирования гармонически развитой личности. Отсюда — необходимость познания закономерностей присвоения человеком своей социальной сущности (К. Маркс), природы и механизмов формирования целостной личности в указанной сфере человеческой жизнедеятельности.

Интерес к проблеме общения уходит своими корнями в далекое прошлое. Природу, сущность общения пытались объяснить многие философы. Ближе всего к пониманию общения в домарксистский период подошел Л. Фейербах. «Человеческая сущность,— отмечал он,— налицо только в общении, в единстве человека с человеком, в единстве, опирающемся лишь на реальность различия между Я и Ты...»[1] Вместе с тем идея единства Я и Ты еще не стала у Л. Фейербаха концепцией человеческого общения, ибо у него речь идет всего лишь о природной общности людей.

К. Маркс и Ф. Энгельс впервые подошли к проблеме общения с материалистических позиций и исследовали личные взаимоотношения людей с их сущностной стороны. Отношения общения определяются материальными отношениями. Так, общение людей в процессе производства является основой всякого иного общения, «что представляют собой индивиды,— это зависит... от материальных условий их производства»[2]. К. Маркс и Ф. Энгельс показали, что свобода общения ограничена конкретно-историческим характером общественных отношений на данном этапе исторического развития, что «история отдельного индивида отнюдь не может быть оторвана от истории предшествовавших или современных ему индивидов, а определяется ею...»[3]

Общественные отношения не только определяют содержание общения конкретного индивида, но и способствуют формированию его социальной сущности. Таким образом, в общении раскрывается сущность отношения личности и общества. Общество перестает быть чем-то внешним по отношению к личности, а выступает как отношение субъекта к своему объективированному содержанию.

В советскую науку проблема общения вошла в 20-е годы, но первоначально на достаточно узком научном пространстве: в лингвистике, литературоведении и эстетике. С 60-х годов и до настоящего времени проблема общения особенно интенсивно разрабатывается в социальной психологии. Но внимания философов до недавнего времени эта проблема не привлекала, ибо «сами философы еще не были готовы занять ведущее место среди исследователей проблематики общения»[4]. Надо было не только осознать необходимость изучения общения с помощью философской методологии, но также и встречную заинтересованность философской науки в понятии «общение».

Сегодня в литературе еще не сложилось единого понимания категории общения. Общение трактуют и как отношение, и как деятельность и отождествляют с коммуникацией, и представляют как связь людей.

В основном споры разворачиваются вокруг взаимосвязи общественных отношений и общения, с одной стороны, деятельности и общения — с другой [5]. Совершенно очевидно, что в философии происходит эволюция научного понимания проблемы общения. Этот процесс носит объективный и внутренне закономерный характер, так же как и становление любой научной категории.

На наш взгляд, деятельность, общение и общественные отношения — это три стороны единого, целостного процесса жизнедеятельности человека, общества. Они настолько взаимосвязаны, что их разграничение и субординация осуществимы только как теоретический прием. Общение следует рассматривать как «процесс взаимосвязи и взаимодействия общественных субъектов (классов, групп, личностей), в котором происходит обмен деятельностью, информацией, опытом, способностями, умениями и навыками, а также результатами деятельности; одно из необходимых и всеобщих условий формирования и развития общества и личности»[6].

Принципиально важным моментом в анализе проблемы общения является его значимость для становления и развития личности. Связь категорий общения и личности двусторонняя в том смысле, что, во-первых, через процесс общения мы раскрываем особенности личности, т. е. анализ этого явления выступает как средство анализа личности. Во-вторых, исследуя процесс общения, необходимо рассматривать его относительно личностных особенностей участвующих в нем людей.

Феномен общения возникает уже на первых этапах онтогенеза и не теряет своей актуальности на протяжении всего периода социализации человека. Человек овладевает накопленным обществом опытом не только в процессе тех видов деятельности, в которых фиксируются отношения «субъект — объект», но и в процессе общения, где формируется система взаимоотношений «субъект — субъект». Общение выступает как специфическая форма взаимодействия человека с другими людьми, в ходе которого осуществляется обмен разнообразной информацией. Причем через общение индивид не только получает рациональную информацию, формирует способы мыслительной деятельности, но и посредством подражания и заимствования, сопереживания и идентификации усиливает свои эмоции, совершенствует формы поведения. В процессе общения развертывается процесс становления отдельного индивида как «общественного человека». Посредством общения человек познает не только другого человека, но и самого себя.

Именно в сфере общения личность обнаруживает себя как «я», а другого воспринимает как субъект «ты». В процессе общения происходит формирование человека человеком не только на базе конкретно-исторических общественных отношений, но и всех тех, которые сформировали человеческий род. При всем этом надо учитывать и возможности негативных последствий общения, когда социальная микросреда в целом или ее отдельные субъекты могут оказывать вредное воздействие на участников общения. Оно особенно проявляется в кризисные периоды развития общества. Нечто подобное происходит сегодня в нашем обществе, с большим трудом преодолевающим наследие застоя и культа личности.

Необходимо отметить, что формирование личности происходит в процессе не только общения, но и обособления. Категория обособления разработана в еще меньшей степени, чем общение. Обособление может быть представлено в трех планах: во-первых, как относительное обособление человека от природы путем развития и совершенствования производительных сил; во-вторых, как относительное обособление от общества; в-третьих, как самообщение. Крайней формой обособления является отчуждение.

Общения без обособления не существует, как и обособления без общения. Это две взаимопроникающие стороны самоутверждения личности в обществе, и противоречие между ними является источником постоян-

ного обогащения социального содержания личности. Можно сказать, что общение преломляется в личности как ее содержание, а обособление — как ее социальная форма. Таким образом, общественная и деятельная природа человека реализуется в форме единства общения и обособления. Единство общения и обособления человеческого индивида — это наиболее общий социологический закон формирования и развития личности в обществе.

Общение и обособление можно рассматривать как процесс перехода общего в единичное, общественно значимого — в индивидуально-личностное, как процесс индивидуализации общественных отношений. С другой стороны, это и переход индивидуально-личностного в общественное, в общественно значимое, в коллективное или другое индивидуально-личностное. По сути, «в общении и обособлении развиваются все основные компоненты целостной структуры личности: деятельность, потребности, способности и сознание»[7].

В общении личность как бы выносит себя, свое «я» вовне, за свои пределы. В этом же процессе в результате обмена и взаимопонимания личность присваивает свою социальную сущность. В обособлении личность (субъект) как бы возвращается к себе на новом уровне, остается наедине с собой, осмысливает, отвергает или принимает нечто в себе, те изменения, которые были приобретены личностью в процессе общения. По остроумному замечанию Монтеня, «мы обладаем душой, способной общаться с собой; она в состоянии составить себе компанию; у нее есть на что нападать и от чего защищаться, что получать и чем дарить. Нам нечего опасаться, что в этом уединении мы будем коснеть в томительной праздности»[8].

В данном случае речь идет об обособлении как самообщении. Самообщение это не только и не столько отдых от психологического напряжения, множества контактов и суеты отношений, от быстрого ритма жизни. Это характер мыслей и поступков наедине с собой, ибо только в самообщении человек сам себе и судья, и адвокат. Сенека писал: «Если твои поступки честны, пусть все о них знают, если они постыдны, что толку таить их от всех, когда ты сам о них знаешь? И несчастный ты человек, если не считаешься с этим свидетелем!»[9].

Именно самообщение позволяет личности дать себе оценку, оно формирует самосознание и определяет стратегию внешнего поведения. Изучение механизмов общения человека с самим собой во многом еще остается делом будущего. Особенно важна необходимость изучения механизмов внутреннего диалога. Внутренняя подготовленность личности к общению с другими во многом определяет ход и конечные результаты общения внешнего.

Поскольку общение и обособление взаимно предполагают друг друга, постольку их правильное сочетание является необходимым условием развития каждой личности. Именно мера соотношения общения и обособления составляет важную предпосылку развития целостной личности. А между тем до недавнего времени в нашем обществе эта мера нарушалась. Наряду с самообщением должна быть и такая форма обособления, как «право на неучастие» (А. Пумпянский). Право на неучастие — это страховка от декретированного участия в чем-то, что решено кем-то за людей [10]. И это право должно быть гарантировано каждому человеку законом. Это должно быть право не ликовать по поводу очередного официального лозунга, по поводу прогрессивности АЭС или строительства Беломорканала, право не голосовать за единого кандидата «нерушимого» блока и т. д. Этот список можно продолжать долго, главное же — при всех этих «не» оставаться самим собой.

В еще большей мере каждая личность должна иметь право на участие. Чем шире его диапазон, чем свободнее выбор — тем богаче общение. И все это возможно осуществить только в том случае, когда личность будет рассматриваться как самостоятельная ценность, как цель сама по себе (И. Кант), а не средство. Н. Бердяев писал: «...если чело-

века рассматривают исключительно как кирпич для строительства общества, если он лишь средство для экономического процесса, то приходится говорить не столько о явлении нового человека, сколько об исчезновении человека»[11].

Нам еще только предстоит построить общество, где человек не будет винтиком, кирпичиком, фактором, средством, а личностью; общество, в котором свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех.

[1] Фейербах Л. Избр. филос. произв.: В 2 т. М., 1955. Т. 1. С. 203.
[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 19.
[3] Там же. С. 440.
[4] Прилюк Ю. Д. Проблема общения в историческом материализме. Киев. 1985. С. 24.
[5] См.: Буева Л. П. Человек: деятельность и общение. М., 1973. С. 116; Станкевич Л. П. Проблема целостности личности (Гносеологический аспект). М. 1987. С. 67; Ломов Б. Ф. Категории общения и деятельности в психологии // Вопросы философии. 1979, № 6. С. 38; Проблемы нравственной культуры общения. Вильнюс. 1986. С. 74; Каган М. С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. М. 1988; Соковнин В. М. О природе человеческого общения. Фрунзе. 1974; Злобина Е. Г. Общение как фактор развития личности. Киев. 1981. С. 36.
[6] Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 433.
[7] Станкевич Л. П. Проблемы целостности личности. С. 79.
[8] Монтень М. Опыты. М. 1979. Т. 1. С. 219.
[9] Сенека. Нравственные письма к Луцилию. М. 1977. С. 73.
[10] См.: Пумпянский А. Освобождение от кошмара // Новое время. № 1. 1990. С. 43.
[11] Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма // Юность. № 11. 1989. С. 92.

МИХАЛ ГРУШКА

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО КАТОЛИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ О СВОБОДЕ СОВЕСТИ

В настоящее время наблюдается все возрастающий интерес части общественности социалистических стран к религиозной культуре, представляющейся многим выражением духовной свободы и перспективной формой интеллектуального развития. Эта тенденция ставит перед религиоведами задачу углубленного изучения религиозной концепции свободы совести, в том числе и ее католического варианта, существенно обновленного Вторым Ватиканским собором. В документах собора свобода совести именуется религиозной свободой, чем подчеркивается мировоззренческая и практически-социальная направленность католического подхода к вопросам сущности человека, его свободы совести и отношения к религии и церкви.

В обосновании католического учения о религиозной свободе важную роль играет теологическое понимание сущности человека, содержащееся в пасторальной конституции Второго Ватиканского собора «Gaudium et spes — о Церкви в современном мире»[1]. Человек здесь характеризуется как противоречивое существо. С одной стороны, он является божьим творением, обладающим душой, связывающей его с создателем, и, с другой стороны, человек отягощен греховностью. Он наделен богом разумом, мудростью, свободной волей, позволяющим ему свободно искать свое отношение к создателю, однако не способен самостоятельно, без божьей помощи, собственными силами побеждать зло и даже достигнуть истинной направленности своей личности на бога.

В католической концепции человека признаются ценность и достоинство человеческой личности, однако эти качества никогда, в силу божьего креационизма, не являются результатом деятельности самого человека. Обращаясь к теме крещения Руси, Иоанн Павел II подчеркнул, что крестившимся народам «...сообщено было учение откровения о достоинстве и ценности человеческой личности, которые зиждутся на отношении личности каждого к Богу, создателю и отцу всех»[2]. Отрица-

ние земного суверенитета человека и человечества, обоснование достоинства и ценности человеческой личности сверхъестественным, внечеловеческими факторами на более конкретном уровне рассмотрения способа реализации человека в обществе отражается в учении об учительской роли церкви.

«Надо проявлять «послушность веры»,— записано в конституции собора «Dei verbum — о священной литургии»,— посредством которой человек свободно отдается Богу, подчиняя ему свой разум и волю и добровольно принимая его откровение»[3]. В конституции «Lumen gentium — о церкви» подчинение человека богу интерпретируется как послушность человека конкретной земной организации — католической церкви и ее иерархам, представляющим вероучение бога на земле. «Верующие,— подчеркивалось на соборе,— должны соглашаться с решением своего епископа, высказанным от имени Христа в делах веры и нравов, и придерживаться его с набожной и охотной мыслью»[4].

Католическая церковь вменяет каждому человеку в нравственную обязанность полное, добровольное, безусловное самоотождествление с церковным вероучением, самоотречение от превращения собственного неповторимого социального опыта в мировоззренческие выводы, противоречащие католической догматике и ее официальному изложению. Следовательно, оформление и выражение духовности закрепляется за представителями высшей церковной иерархии, что не соответствует реальному ходу исторического развития культуры, когда привилегированное положение в церковной иерархии не являлось гарантией формирования гуманных нравственных и мировоззренческих ориентиров.

Несмотря на утверждения об элитарном характере процесса создания католического мировоззрения путем откровения его избранным, Второй Ватиканский собор представляет собой значительный шаг вперед в приспособлении церкви к реалиям современности. Изменение произошло прежде всего в понимании характера приобщения к религии, которое провозглашается исключительно добровольным и сознательным актом, вытекающим из внутренних побуждений, а ни в коем случае не результатом внешнего принуждения.

Причины нового подхода указываются в соборной декларации «Dignitatis humanae — о религиозной свободе»: «Достоинство человеческой личности все более осознается нашими современниками и увеличивается число тех, кто требует, чтобы люди могли действовать на основе своего собственного мнения и пользоваться ответственной свободой, и так, чтобы они действовали не под влиянием принуждения, а чувства ответственности»[5].

На радикальность изменения взглядов по отношению к свободе совести указывает сравнение принятой собором декларации с положениями «Силлабусса» Пия IX (1865), в котором папа предал анафеме «всю современную цивилизацию в целом, осудил принцип отделения церкви от государства, назвал свободу совести «безумием», а свободу слова «смердящим заблуждением»[6]. Современное католическое понимание мировоззренческой и нравственной свободы человека опирается на новый подход к традиционному теологическому учению о человеке, совести и свободе.

Совесть трактуется соборными отцами в томистском духе как святыня, в которой человек «остается один наедине с Богом»[7]. На соборе высказывалась мысль о том, что верность совести связывает человека не только с богом, но и с другими людьми, в том числе нехристианами, в поисках правды и правильного решения нравственных проблем индивидуума и общества [8]. Правда, из посылки о присутствии бога в совести человека вытекает вывод, что речь идет прежде всего о поиске религиозной истины, однако само стремление человека к совестливости, к верности гуманистическим нравственным принципам имеет, независимо от методологического истолкования, своим следствием приобщение человека к обществу и его нравственным принципам.

Признанием «достоинства» земной совести Второй Ватиканский собор открывает перед христианами путь к поиску общечеловеческих ценностей и также встает на защиту совести, свободы воли и выбора индивидуума. Однако фундаментальные методологические принципы католицизма, прежде всего положение о предопределенном подчинении человека вечному, объективному закону, подводят авторов документов собора к выводу о нравственной обязанности всех людей искать католическую религиозную истину [9]. Право на религиозную свободу является, соответственно католическому учению, также необходимым условием выполнения указанного нравственного долга. Таким образом, настоящая нравственность отождествляется с безальтернативной религиозной нравственностью, поиск и принятие которой превращается в обязанность всех людей, независимо от их социального опыта и мировоззрения. Плюрализм мнений допускается лишь как следствие «достоинства» человека и его совести, но это лишь форма поиска заранее определенной цели — католической догматики. Поэтому неканонизированные взгляды не могут заслуживать столь глубокого уважения как католическое вероучение, и если они противоречат догматике, они не соответствуют тому учению, в котором, якобы вследствие божьей милости, выражается добро.

Католическая концепция свободы, играющая важную методологическую роль в постановке вопроса о религиозной свободе, тесно связана с теологическим пониманием сущности человека. В соборной конституции «Gaudium et spes» подчеркивается, что «...настоящая свобода является возвышенным знаком Божьего образа в человеке»[10].

Путем к достижению духовной свободы является сознательный и свободный выбор, ненасильственная форма которого вытекает из достоинства человека и внутреннего, искреннего характера подлинной религиозной веры. В этой связи замечает чехословацкий теолог И. Лацина: «...дух не освобождает насильственно, а ждет нашего согласия со своим влиянием»[11]. Следовательно, человек, в соответствии с католическим учением, должен свободно, без влияния внешнего принуждения выбирать свои мировоззренческие и нравственные позиции. Однако его свободная воля, как и сознательная воля других людей, изначально считается, в силу утверждения о ее греховности, неполноценной. Познание истины, необходимой для достижения свободы, так же, как и правильный свободный выбор, не являются чисто земным делом. «Вы позна́ете истину и истина превратит вас в свободных людей»,— утверждает Иоанн Павел II в энциклике «Искупитель человека» и далее объясняет: «И сегодня, после 2000 лет, является нам Христос как тот, кто приносит человеку свободу, основанную на истине, как тот, кто освобождает человека от того, что его ограничивает, искривляет, что эту свободу вырывает из корней в его душе, сердце и совести»[12]. На характер религиозной свободы христианина оказывает сильное влияние тот факт, что поиск истины является открытием уже созданного, существующего учения, что мешает критическому переосмыслению верующим существующей догматики и в конечном счете направляет его духовные поиски и повышает авторитет церкви.

На основе неотомистской методологии формируется в декларации собора «Dignitatis humanae» следующее определение социальной формы выражения религиозной свободы: «...Человек имеет право на религиозную свободу. Эта свобода выражается в том, что все люди должны быть защищены от принуждения со стороны других лиц, общественных групп и вообще какой-либо человеческой власти таким способом, чтобы в религиозной области никто не принуждался действовать против своей совести и никому не препятствовали действовать согласно своей совести частным образом и публично, самостоятельно и вместе с другими, в определенных рамках. Собор провозглашает, что право на религиозную свободу имеет свои реальные основания в достоинстве человека, как это вытекает из откровенного слова Божьего и самого разума. Это право

человеческой личности на религиозную свободу должно юридически признаваться в правовом порядке общества как гражданское право»[13].

Принятое Вторым Ватиканским собором истолкование католического учения о свободе совести (религиозной свободе) выработано с учетом политического реализма и потребности католической церкви в приспособлении к социальным условиям второй половины XX века, когда усилившиеся демократические стремления мировой общественности сделали непригодными прежние консервативные подходы к вопросу о социальной реализации свободы личности и заставили теологов выработать новые подходы к католическому учению о свободе. Признание собором необходимости защиты свободы выбора, свободы воли, акцентирование понимания совести как связи христианина не только с богом, но и с другими людьми (в том числе неверующими) не только приближает католическое учение к чаяниям католика, но и способствует объединению сил всех прогрессивно настроенных людей, независимо от их мировоззрения, для решения актуальных проблем современности.

¹ См.: Gaudium et spes // Dokumenty Druhého vatikánského koncilu. Bratislava, 1969. T. 1. S. 159.
² Правда. 1989. 2 декабря.
³ Dei verbum // Dokumenty... T. 1. S. 93.
⁴ Lumen gentium // Dokumenty... T. 1. S. 37.
⁵ Dignitatis humanae // Dokumenty... T. 2. S. 307.
⁶ См.: Григулевич И. Р. Папство: Век XX. М., 1981. С. 27, 29.
⁷ Gaudium et spes // Dokumenty... T. 1. S. 163.
⁸ Ibid.
⁹ См.: Dignitatis humanae // Dokumenty... T. 2. S. 309.
¹⁰ Gaudium et spes // Dokumenty... T. 1. S. 163.
¹¹ Lacina I. Unitřni svoboda // Katolické noviny. 1986. 29 Juli.
¹² Vykupitel člověka // Duchovni pastýř. 1980. C. 7. S. 103.
¹³ Dignitatis humanae // Dokumenty... T. 2. S. 308—309.

В. А. ПОЛИКАРПОВ

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОБЩНОСТИ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕСТРОЙКИ

Существование различных социальных сил, так или иначе влияющих на процесс перестройки в нашей стране, признается большинством авторов. Более сложным является вопрос об идентификации этих сил, т. е. их социальной типологии. Не претендуя на исчерпывающее решение данной проблемы, представим полученную нами классификацию, осуществленную применительно к студенческой молодежи. Выводы сделаны на основе данных социологического анкетного опроса, проведенного в ходе монографического исследования одного из художественных вузов г. Минска. Полученная информация математически обработана с помощью факторного анализа.

В нашем случае в качестве факторов выступали гипотетические смысловые позиции, в которых выражается отношение человека к сфере социальной жизнедеятельности; процедурно оформленные как основание классификации респондентов, а субъективно существующие как субъектные (объективно присущие субъекту) свойства, интегрирующие индивидов в реальные социальные группы — социокультурные общности. Эти смысловые позиции названы нами моделями самореализации.

Под социокультурной общностью мы понимаем большую социальную группу, предполагающую общие для своих членов социальные идеалы и ценности и являющуюся пространством интеграции представителей различных классов, сословий, слоев, каст и т. п. в рамках единой социальной деятельности.

Из таблицы интеркорреляций 25 признаков и трех последовательных матриц остаточных корреляций были извлечены четыре центроидных фактора. Опишем их не в порядке, определяемом величиной убывания дисперсии, объясняемой факторами, а в соответствии с полученной в хо-

де интерпретации данных так называемой «шкалой самореализации».

Левую оконечность шкалы занимает группа, объединенная «нигилистской моделью самореализации». Информативность фактора 15,8 %. Чем же характеризуется эта группа? В структуре фактора «нигилистская модель самореализации» значимые нагрузки получили девять признаков, в том числе: безразличие к будущей работе (0,479)*, тесно связанный с ним уже в таблице интеркорреляций признак — разочарование в выборе вуза (0,412); негативная установка на приобретение профессионального мастерства (—0,424), негативная установка на авторитет в студенческой группе (—0,383), энергично выражаемая негативная установка (эмоциональные ответы на открытый вопрос с оттенком презрения или пренебрежения) на налаживание нужных связей (—0,463). Кроме того, для данной модели характерна негативная установка на организацию быта (—0,470). Наибольшую нагрузку получил признак, выражающий установку на борьбу с бюрократией (0,508).

Между тем «нигилисты» занимают активную социальную позицию. Они требуют полной, бесконтрольной свободы выбора (0,419), понимаемой ими как свобода творчества; поддерживают большинство «неформальных» групп (0,399), причем «неформальность» выступает как абстрактная ценность. Пренебрегая включенностью в социальные связи, которую они понимают как систему круговой поруки и жесткой регламентации, «нигилисты» сознательно идут на потерю социальной защищенности. Эту модель самореализации можно условно охарактеризовать так: максимум свободы, минимум социальной защищенности.

Правую оконечность шкалы занимает «карьеристская модель самореализации». Группа молодежи, соответствующая этой модели, названа нами «резерв бюрократии». Смысловая определенность фактора (его информативность 5,7 %): «добиться успеха в обществе». В структуру фактора вошло семь признаков. Данную модель самореализации характеризуют: установка на работу не по специальности (0,439), безразличие к избранному вузу и специальности (0,364). В качестве бесспорной ценности выступает утверждение позиции общественника-организатора (0,490), что рассматривается как оптимальный путь к достижению успеха в обществе. Наибольшую факторную нагрузку получил признак «наладить нужные связи» (0,599). Представители этой группы молодежи отрицательно относятся к идее бесконтрольного выбора (—0,367), агрессивны по отношению к неформальным объединениям (0,380), считают собственное положение винтика в системе залогом стабильности (0,418). Характеристикой этой модели самореализации может быть формула: «минимум свободы, максимум социальной защищенности».

Следующая модель самореализации располагается на нашей условной шкале где-то между первыми двумя. Она названа нами «потребительская модель самореализации» (информативность фактора 5,0 %). Группу молодых людей, объединенных данной моделью, можно отнести к разряду «обывателей», если не вкладывать в этот термин отрицательного смысла. В структуре этого фактора пять признаков. Для данной модели характерно: стремление создать семью (0,424); хорошо проводить свободное время (0,405); удовлетворенность вузом (0,323) — это единственная группа из четырех, которая удовлетворена вузом: уровнем читаемых лекций, качеством программ и т. д.; стремление к успехам в учебе (0,334). Наибольшую факторную нагрузку получил признак — создать комфортные жилищные условия (0,480). На наш взгляд, эта группа, всегда социально пассивная, хотя и играющая свою роль в обеспечении нормального функционирования общества, тяготеет к следующей группе, объединенной моделью, также помещенной нами на условной «шкале самореализации» между первой и второй моделями и получившей название «перспективная модель самореализации». В данный фактор вошло девять признаков. Его информативность 22,3 %.

---

* В скобках дана величина факторной нагрузки.

Наибольшую факторную нагрузку получил признак, выражающий установку на создание крепкой счастливой семьи (0,760). Вообще семья выступает для данной группы в качестве бесспорной ценности. Уже в таблице интеркорреляций этот признак обнаруживает наиболее высокие корреляции почти со всеми признаками, вошедшими в структуру данного фактора. По всей видимости, такая ценность, как счастливая семья, определяет выбор всех остальных установок и ценностей. Представители данной группы молодежи твердо ориентированы на освоение основ профессионального мастерства (0,736), проявляют недовольство вузом (0,640), придают большое значение самосовершенствованию в сфере профессионального мастерства (0,603). Для них большое значение имеют организация быта, создание в перспективе комфортных жилищных условий (0,674), умение красиво и модно одеваться (0,699). Для данной группы характерна высокая социальная активность. Ее представители положительно относятся к участию в общественной работе (0,584), возлагают большие надежды на развитие студенческого самоуправления (0,596), придают большое значение утверждению в студенческой группе авторитета хорошего товарища (0,680). Смысловая определенность данного фактора может быть выражена следующей формулировкой: «быть полезным людям».

Содержательный анализ показывает, что мировоззрение данной группы формируется на отрицании ценностей первых двух групп: «нигилистов» и «резерва бюрократии». Причем отрицаемые группы представлены в сознании представителей этой последней как антагонисты. В открытой части вопросов, касающихся проблем перестройки, данные группы осуждаются как силы торможения. Можно предположить существование в обеих отрицаемых группах критического отношения к идее социализма. В таком случае идеологическая позиция этой, четвертой, группы формируется не в процессе схоластического усвоения отвлеченных от реальной деятельности догм, а из непосредственного каждодневного противостояния реальным оппонентам. Так или иначе, основными задачами перестройки они считают: 1) совершенствование общества в рамках социализма и 2) идеологическую защиту социализма. К сожалению, использовавшийся исследовательский инструментарий не позволяет раскрыть эту позицию более детально, выявить глубину ее осознанности. Тем не менее данная группа молодежи, названная нами «активные социалисты» и, насколько нам известно, еще не попадавшая в поле зрения исследователей, представляет большой интерес для анализа. В нашем исследовании ее модель самореализации представлена генеральным фактором. Реальность ее существования не вызывает сомнения, в то же время в сфере массовой коммуникации ее мировоззрение почти никак не представлено: эта общность не имеет своих «идеологов». Отчасти такое положение можно объяснить тем, что группа, объединенная данной моделью самореализации, появилась недавно, уже в период перестройки и находится на стадии своего формирования.

В заключение отметим, что корреляции пола, возраста и социальной принадлежности, представленной традиционной классификацией, оказались незначимыми.

В. П. ОГОРОДНИК

РОЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РАЗВИТИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

Обновление социализма выявляет все новые и новые противоречивые процессы в межнациональных отношениях. Это требует глубокого анализа на основе марксистско-ленинской методологии их содержания, форм проявления и тенденций развития. Поэтому не случайно на сентябрьском (1989) Пленуме ЦК КПСС прозвучал призыв «всесторонне

с принципиальных позиций обсудить состояние национальных отношений в стране и выработать современную стратегию партии по национальному вопросу»[1].

Ответственные задачи в этом направлении стоят перед советской художественной интеллигенцией, большой творческий отряд которой активно влияет на развитие духовной сферы социалистического общества, способствует идейному и нравственному возвышению человека, без чего невозможно строить отношения между национальными общностями, развивать общение между ними.

Советская художественная интеллигенция представляет собой социально-профессиональную группу работников преимущественно умственного труда, занятую художественно-творческой деятельностью по созданию и исполнению перед широкими массами трудящихся художественных произведений. Через результаты своего труда писатели, художники, поэты, композиторы, деятели театра и кино тесно связаны с широкими массами людей, и чем прочнее эта связь, чем больше талантливых произведений появляется на свет, тем активее влияет художник на сознание людей.

Отражая в своих произведениях жизнь народа, деятели искусства духовно взаимосвязаны с ним, возбуждают в нем чувство национальной гордости, формируют ответственность за будущее. Духовная взаимосвязь художественной интеллигенции с народом была нарушена вынужденной массовой эмиграцией из России ученых, писателей, музыкантов, художников после Октябрьской революции и гражданской войны. В результате чего прервалась преемственность в духовном развитии общества.

Сильнейший удар по лучшим кадрам советской художественной интеллигенции нанес террор сталинщины в тридцатые — сороковые годы. Была уничтожена значительная часть деятелей литературы и искусства во всех национальных республиках, подорван генофонд духовной жизни страны. В итоге произошло существенное ослабление влияния интеллигенции на духовное развитие общества, упал индекс духовности самого народа. В этом видится одна из причин низкой культуры межнационального общения, а как следствие — обострение национальных проблем в стране.

Конечно, нельзя связывать падение духовности народа, снижение его культурного уровня только с сужением сферы влияния деятелей искусства. Безусловно, это зависит от многих факторов: системы воспитания, идеологических ориентаций, политических и экономических установок. Но влияние литературы и искусства на деятельность человека весьма велико. Они не только отражают, но и преображают жизнь народа. Обращаясь к художественным произведениям, читатели расширяют свой духовный мир, обогащают художественный потенциал, формируют потребность в усвоении эстетических ценностей других народов, тем самым способствуя развитию общения между ними.

Процесс развития взаимоотношений между национальными общностями предполагает высокую культуру общения. Это овладение всеми формами, методами, нормами и правилами отношений между людьми. Она требует уважения национальных традиций народов, их языка и чувств, знания истории, литературы, обычаев, умения общаться на равных, без высокомерия, кичливости и бахвальства, перенимать все лучшее, что создано каждым народом.

Художественная интеллигенция оказывает непосредственное влияние на формирование культуры межнационального общения, особенно своим личным примером. Авторитет известных деятелей литературы и искусства в народе высок. Особое уважение они заслужили своим творчеством и активной общественно-политической деятельностью, близостью к истории и культуре народа. Киргиз Ч. Айтматов, молдаванец И. Друце, белорус В. Быков, аварец Р. Гамзатов, русские Д. С. Лихачев, М. Ульянов и многие другие пользуются заслуженной любовью советских людей.

От их участия в решении национальных проблем зависит прогресс в межнациональных отношениях, единство нашего народа.

В условиях решения сложных вопросов национальной жизни, когда усилия всех советских людей направлены на смягчение межнациональных противоречий, некоторые представители художественной интеллигенции выступают с экстремистских и сепаратистских позиций, а их деятельность направлена на разжигание националистических страстей. Это относится к функционированию отдельных так называемых неформальных объединений и движений, образованных в последнее время в союзных республиках, в которых активное участие принимают и деятели культуры. В Заявлении ЦК КПСС о положении в республиках Советской Прибалтики отмечается, что «интеллигенция — носитель доброй воли, разума, единения, людского согласия, а не вражды и конфронтации, не унижения и оскорбления одних другими. Чужого горя не бывает — будем помнить об этом»[2].

В связи с этим справедливо звучат слова академика Д. С. Лихачева: «национализм, отгораживаясь стеной от других культур, губит свою собственную культуру, иссушает ее»[3]. Поэтому не вражда, не разъединение, не изоляция национальных культур, а их единство, союз всех деятелей литературы и искусства должны быть направлены на решение национальных проблем, дальнейшую гармонизацию межнациональных отношений.

Важнейшим средством межнационального общения является русский язык. Это определил опыт совместной жизни народов СССР. Художественная интеллигенция активно использует его в своей творческой деятельности, и произведения на русском языке становятся достоянием всего советского народа. Он способствует расширению обмена духовными ценностями и помогает приобщать людей к культуре мировой цивилизации.

В настоящее время во всех республиках и других национальных образованиях идет процесс восстановления значимости национальных языков, придания им статуса государственного. Но, как отмечается в платформе КПСС «Национальная политика партии в современных условиях», «статус государственного языка не должен вести к языковой дискриминации»[4], ущемлению какого бы то ни было другого языка, пусть даже самого маленького народа. В Белоруссии также идет возрождение национального языка и существенную роль в этом играет художественная интеллигенция, отстаивающая развитие национальной культуры республики. Появляются новые издания, увеличивается тираж газет, журналов, книг, большее время отводится теле- и радиовещанию на родном языке. Дело это сложное и требует длительного времени, и совершенно нет никакой необходимости спешить с этим. Торопливость губительна, она пугает иноязычное население, заставляет его противостоять введению национальных языков в обиход. Примером тому служат события в республиках Советской Прибалтики и Молдавии, где велик процент проживания русскоязычного и другого населения.

Важнейшим направлением развития межнационального общения народов является пропаганда искусства различных национальностей. Ведущее место в этом занимает художественная интеллигенция. Активное использование театрами, кинематографом, телевидением национальных тем братских республик способствует пониманию общности судеб всего советского народа. Например, театрами Белоруссии ежегодно ставится до 500 спектаклей по пьесам драматургов народов СССР[5], а искусство живописи и графики представляется зрителю на более чем 4 тыс. всесоюзных, республиканских, стационарных и передвижных художественных выставках[6]. Проведение декад и недель братских литератур и искусства стало в нашей республике традиционным. Это позволяет широким массам знакомиться с культурными достижениями народов, служит их сближению и взаимопониманию.

Особую роль в приобщении трудящихся к культурному богатству

братских народов играет создание культурных центров в союзных республиках, в которых активное участие принимают деятели литературы и искусства. В Эстонии, например, создано Белорусское культурное общество. Помимо изучения родного языка, истории, общество ставит своей целью организацию концертов, творческих вечеров, встреч с представителями культуры Белоруссии [7]. В Москве образовано товарищество украинской культуры «Славутич», общество русской культуры «Отечество», белорусское общество имени Скорины, московское еврейское культурно-просветительное общество, общество татарской культуры «Туган тел», армянское культурное общество. Подобных примеров можно привести множество. Взаимовлияние и взаимообогащение национальных культур приносит огромную пользу, расширяет общение между советскими людьми, способствует их взаимопониманию.

В атмосфере перестройки и гласности интеллигенция начала ощущать себя действенной силой, а не пресловутой «прослойкой». Главная ее задача сегодня — чтобы народ услышал ее голос, мудрое слово, призывающее к консолидации, а не к разъединению, к единству сил, направленных на решение межнациональных проблем. Важнейшим каналом общения художника с народом являются средства массовой информации. В печати, на телевидении и радио все чаще появляются статьи и передачи, в которых принимают участие писатели, композиторы, актеры театра и кино. Это различного рода дискуссии, встречи за круглым столом, театральные знакомства.

Стало доброй традицией еженедельное воскресное выступление по телевидению с нравственной проповедью известных деятелей культуры. Они анализируют современные проблемы общества, ищут ответы на злободневные вопросы. Все это способствует расширению контактов с массовой аудиторией, помогает лучше разобраться в сложных ситуациях, активизирует процесс общения людей.

Неоценимы и личные контакты представителей художественной интеллигенции с трудящимися. В последние годы широко практикуется заключение договоров о содружестве коллективов театров, творческих организаций с коллективами заводов и фабрик, отчеты деятелей искусства перед рабочими предприятий, выезд бригад представителей культуры для встреч с тружениками села. Подобные мероприятия занимают важное место в приобщении трудящихся к богатствам духовной культуры, формируют эстетические ценности личности.

Таким образом, воздействуя на духовный мир человека, художественная интеллигенция всесторонне влияет на расширение сферы общения людей, укрепляет их доверие друг к другу, формируя единство народа, что способствует предотвращению конфликтов на межнациональной основе. Интеллигенция сегодня призвана стать духовным объединителем всего советского народа.

[1] О национальной политике партии в современных условиях: Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на Пленуме ЦК КПСС 19 сентября 1989 г. Правда. 1989. 20 сент.

[2] Правда. 1989. 7 янв.

[3] Лихачев Д. С. Заметки о русском. М., 1984. С. 42.

[4] Правда. 1989. 24 сент.

[5] См.: Русецкий А. В. Художественная культура в патриотическом воспитании. Минск, 1988. С. 77.

[6] См.: Руднев Н. А. Художественная культура и коммунистическое воспитание. М., 1985. С. 27.

[7] См.: Советская Эстония. 1989. 5 февр.

Эканоміка

Л. П. ЕРМАЛОВИЧ, Т. П. БЫКОВА

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕННОГО К. МАРКСОМ НАУЧНОГО АНАЛИЗА ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ И ЕГО МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Методологической основой марксистского исследования сущности буржуазных экономических отношений в «Капитале» является принцип системности. Капиталистический способ производства, как всякое исторически конкретное общественное производство, характеризующееся определенным уровнем развития производительных сил и соответствующим типом производственных отношений, рассматривался К. Марксом как органическая система — «общественно-производственный организм», «органическое целое», «живое целое»[1].

Принципиальные характеристики всякой органической системы как таковой, сформулированные К. Марксом в экономических рукописях 1857—1859 годов, следующие: **целостность**, что означает наличие единого генетического вектора у всех элементов и звеньев системы, нахождение их в субординированной взаимосвязи и взаимообусловленности, а также возможность функционирования и развития каждого из них в данном своем качестве только в рамках системы в целом; **функциональный характер**, т. е. постоянное воспроизводство всех элементов и звеньев системы; **диалектическое развитие**, т. е. постепенное движение в направлении: зарождение — становление целостности — деградация, формирование предпосылок новой системы.

Из определения способа производства как целостности следует, что все его отношения носят атрибутивный, исторически конкретный характер. Это означает, что: во-первых, ни одно из этих отношений не может складываться по воле случая, все они имманентны данному способу производства, «существуют одновременно и опираются одно на другое»[2]. Возникновение и развитие каждого из них обусловлено закономерностями развития способа производства как единого организма; во-вторых, все отношения являются исторически преходящими. Со сменой способа производства изменяются и «все экономические отношения, которые были необходимыми отношениями лишь данного, определенного способа производства»[3]. Причем поскольку в рамках органической системы каждое из них одновременно и предпослано и положено, то рождаются и умирают они в совокупности. Ни одно из них как таковое не может складываться в условиях любого другого способа производства.

Так, приступая к анализу заработной платы и даже не определив еще четко ее сущность, К. Маркс прежде всего подчеркивал ее закономерно-исторический характер. «Заработная плата не является случайной формой буржуазного производства»,— писал он в одной из своих ранних работ. Это объективно необходимое звено в цепи его отношений, наряду с капиталом, земельной рентой и т. д. Поскольку же буржуазное производство в целом «есть преходящая историческая форма производства», то все его отношения, в том числе и заработная плата, являются «преходящими и устранимыми на определенной стадии развития»[4].

Для вскрытия же сущности заработной платы, как и любого другого от-

ношения, в их взаимосвязи и взаимообусловленности, в процессе самодвижения и саморазвития системы, последовательность трактовки категорий, по мнению К. Маркса, должна отражать их объективную соподчиненность, т. е. должна определяться «тем отношением, в котором они находятся друг к другу в современном буржуазном обществе». Поэтому единственно «правильным в научном отношении» методом признается метод восхождения от абстрактного к конкретному, поскольку именно он соответствует объективной природе предмета исследования и позволяет воспроизвести его в мышлении «как духовно конкретное»[5].

Конкретное, в понятии К. Маркса,— это «единство многообразного», абстрактное — это момент конкретного, одностороннее проявление последнего, имеющее относительно самостоятельное существование. Поэтому восхождение от абстрактного к конкретному в исследовании отношений способа производства — это восхождение от анализа частных его проявлений, сторон, связей к анализу его как целостности, это последовательное выведение всех категорий способа производства из единого генетического начала путем вскрытия логических связей, предпосланности и положенности их в системе. Именно поэтому все формы его проявления, как-то: заработная плата, земельная рента, прибыль, несмотря на то, что лежат на поверхности явлений, не служили у К. Маркса исходным пунктом исследования. Детерминантом любого способа производства, выделяющим его как специфическую экономическую эпоху, является, по мнению К. Маркса, характер и способ соединения личного и вещественного факторов производства. Поэтому в «Капитале» первым шагом в исследовании процесса перерастания простого товарного производства в капиталистическое оказался глубинный анализ характера современного соединения рабочей силы со средствами производства.

Специфика буржуазной эпохи заключается в отделении средств и предметов труда от непосредственных производителей при личной свободе последних, в сосредоточении на одной стороне владельцев денег и товаров, а на другой стороне — владельцев рабочей силы. В этих условиях рабочий, чтобы жить, вынужден продавать свою способность к труду, т. е. его рабочая сила принимает форму товара, а труд принимает форму наемного труда. Возникающее между капиталистом и наемным рабочим отношение по поводу купли-продажи рабочей силы К. Маркс и называет тем отношением, которое «возвещает наступление особой эпохи общественного процесса производства»[6].

Разумеется, при этом автор абстрагировался от целой гаммы других типов отношений соединения факторов производства, имеющих место в условиях капитализма. Из всего множества отношений он выделил то, которое «не является ни созданным самой природой, ни таким общественным отношением, которое было бы свойственно всем историческим периодам»[7]. Это специфическое отношение — отношение по поводу купли-продажи рабочей силы — является в теории К. Маркса тем семечком, из которого затем вырастает все сложное дерево экономических отношений капитализма.

Это абстракция, но абстракция научная, являющаяся той необходимой ступенькой, которая позволяет сделать шаг к познанию сущности любой реально осязаемой конкретной формы бытия данной социально-экономической системы. Базируясь на этой абстракции, К. Маркс определил и сущность заработной платы, как специфического отношения капиталистического способа производства.

Отделение непосредственного производителя от средств производства обусловливает тот факт, что основа жизни человеческого общества — процесс производства — становится функцией капитала. Рабочая сила, будучи товаром в руках ее владельца, в процессе производства является составной частью производительного капитала, формой существования авансированной капитальной стоимости, а именно: переменным капиталом. Следовательно, заработная плата наемного рабочего, с точки зрения производства,— это затрата капитала на покупку товара «рабочая сила». В этом ее глубинная сущность, вытекающая из сущности капиталистических отношений непосредственного производства.

Однако если рассматривать процесс капиталистического производства в аспекте его непрерывного возобновления, то заработная плата сама приобретает роль предпосылки. Ограничение дохода непосредственного производителя стоимостью средств его существования обеспечивает постоянное воспроизводство отношений найма между трудом и капиталом. Капиталист из каждого цикла процесса производства выходит собственником созданного продукта, а следовательно, собственником средств как для личного потреб-

ления, так и для дальнейшего увеличения стоимости, рабочий же «выходит из этого процесса в том же виде, в каком он вступил в него: как личный источник богатства, но лишенный всяких средств для того, чтобы осуществить это богатство для самого себя»[8]. Поэтому каждый цикл процесса воспроизводства сохраняет сложившееся распределение вещественных условий труда, а следовательно, воспроизводит отношения по поводу купли-продажи рабочей силы.

Таким образом, заработная плата как отношение есть и предпосылка, и результат капиталистического процесса производства. Именно заработная плата как цена рабочей силы предполагает воспроизводство основного отношения капитализма, а следовательно, является объективно необходимым звеном этой социально-экономической системы, ибо обеспечивает ее непрерывное функционирование. Отсюда следует, что заработная плата и наемный труд — это две стороны одного и того же явления. Они взаимно предполагают друг друга. «Заработная плата представляет собой... наемный труд, рассматриваемый под другой рубрикой: та определенность, которую труд имеет здесь как фактор производства, выступает там как определение распределения»[9].

Поэтому распределение не является самостоятельной сферой, существующей «наряду и отдельно от производства». Это лишь «иное выражение», «оборотная сторона» отношений производства. Всякое отношение распределения существует постольку, поскольку оно детерминировано соответствующим отношением производства. «Заработная плата и прибыль — это формы производства, а потому и формы распределения и т. д.»[10],— подчеркивал К. Маркс.

Внешнее проявление общественная форма производства получает через общественную форму его результата. Отделение непосредственных производителей от средств производства, противопоставление их в форме наемного труда и капитала атомизирует производителей и придает их труду форму частного труда, а продукту труда,— форму продукта капитала. В этих условиях «продукт труда распределяется, с одной стороны, на капитал, с другой стороны, на доходы. Один из этих доходов, заработная плата, принимает собственно форму дохода, дохода рабочего, лишь после того, как он предварительно противостоял тому же самому рабочему в форме капитала»[11].

Отсюда К. Маркс сделал вывод, что принятие заработной платой на поверхности явлений формы дохода наемного рабочего, т. е. формы доли в созданном продукте, «цены труда» является «мнимым фактом». Рабочий не имеет права на продукт своего труда, последний «постоянно удаляется от него в форме капитала»[12].

Действительный же характер в условиях капиталистического производства, по мнению К. Маркса, имеют доходы, представляющие собой формы прибавочной стоимости, т. е. прибыль и рента. Принятие факторами процесса производства формы наемного труда и капитала, подчеркивает он, обусловливает тот факт, что «...часть стоимости (продукта) выступает как прибавочная стоимость, а эта прибавочная стоимость — как прибыль (рента), доход капиталиста, добавочное, находящееся в его распоряжении, принадлежащее ему богатство»[13]. Обладателями действительных доходов являются, таким образом, те агенты общественного процесса производства, которые являются собственниками его вещественных условий, а следовательно — и результатов.

Итак, заработная плата есть «иррациональная форма проявления скрывающегося за ней отношения»[14]. Внешне — это доход наемного рабочего, «цена труда»; в этом костюме она выступает в капиталистическом обществе, такова ее форма проявления. Но сущность ее в том, что это — цена рабочей силы. Причем цена рабочей силы в капиталистическом обществе неизбежно должна одевать «такой костюм», так как эта превращенная форма порождается самими производственными отношениями.

В соответствии с принципом системности, буржуазный способ производства рассматривался К. Марксом в диалектическом развитии: от зарождения к зрелости и от нее — к разложению. Фактом упадка и разложения капитализма служит, по мнению К. Маркса, появление переходных экономических форм, например, акционерного капитала, который он охарактеризовал как последнее полагание капитала, последнюю, самую совершенную его форму, приводящую к коммунизму. Акционерный капитал модернизирует исходную основу буржуазного способа производства, а следовательно, и всю систему его отношений, поскольку являет собой «непосредственную

форму общественного капитала (капитала непосредственно ассоциированных индивидуумов)... Он упраздняет капитал как частную собственность в рамках самого капиталистического способа производства»[15].

Упразднение капитала как частной собственности приводит, очевидно, к упразднению отношений купли-продажи рабочей силы. Каковы же в этих условиях характер и направление эволюции заработной платы как оборотной стороны отношений найма, в чем ее дальнейшая историческая перспектива? Данный аспект анализа рассматриваемой проблемы в «Капитале» отсутствует.

Таким образом, теория заработной платы К. Маркса ограничена рамками капитализма свободной конкуренции и несет на себе некоторую печать статичности, хотя и имеет непреходящую ценность для разработки методологии исследования отношений распределения любого способа производства. Важнейшими научно-методологическими выводами теории заработной платы К. Маркса являются следующие: исходным пунктом анализа отношений распределения любого способа производства является определение имманентного ему характера соединения личного и вещественного факторов производства; тот или иной характер соединения факторов производства обусловливает определенную экономическую форму, которую принимает доход непосредственного производителя в процессе производства: форму затрат на производство или форму части общего дохода предприятия; в системе отношений любого способа производства отношения непосредственного производства предпосланы всем другим его отношениям. Поэтому форма, которую принимает доход производителя в процессе производства, является действительной, существенной и определяющей; адекватным отражением исторически конкретной общественной формы процесса производства является общественная форма продукта труда, определяющая соответствующую форму его распределения, т. е. господствующий принцип присвоения; будучи результатом общественного процесса производства, данная форма распределения одновременно является его предпосылкой; в случае, если юридическое равноправие участников процесса производства не имеет под собой соответствующего экономического равноправия, существенные отношения производства приобретают на поверхности явлений превращенные экономические формы.

[1] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 89; Т. 46. Ч. 1. С. 36, 37.
[2] Там же. Т. 4. С. 134.
[3] Письма о «Капитале». М., 1968. С. 22.
[4] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 6. С. 599.
[5] Там же. Т. 46. Ч. 1. С. 44, 38.
[6] Там же. Т. 23. С. 181.
[7] Там же. С. 180.
[8] Там же. С. 583.
[9] Там же. Т. 46. Ч. 1. С. 31.
[10] Там же. Ч. 2. С. 520.
[11] Там же. Т. 25. Ч. 2. С. 450.
[12] Там же. Т. 23. С. 580.
[13] Там же. Т. 25. Ч. 2. С. 454.
[14] Письма о «Капитале». С. 144.
[15] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 1. С. 479.

М. В. НАУЧИТЕЛЬ

ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Буржуазная политэкономия традиционно занимает большое место в арсенале средств, используемых капиталом для поддержания своего господства, экономической стабильности, совершенствования хозяйственного механизма и повышения его эффективности. Изучение ее эволюции и сегодня составляет одну из важных задач марксистско-ленинской экономической науки. Новое мышление нацеливает на творческое обобщение процессов в области экономики, политики, идеологии, на преодоление схематизма и догматизма в их толковании. Оно открыло путь к пересмотру и переоценке многих устоявшихся стереотипов, к отказу от экзальтированной конфронтации, к углублению и повышению научного уровня критического анализа буржуазной политэкономии. С этой точки зрения представляет немалый

интерес рассмотрение экономической теории предложения, входящей в арсенал современного консерватизма.

Идеи консерватизма (неоконсерватизма) получили большое распространение в буржуазной политэкономии и экономической политике в конце 70 — начале 80-х годов. Одно из его течений взяло на вооружение экономическую теорию предложения. Она возникла как разновидность неоклассицизма, выражающая интересы определенных кругов монополистического капитала. Ее сторонники оказали заметное влияние на формирование экономической политики администрации США в годы президентства Р. Рейгана, а также правительств М. Тэтчер в Англии, христианских демократов в ФРГ. Постулаты и рекомендации теоретиков экономики предложения составили один из источников «рейганомики» и «тэтчеризма».

Появление неоконсерватизма и соответствующих ему доктрин не было случайным. Их разработка осуществлялась по рекомендации ведущих лидеров финансовой олигархии. Толчок дала трехсторонняя комиссия, созданная в 1973 году по инициативе Рокфеллеров и выступившая в качестве «мозгового треста» крупнейших воротил финансового капитала США, Западной Европы и Японии. Большую роль в распространении неоконсервативных идей сыграл также Американский институт предпринимательства, считающийся «вашингтонской фабрикой мысли» консервативного толка.

Выступая под антикейнсианским флагом, неоконсерваторы опираются на постулаты неоклассицизма, используя багаж его различных школ. Теоретические истоки их концепции восходят к таким столпам свободного предпринимательства, как Ф. Найт, Г. Саймонс, Л. Мизес, В. Ойкен. Ведущими авторитетами для них являются Ф. Хайек и М. Фридман, а также У. Феллнер, А. Бернс, М. Уайденбаум, Г. Стайн. Наибольшее влияние на формирование экономической концепции неоконсерватизма оказал лауреат Нобелевской премии Ф. Хайек и его работа «Новые исследования в области философии, политики, экономики и истории идей», а также монетарная доктрина лауреата Нобелевской премии М. Фридмана. От них прежде всего были восприняты основные оценки состояния капиталистического хозяйства, толкование причин его нестабильности и обостряющихся противоречий, негативное отношение к сложившейся на основе кейнсианства практики государственно-монополистического регулирования. Основателями экономической теории предложения являются американские экономисты А. Лаффер, Р. Мандель, М. Фелдстайн, Дж. Гилдер, М. Эванс. Приверженцами этой концепции и ее внедрения в хозяйственную практику выступили экономисты, тесно связанные с администрацией.

Сторонники экономической теории предложения исходят из того, что состояние хаоса, колебания темпов экономического роста, структурные и циклические кризисы, хроническая безработица и обрушившаяся в 70-е годы невиданная по темпам инфляция и стагфляция — все это было спровоцировано прежде всего ростом государственных расходов. В них они видят причину бюджетного дефицита, высоких налогов на корпорации, расстройства кредитно-денежной системы. Теоретики экономики предложения считают, что систематическое вмешательство государства в хозяйственную жизнь, его политика доходов, занятости, социального обеспечения оказывают разрушающее воздействие на экономику. Поэтому вмешательство государства в экономику отвергается, а его роль ограничивается осуществлением политики, способствующей свободной хозяйственной деятельности, а также поддержанию необходимого уровня денежной массы, проведению кредитных мероприятий, ограничению социальных расходов. Такое понимание роли государства близко к концепции монетаристов.

Отвергнув кейнсианскую систему антициклического регулирования с ее заботой об обеспечении эффективного спроса, полной занятости и противопоставив ей доктрину экономики предложения, неоконсерваторы перенесли акцент с формирования спроса на проблемы предложения ресурсов и их эффективного использования. Ориентируя не на форсирование спроса, а на предложение факторов производства, они предложили одновременно активизировать побудительные мотивы и стимулы предпринимательской деятельности экономических агентов. Соответственно изменился характер и содержание рекомендаций. Основную задачу своей доктрины неоконсерваторы видят в повышении долговременного темпа роста производства при сохранении динамического равновесия экономики и недопущении инфляции.

Как заметил американский экономист Л. Туроу, сторонники теории предложения руководствуются прописной истиной: «если экономика плохо функционирует, значит что-то мешает хорошо смазанному механизму ры-

ночного хозяйства»[1]. Что же, по их мнению, действительно мешает рынку? Оказывается основным дестабилизатором является государство. Основу всех неурядиц экономической системы сторонники рассматриваемой концепции видят в государственном вмешательстве в хозяйственный процесс, нарушающем его естественный ход, базирующийся на свободном рынке, расстраивающий его механизм. В результате ослабляется главный стимул хозяйственной деятельности — частная инициатива, без которой невозможны экономические успехи капитализма. Отсюда низкий уровень использования ресурсов, их предложения. Рассматривая экономические проблемы через призму предложения, неоконсерваторы исходят из того, что они могут быть решены только с помощью рынка. Рынок обеспечивает экономическим агентам свободный выбор оптимальных хозяйственных решений, видов деятельности, выбор между потреблением в настоящем и будущем. Таким путем, считают они, капиталистическая экономика способна набрать необходимые темпы роста и дать наибольшую отдачу.

Интерпретация сторонниками теории предложения вопроса о роли государства в экономике имеет свою специфику. Она состоит в том, что они не отвергают полностью вмешательство государства в экономический процесс. Оно допускается, но его регулирующая деятельность должна ограничиваться пределами, устраивающими капитал, монополии. Рамки такого вмешательства резко сужены. Оно предполагается лишь на основе всемерного оживления рыночного механизма, недопущения ограничений для деятельности частного бизнеса. Как утверждает А. Лаффер, «теория предложения — это, по сути дела, та отрасль экономической теории, которая концентрирует внимание на самых личностных и самых частных стимулах и мотивах»[2]. Неограниченная частная инициатива в условиях максимальной свободы действия рыночного механизма — вот тот исходный принцип, который взят за основу экономики предложения и активно пропагандируется неоконсерваторами. Обосновывая необходимость трансформации экономики США в направлении «дальнейшей передачи власти» от государства к частному сектору, М. Уайденбаум ратует за возрождение всех принципов свободного предпринимательства: «большей опоры на конкурентные силы с тем, чтобы противопоставлять инфляционным тенденциям более высокий уровень производства, доходов, занятости»[3].

Большое место в работах теоретиков экономики предложения занимает проблема инфляции. Они во многом воспринимают монетаристское толкование этого явления. Руководствуясь идеей нейтральности денег, монетаристы исходят из денежной природы инфляции. По словам К. Бруннера, «денежные импульсы оказывают определяющее воздействие на колебания производства, занятости, цен»[4]. Основным виновником инфляции монетаристы считают государство с его политикой антициклического регулирования в духе кейнсианства, а также профсоюзы с их программой повышения заработной платы и уровня занятости. Неоконсерваторы опираются на монетаристскую концепцию, дополняя ее рядом положений. Они считают, что рост инфляции подталкивается высокими налоговыми ставками на предпринимателей, государственными расходами на социальные программы, административными мерами, ограничивающими и ущемляющими свободное предпринимательство, а также громадным ростом бюджетного дефицита. В соответствии с этим доктрина неоконсерваторов предусматривает меры антиинфляционного характера, в числе которых снижение налогов, сокращение расходов на социальные нужды, ликвидация бюджетного дефицита, отмена административных ограничений свободной предпринимательской деятельности.

Сторонники теории предложения не исключают использования бюджетных и кредитно-финансовых методов воздействия на экономический процесс. Однако в отличие от сторонников регулируемой экономики, характер такого воздействия и его масштабы иные. Доктрина неоконсерваторов категорически отвергает наращивание бюджетных расходов для стабилизации или форсирования спроса, квалифицируя их как фактор дестабилизации и подталкивания инфляции. Отвергая политику бюджетной экспансии, они ратуют за сбалансированный бюджет, за оздоровление финансов. По мнению М. Уайденбаума, федеральному правительству в своей деятельности следует ограничиться формированием политики и общего надзора, сократив «тот обширный спектр правительственных законов и правил, которые стимулируют инфляционные процессы в экономике и часто сокращают возможности занятости»[5]. Обеспечение экономических и социальных программ он относит к прерогативе частного бизнеса и местных органов власти.

Теория предложения ориентирует на субъективные мотивы поведения и

стимулы, исходя из того, что последние наилучшим образом стимулируют экономическую активность не только отдельных лиц, но и фирм. Основным препятствием считается система налогообложения, высокие налоговые ставки. По словам А. Лаффера, люди работают не для того, чтобы платить налоги. Напротив, «работая, они думают о том, что останется после уплаты налогов»[6]. В отличие от кейнсианцев сторонники теории предложения поиному относятся и к сбережениям. Они убеждены, что рост сбережений оказывает не отрицательное, а положительное влияние на экономический процесс как источник наращивания инвестиций и повышения темпа динамического равновесия.

Вслед за монетаристами неоконсерваторы обрушились на фискальную политику кейнсианцев, отвергая использование налогов в качестве средства антициклического воздействия на экономику. Прогрессивно возрастающий налог на доходы рассматривается ими как препятствие для роста сбережений, а следовательно, и новых вложений капитала, наращивания деловой активности, устойчивого экономического роста. Заботясь о получателях высоких доходов, монопольных прибылей сторонники экономики предложения в качестве одного из важнейших требований включили в свою доктрину снижение налогов и сокращение степени прогрессивности налогового обложения доходов. Такие меры рассматриваются как эффективное средство стимулирования частной инициативы, поддержания деловой активности на основе неограниченного рыночного саморегулирования, расширения инвестиций и оптимальных долговременных темпов экономического роста. Естественно, что все это представляется как забота об общем благе, поскольку, как отмечает Дж. Ванницки, каждый «работает по единственной причине — максимизировать свое благосостояние»[7].

Обосновывая курс на снижение налогов, неоконсерваторы опираются на «эффект Лаффера», базирующийся на абстрактной математической модели, проектирующей соотношение государственных доходов и налогов. Согласно построению А. Лаффера, рост государственных доходов происходит лишь до определенного уровня налоговых ставок. Затем он замедляется, а при достижении критической отметки начинает снижаться. Если налоги поглощают всю предпринимательскую прибыль, что можно представить в основном как абстракцию, то происходит снижение темпов роста производства или даже его прекращение. Следствием будет резкое сокращение поступлений налогов в казну. В соответствии с этим сторонники теории предложения настоятельно рекомендовали администрации США провести налоговую реформу. При этом они не забывали о том, чтобы «в значительно большей степени снижались налоговые ставки на корпорации, чем на доходы от труда»[8].

Одной из характерных черт экономической теории предложения является обоснование жесткого курса правительства и монополистического капитала в отношении жизненного уровня трудящихся, ограничения деятельности профсоюзов. Ее сторонники не останавливаются, по существу, перед призывом к широкому наступлению капитала на интересы рабочего класса. Это предусматривает даже ликвидацию тех скромных завоеваний трудящихся, которые не выходят за рамки кейнсианской реформистской программы обеспечения эффективного спроса и облегчения условий реализации. В итоге все это составило сердцевину экономической политики администрации США начала 80-х годов, разработанной на основе рекомендаций сторонников экономики предложения. Влияние их доктрины проявилось в эти годы также в Великобритании и других странах развитого капитализма.

Наступление на жизненный уровень и права трудящихся привело к сокращению ассигнований бюджета на социальные нужды, нанесло ощутимый ущерб системам социального обеспечения, образования, здравоохранения, пособий по безработице, помощи бездомным, функционирующим в США и других странах капитала. По оценке В. Перло, базирующаяся на экономической теории предложения доктрина носит откровенно антинародный характер. Используемые администрацией Р. Рейгана в начале 80-х годов рекомендации сторонников экономики предложения привели к ухудшению материального положения трудящихся США, в особенности их беднейших слоев.

Каким образом решают теоретики экономики предложения такую острейшую проблему, как проблема безработицы? Выступая с позиций концепции естественного уровня безработицы, они обрушились с критикой кейнсианских методов обеспечения занятости. Отвергая их, сторонники экономической теории предложения полагаются на стихийное развитие процесса, определяющего соотношение спроса и предложения труда. Они разделяют утверждение Ф. Хайека о том, что конечной и долгосрочной причиной роста

безработицы оказалась именно кейнсианская политика полной занятости. «В течение почти четверти века,— пишет Ф. Хайек,— мы систематически использовали все имеющиеся средства увеличения денежных расходов, которые в краткосрочной перспективе порождают дополнительную занятость. Но в то же время они ведут к таким нарушениям в структуре использования труда, которые, в конечном счете, вызывают увеличение безработицы»[9]. Доктрина неоконсерваторов опирается на старую неоклассическую догму, согласно которой уровень безработицы определяется непосредственно уровнем реальной заработной платы. Исходя из этого, она нацеливает на снижение реальной заработной платы, жизненного уровня трудящихся.

Таким образом, экономическая теория предложения ориентирует на стимулирование широкой частной инициативы, частного предпринимательства. Ее сторонники видят в этом ключ к решению наиболее острых экономических проблем. Важнейшим рычагом стимулирования частной инициативы считается снижение налоговых ставок и обеспечение привилегий корпорациям. Только через стихийный рыночный механизм и всемерное повышение предложения факторов производства, ресурсов, утверждают они, возможно обеспечить повышение эффективности производства и стимулировать спрос на продукцию. Любое увеличение бюджетных расходов на эти цели категорически отвергается, как и повышение расходов на социальные нужды. Одной из важных задач считается устранение бюджетного дефицита. Как отметил Дж. Тобин, представляющие «фискальную ортодоксию» сторонники экономической теории предложения выступают за экономию государственных расходов и сбалансированный бюджет. Все это включает экономическая доктрина неоконсерваторов, выражающая интересы крупнейших монополий.

Как отнеслись к экономической теории предложения и соответствующей ей доктрине представители других направлений буржуазной политэкономии? Многие без восторга. Напротив, она вызвала резкую критику за слабую обоснованность и низкую эффективность практических рекомендаций. По словам Дж. Гэлбрейта, эта теория носит не более чем преходящий характер, отражая «временные отклонения в государственной политике». Дж. Гэлбрейт не сомневается в том, что эта доктрина вместе с монетаризмом будет «отвергнута и даже сейчас отвергается опытом и здравым смыслом[10]. И он не одинок в таких оценках. Весьма низкую практическую эффективность доктрины экономики предложения отметил американский экономист Б. Босфорт, по словам которого просчеты рейганомики связаны главным образом с гиперболизацией налоговых льгот корпорациям в ущерб другим методам государственного регулирования экономики. Авторы популярного учебника «Экономикс» П. Самуэльсон и У. Нордхауз убеждены в том, что оздоровление американской экономики в 80-е годы связано не с теорией предложения, как утверждают неоконсерваторы, а со спросом [11].

Не располагает к большому оптимизму в оценке экономической теории предложения и хозяйственная практика. На рубеже 70—80-х годов, предпринимая усилия по преодолению трудностей в экономике, администрация США в выборе модели государственного регулирования ориентировалась на рекомендации монетаристов и теоретиков экономики предложения. Преследовалась цель обеспечения не только стабилизации, но и устойчивого экономического роста, устранения крупномасштабного бюджетного дефицита, обуздания галопирующей инфляции. Промышленная политика ориентировалась на создание условий для роста инвестиций корпораций в основной капитал, на ослабление контроля за частным предпринимательством. В 1981 году в интересах крупного капитала была проведена налоговая реформа. Однако практический эффект от реализации неоконсервативной доктрины оказался намного ниже рекламируемого. Проводимые меры совпали с циклическим подъемом начала 80-х годов, последовавшим после очередного экономического спада, что способствовало повышению отдачи от мероприятий правительства. Развязывание рыночных сил привело к оживлению хозяйственной конъюнктуры. Вместе с тем не замедлили заявить о себе и негативные последствия названной переориентации. Усилились стихийные проявления в экономическом процессе, непредсказуемость результатов. Правительство вынуждено было отказаться от полного прекращения антициклических регулирующих мероприятий, системы неограниченных валютных курсов. Уже в 1983 году федеральная резервная система США вновь вернулась к краткосрочному антициклическому регулированию процентных ставок, производства, занятости. В этом повороте просматривается частичный возврат к мерам кейнсианского характера. Крупномасштабный дефицит государственного бюджета не только не преодолен, а продолжает нарастать.

По мнению многих американских экономистов, этот пункт (один из главных в доктрине неоконсерваторов) едва ли может быть реализован в обозримом будущем.

Таким образом, для экономической теории предложения характерна своя расстановка акцентов в экономическом процессе. Однако, как и в других вариантах неоконсерватизма, она не дает ожидаемого эффекта. Полный отказ от кейнсианских методов государственного регулирования в условиях современных социально-экономических структур не приводит к качественному обновлению капиталистической экономики и соответствующего хозяйственного механизма. Экономическая теория предложения, ориентирующаяся на развязывание рыночной стихии, неограниченное хозяйничание частных монополий, оказывается не в состоянии решить такую задачу. Практика подтверждает выводы противников доктрины о ее ненадежности и малой эффективности.

[1] Thurow L. C. Dangerous currents: The State of Economics. Oxford, 1983. P. 125.
[2] The New Economics: A Debate // Economic Impact. 1981. March. P. 23.
[3] Challenge. 1978. March-April. P. 40, 41.
[4] The President and Economic Policy / Ed. by G. Pfiffner. Philadelphia, 1986. P. 226.
[5] Challenge. 1978. March—April. P. 41.
[6] The New Economics: A Debate // Economic Impact. 1981. March. P. 23.
[7] Wannicki G. The way the world works. New York, 1979. P. 71.
[8] Canto A., Goines D., Laffer A. Foundations of Supplyside Economics. New York, 1983. P. 209.
[9] Hayek F. A. New Studies in Philosophy, Politics, Economics and the History of Ideas. London, 1978. P. 210.
[10] Гэлбрейт Дж. К., Меньшиков С. Капитализм, социализм, сосуществование. М., 1988. С. 105.
[11] См.: Samuelson P., Nordhaus W. Economics. New York, 1985. P. 192.

В. В. БЕСМАН

РЫНОК КАК ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Проблема рынка при социализме, несмотря на теоретическую и практическую актуальность, все еще остается дискуссионной, неоднозначной. Все многообразие мнений по этой проблеме можно условно свести к следующим позициям: рынок и социализм несовместимы; категория «социалистический рынок» не противоречит объективным экономическим законам. Каждая из этих позиций, в свою очередь, имеет две противоположные формы реализации. Так, в первом случае рынок рассматривается как исключительно стихийный процесс, неподвластный воздействию извне, а социализм — как исключительно административно-командная система, не способная к самоорганизации. При этом одна группа экономистов единственный путь развития видит в «чистом» рынке, другая — в «чистом» социализме. Во втором случае в понятие «социалистический рынок» нередко вкладывается смысл, ничего общего с действительным рынком не имеющий: жестко определенное директивами движение товарных и денежных масс, как правило, не соответствующее фактическим потребностям общества и осуществляемое как эквивалентный обмен лишь по форме, но не по сути, поскольку практически не учитывается действие закона спроса и предложения. Иначе говоря, рынок, регулируемый внеэкономическими рычагами. А иногда рынок при социализме рассматривается как самоорганизующийся механизм эквивалентного товарно-денежного обмена, функционирующий в соответствии с законом спроса и предложения и встроенный в систему социалистических экономических отношений. Регулирование рынка извне осуществляется только на стратегических направлениях с помощью экономических методов (специфической особенностью которых является обратная связь от объекта управления к субъекту на эквивалентной основе) и в соответствии с основными целями развития социально-экономической системы.

Последняя позиция представляется наиболее предпочтительной, хотя в настоящее время в экономической науке и отсутствует консенсус относительно критериев социалистичности. Роль рынка, особенности его функционирования определяются системой общественного производства. Но социалистическим этот рынок делают не специфика движения капиталов, товаров и даже рабочей силы, а, в первую очередь, социальный смысл всех этих про-

цессов. Граница проходит, главным образом, не по формам экономической жизнедеятельности общества, не по орудиям и средствам этой деятельности, а по определению фактического места человека в обществе — является ли он высшей целью производства или только источником извлечения прибыли.

Рынок — это форма проявления социально-экономических отношений производителей и потребителей в сфере обращения товаров и денег. Его отличительными признаками являются: свободный выбор партнеров хозяйственных связей как по горизонтали, так и по вертикали; договорный, т. е. двусторонний, характер формирования связей; эквивалентность обратных связей; наличие экономической конкуренции между производителями.

Структурно современный рынок является весьма сложной системой, различные составные части которой органически взаимосвязаны и взаимодействуют между собой. Субъектами рыночных отношений выступают как государственные институты, так и коллективы государственных, кооперативных, арендных, акционерных и других предприятий, общественные организации, отдельные члены общества. Объектами рыночных отношений являются товары, функциональное назначение которых образует основу для появления специфических рыночных форм: рынки товаров для производственного и для личного потребления; кредитов; ценных бумаг; рабочей силы.

Полноценный, т. е. эффективный, рынок возможен только при условии охвата всех его объектов и субъектов. Для получения более или менее полного представления о сложности этой системы необходимо еще добавить, что с точки зрения территориальных границ рынка, масштабов и функций следует различать местный рынок, национальный (внутренний) и мировой (внешний), которые тесно связаны между собой и постоянно взаимодействуют.

Выполняя свои основные функции — реализация стоимости и доведение потребительной стоимости от производителя к потребителю,— рынок обеспечивает непрерывность производства. Дискретность рыночных отношений, вызываемая прежде всего перебоями в товарном предложении, нарушает нормальный ход воспроизводства, снижает его эффективность. Следовательно, через рынок осуществляется действие закона стоимости. На рынке обнаруживается, какие условия производства являются общественно-необходимыми и определяют величину стоимости товаров, формируют рыночную стоимость. Через акты купли-продажи производится сведение сложного труда к простому и осуществляется сопоставление различных видов труда, затраченных на изготовление товаров. Рынок, следовательно, выполняет функцию учета общественно необходимых затрат труда товаропроизводителей. Осуществляя функцию реализации стоимости, рынок служит инструментом хозяйствования, с помощью которого в экономике происходит обмен на основе принципа эквивалентности. Рыночный механизм призван обеспечивать возмещение издержек производства и обращения и получение прибыли каждому нормально работающему предприятию, образование средств накопления. Однако главная, приоритетная функция рынка — доведение потребительной стоимости до конечного потребителя. Причем не только доведение, но для непрерывности воспроизводства — своевременное доведение. Таким образом, можно сделать вывод, что смена форм стоимости связана прежде всего с интересами производителей, а доведение потребительной стоимости — с интересами потребителей. Это противоречие является формой конкретного проявления на практике противоречия функций рынка и создает определенные трудности в процессе реализации товарной массы.

Кроме того, рынок выполняет функцию заключительной оценки движения всех составных частей валового продукта в стоимостной форме. Полное и окончательное признание общественного характера труда, воплощенного в товаре, может произойти только на рынке. Другими словами, проблема рынка прямо связана с налаживанием обратных связей в обществе. Нормальная система обратных связей — это вестибулярный аппарат общества, без которого невозможно четкое балансирование между двумя противоположностями. Рынок же представляет собой главную составную часть системы прямых и обратных связей в экономике, систему связей между производителями и потребителями. В данном случае рынок выполняет и функцию контрольного механизма, который наряду с планомерным изучением информирует товаропроизводителей о состоянии дел в различных отраслях и сферах хозяйственной жизни, о наметившихся тенденциях в соотношении производства и потребления, о точности плановых расчетов и заданий, дает сигнал для планомерного перепрофилирования структуры производства в целях наиболее полного ее соответствия объему и структуре общественных потребностей.

Однако становление рыночного механизма — процесс весьма сложный и противоречивый. Одной из главных проблем на этом пути считается проблема соотношения плановых и рыночных методов управления, являющихся модифицированным проявлением противостояния монополии и конкуренции. Но обстоятельный научный анализ каждой из категорий позволяет сделать вывод, что подобного противостояния не существует, а план и рынок представляют собой органические элементы единого целого. Дело в том, что планирование — категория управления, основная функция управления, рынок же — совокупность отношений между производителями и потребителями. В условиях современного производства рынок не может быть единственной системой регулирования пропорций воспроизводства. Таким образом, планирование можно и нужно использовать как рычаг управления рынка.

Конечно, план и рынок превращаются во взаимоисключающие противоположности и их сочетание действительно становится неразрешимой дилеммой, если в это понятие вкладывать то содержание, которое до недавнего времени преобладало в экономической науке. С одной стороны, понимание свободного рынка как полного отсутствия всякого планирования, абсолютной стихийности цен и конкуренции. С другой стороны, примитивное восприятие плана как нетоварности, как директивы, спущенной «сверху» цифры, которую надо во что бы то ни стало выполнить (и что уж совсем удивительно — перевыполнить). Такая точка зрения весьма распространена и до сих пор. В действительности директивное планирование ничего общего с планом не имеет. Это субстрат административно-бюрократической системы командования, способ обеспечения ее власти.

При плановом распределении продуктов, искусственном сужении рынка диспропорции в экономике, основанной на общественном разделении труда, неизбежны. Они возрастают при углублении последнего, росте потребностей и структуризации общества. Иначе говоря, объективные рыночные отношения отторгают подобную практику планирования, а результаты этого процесса наглядно проявились на современном состоянии нашей экономики. Планирование было, есть и будет там, где есть управление, а управление есть там, где есть общественное производство. Таким образом, даже стихийный рынок, рынок свободной конкуренции, подвергается регулирующему воздействию планирования. Однако и такой, отнюдь не абсолютно стихийный, рынок в условиях даже капиталистического способа производства практически канул в небытие. В настоящее время планомерное регулирование все в большей степени овладевает рыночной стихией. Ведь именно на это направлено создание и практическое применение маркетинга и государственного регулирования рыночной экономики, главным элементом которых является планирование. Так что рыночные отношения могут и должны выступать составным органическим элементом планомерного пропорционального развития экономики. На народнохозяйственном уровне реализация стратегических социально-экономических и научно-технических программ является объектом планового регулирования. Другое дело, что планирование должно быть иным — реальным, а потому научно обоснованным, без мелочной детализации; планы должны быть индикативными, а не директивными, т. е. в них должны использоваться преимущественно экономические методы, хотя и отличные от рыночного регулирования. Особую актуальность приобретает создание с помощью централизованных экономических методов здоровой обстановки на рынке, необходимых условий для свободной экономической конкуренции между ее агентами и устранение всех видов монополизма.

Плановое регулирование может охватывать своим воздействием все элементы рынка: спрос, предложение, цены. Разумеется, в полном смысле плановое регулирование государства реально может быть применено к воздействию на формирование объема и структуры предложения путем планомерного формирования структуры и пропорций общественного производства, так как спрос, особенно на потребительские товары, в основном носит стихийный характер. Государство в некоторой степени воздействует на объем и структуру спроса, поскольку госзаказ представляет собой одну из его важнейших форм. На предложение товаров влияют и косвенные методы регулирования, связанные с использованием цен, налогов, процентных ставок. Имеется определенная возможность планового воздействия и на спрос через регламентацию денежного обращения, формирование доходов потребителей и систему ценообразования. Главным направлением макроэкономического воздействия на общий объем и структуру спроса является целенаправленное регулирование с помощью банковской, кредитной, налоговой систем денежной массы в обращении, а также денежных доходов как предприятий,

так и населения. Нормативы распределения прибыли и прямое определение денежных доходов населения также оказывают воздействие на состав совокупного спроса. При надежности регулирования макропропорций спроса и предложения создается прочный фундамент для активного использования рыночных методов в регулировании микропропорций общественного производства. Существуют также различные способы и формы государственного регулирования цен, которые по объему, характеру и направленности могут иметь различный удельный вес в зависимости от объективного состояния экономики и тенденций ее развития. В первую очередь необходимо создать систему маркетинга, наладить действительное изучение спроса, учет доходов и цен, т. е. разработать плановую основу для предложения товаров.

Следовательно, как бы ни формировался взгляд на соотношение плана и рынка (рынок ли дополняет план, план ли рынок), совершенно очевидной является необходимость выработки новой концепции планомерности, без чего вряд ли удастся продвинуться в практическом решении проблемы перехода к рыночной экономике. Представляется очевидным, что содержание категории планомерности как сознательно поддерживаемой пропорциональности при этом не изменится. Изменятся лишь формы реализации планомерности, формы достижения пропорциональности. Так, если сейчас объектом планомерности являются материальные объекты (например, конкретные товары), то в дальнейшем объектом планомерности должно стать согласование интересов, т. е. экономические отношения. Субъектом же планомерности пока воспринимается только государство, хотя децентрализация собственности должна привести к тому, что в качестве субъектов будут выступать все производители и потребители (в том числе и государство), которые заключают договора и заранее согласуют свои интересы. Изменение объекта и субъекта неизбежно должно повлечь за собой изменение форм и методов планирования.

Как уже говорилось, необходим переход от централизованных директив к экономически методам, которые предусматривают многообразие форм: индикативное планирование, прогнозирование и вероятностное предположение, программирование и маркетинг. Ныне план должен включать регламентацию лишь системообразующих звеньев, принципов экономической деятельности. При этом изменяется и сфера, охватываемая планомерностью. До сих пор она была всеохватной, распространявшейся на всю экономику. Сейчас она дифференцируется. Так, например, государственное планирование охватывает развитие государственного имущества и структурные сдвиги в экономике по принципу: кто финансирует, тот и планирует.

Права

В. Н. САТОЛИН

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О БРАКЕ И СЕМЬЕ, ДЕЙСТВОВАВШЕЕ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Возникновение Советского государства обусловило появление нового законодательства, в том числе и в области брачно-семейных отношений. Важную роль в этом деле сыграли декреты «О расторжении брака» и «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния», опубликованные 19 и 20 декабря 1917 года [1]. Это были первые правовые акты Советской власти, непосредственно касающиеся регулирования брачно-семейных отношений в новых условиях. Ими устанавливались демократические принципы построения семьи, которые легли в основу всего дальнейшего советского брачно-семейного законодательства.

Декретом «О расторжении брака» предписывалось изъять все бракоразводные дела из компетенции церкви и передать их в ведение государственных органов. Провозглашалась свобода расторжения брака, сам бракоразводный процесс максимально упрощался и освобождался от многочисленных, порой трудно преодолимых препятствий и ограничений.

В декрете указывалось, что брак может быть расторгнут по просьбе одного или обоих супругов, причем в последнем случае допускалось обращение непосредственно в органы записи актов гражданского состояния, где и выдавались документы, подтверждающие расторжение брака.

Согласно декрету «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния», действительными признавались лишь гражданские браки, зарегистрированные в установленном порядке государственными органами. Церковный брак объявлялся частным делом брачащихся и не порождал никаких правовых последствий. Для вступления в брак необходимо было: а) согласие сторон; б) достижение определенного возраста (18 лет — для мужчин и 16 — для женщин) и в) личное заявление о желании вступить в брак.

Провозглашая равенство мужчины и женщины, равноправие супругов, декрет разрешил им принимать в качестве общей фамилию мужа, либо фамилию жены, либо соединенную фамилию обоих. Ликвидировалось унизительное положение и неравенство в правах так называемых внебрачных детей с детьми, рожденными в браке. Запись о родителях производилась органами записи актов гражданского состояния. В том случае, если отец ребенка, рожденного вне зарегистрированного брака, уклонялся от подачи заявления, допускалось установление отцовства в судебном порядке.

Однако нормы, содержащиеся в декабрьских декретах 1917 года, не охватывали все стороны правового регулирования отношений, вытекающих из брака и принадлежности к семье. В частности, требовалась более полная и всесторонняя регламентация личных и имущественных отношений супругов, прав и обязанностей родителей и детей и др. Поэтому уже через несколько месяцев, в сентябре 1918 года, правительство РСФСР приняло Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве [2].

В юридической литературе неоднократно давалась развернутая характеристика положений Кодекса РСФСР 1918 года. По этой причине мы не бу-

дем подробно на нем останавливаться. Отметим лишь, что в этом законодательном акте, помимо подтверждения и развития положений названных выше декретов, устанавливался целый ряд принципиально новых, ранее неизвестных советскому законодательству о браке и семье предписаний. В Кодексе, например, было сформулировано положение о том, что перемена места жительства одним из супругов не влечет за собой обязанности для другого следовать за ним. В этот законодательный акт также были включены нормы, согласно которым все браки, заключенные до издания советских законов, приравниваются к зарегистрированным, что брак не создает общности имущества супругов. Супругам разрешалось вступать между собой в любые имущественно-договорные отношения при условии, что последние не противоречат закону. Впервые после установления Советской власти в Кодексе были урегулированы отношения при осуществлении опеки и попечительства.

Итак, Кодекс РСФСР 1918 года, с одной стороны, привел в определенную систему изданные до этого нормативные предписания, а с другой — ликвидировал целый ряд существовавших ранее пробелов в советском брачно-семейном законодательстве. Все это позволило более полно и подробно отвечать на возникающие в жизни вопросы в области рассматриваемых отношений.

Кодекс РСФСР 1918 года был актом, действие которого распространялось и на территорию Белоруссии, на ту ее часть, которая не подвергалась оккупации в 1918—1920 годах. Что же касается оккупированных районов, то здесь регламентация брачно-семейных отношений не претерпела каких-либо существенных изменений. Как и прежде, в этих местностях продолжали действовать правовые и религиозные предписания времен Российской империи.

Как известно, 2—3 февраля 1919 года в Минске состоялся I Всебелорусский съезд Советов, который утвердил Конституцию Белорусской ССР[3]. Гарантируя всем гражданам республики свободу совести, а также свободу религиозной и антирелигиозной пропаганды, Конституция БССР (ст. 7) законодательно закрепила отделение церкви от государства и школы от церкви. Это конституционное положение вносило коренные изменения в правовое регулирование брачно-семейных отношений. Его значение станет особенно ясным, если вспомнить, что до Октябрьской революции эти отношения регулировались не столько гражданскими законами, сколько церковными постановлениями. Теперь же церковь полностью отстранялась от выполнения государственных функций.

Провозгласив отстранение церкви от обязательного участия в заключении и расторжении браков, лишая религиозные обряды, связанные с рождением, смертью, вступлением в брак и его прекращением, юридической силы, Советская власть приступила к созданию органов, на которые возлагалось ведение актов гражданского состояния. Первый такой орган на территории республики, который назывался Отдел записи рождений, смертей, браков, разводов, безвестного отсутствия, внебрачного зачатия, перемены фамилий и прозвищ, был открыт 15 февраля 1919 года в Минске[4]. Из названия этого отдела видно, какой огромный объем работы предстояло выполнять его работникам. Но из-за вновь начавшихся на территории Белоруссии военных действий (наступление белополяков) Минский отдел ЗАГС, по-существу, не успел начать свою работу.

Фактически отделы записей актов гражданского состояния стали создаваться в Белоруссии только во второй половине 1920 — начале 1921 года, т. е. сразу после освобождения ее территории от иностранных интервентов. Именно через эти отделы осуществлялась практическая реализация первых советских законов о браке и семье, основным из которых в республике по-прежнему продолжал оставаться Кодекс РСФСР 1918 года. К середине 1921 года в БССР уже насчитывался 121 отдел записей актов гражданского состояния, в том числе один Центральный, три городских, шесть уездных и 111 волостных[5].

Однако процесс создания органов ЗАГС и организация их деятельности сопровождались различного рода трудностями. Не хватало регистрационных книг, бланков, вообще бумаги, квалифицированных специалистов. Нормативные акты, регламентирующие записи актов гражданского состояния, имелись далеко не во всех отделах ЗАГС. Это приводило к тому, что не только население, но и сами работники советских органов подчас не знали нового законодательства, целей и задач регистрации актов гражданского состояния.

Серьезным сдерживающим фактором в этом деле являлась и позиция церкви. Не соглашаясь с законодательными актами об отделении церкви от

государства, священнослужители, как и раньше, считали себя исполняющими государственные функции и продолжали совершать связанные с браком и семьей религиозные обряды.

Усматривая во всем этом восстановление старых царских законов и игнорирование вновь принятых, Советская власть приняла ряд нормативных актов, направленных на ослабление влияния церкви и духовенства. Так, 18 мая 1920 года всем местным губисполкомам был направлен циркуляр народного комиссара юстиции РСФСР Д. И. Курского, в котором прямо говорилось о прекращении «этой незаконной и дезорганизационной деятельности церковников» и рекомендовалось «привлекать лиц, виновных в дальнейшем осуществлении этих старых, уничтоженных революцией законов, к судебной ответственности»[6].

В соответствии с этими указаниями повсеместно стали закрываться церковные учреждения, сохранявшие за собой функции государственных органов. Их имущество, инвентарь, архивы, а также и здания, в которых они находились, переходили в ведение органов Советской власти. 26 февраля 1921 года прекратил свою деятельность Минский епархиальный Совет. Из имеющихся материалов архивных фондов Белорусской ССР усматривается, что все эти мероприятия проводились НКВД республики на основании циркулярных распоряжений органов власти Советской России[7].

На освобожденной от оккупантов территории республики вся полнота власти принадлежала Военно-революционному комитету Советской Социалистической Республики Белорусссии. 29 сентября 1920 года ВРК С.С.Р. Белоруссии издал приказ № 40 «О семейных разделах»[8], который устанавливал, какие споры, возникающие при расторжении брака, были подведомственны суду, а какие — ведению других государственных органов. В соответствии с п. 1 этого приказа «все дела о семейных разделах недвижимости, живого и мертвого сельскохозяйственного инвентаря и, вообще, движимости, составляющей необходимую принадлежность землевладения или по роду своему относящиеся к сельскому хозяйству, а также дела о праве пользования сельскохозяйственными участками земли» подлежали рассмотрению в волостных и уездных земельных отделах.

В свою очередь, споры «о разделе денег, одежды, мебели и проч. движимого имущества, не связанного с поземельными отношениями, а равно дела, хотя и вытекающие из землепользования, но приобретающие характер условный, как например, дела о самоуправных покосах, запашках и потравах, производимых в присутствии владельца, несмотря на его запрещение и т. п.», относились к ведению народных судов.

В заключительной части приказа подчеркивалось, что при рассмотрении дел, указанных в п. 1, в состав коллегии земельного отдела должен включаться судья, который наделяется правом решающего голоса. Земельные отделы, разрешая споры о землепользовании, руководствуются Положением о народном суде.

Наиболее активно законодательная деятельность белорусского советского государства в области рассматриваемых отношений развернулась во второй половине 20-х годов. Именно в этот период принимается такой важный нормативный документ, как постановление ЦИК и СНК БССР от 21 февраля 1925 года «О праве граждан изменять свои фамилии (родовые прозвища) и имена»[9].

В соответствии с этим постановлением каждому гражданину БССР по достижении восемнадцатилетнего возраста предоставлялось право изменять свою фамилию и имя. Лица, пожелавшие изменить свою фамилию (прозвище) или имя, должны были подать об этом заявление в окружной орган записи актов гражданского состояния и приложить к нему удостоверяющие личность документы или нотариально заверенные копии. Указанное ходатайство публиковалось за счет заявителя в местной официальной газете, а также в органе ЦИК БССР «Савецкая Беларусь». По истечении двухмесячного срока со дня опубликования лицо. изменившее свою фамилию (родовое прозвище) или имя, имело право требовать внесения этой фамилии (прозвища) или имени во все акты гражданского состояния.

19 марта 1925 года Народный комиссариат внутренних дел Белоруссии утвердил инструкцию «О порядке перемены фамилий (родовых прозвищ) и имен»[10], в которой подробно регламентировались все вопросы, связанные с подготовкой и разрешением дел данной категории. В дополнение к инструкции НКВД в сентябре 1925 года издал циркуляр, адресованный всем окружным исполнительным комитетам республики. В нем указывалось в частности, что органы ЗАГС при поступлении заявлений о перемене фамилии дол-

жны требовать от граждан, кроме предусмотренных постановлением ЦИК и СНК БССР от 21 февраля 1925 года документов, предоставления справки районных финансовых органов о том, что за ними в последние шесть месяцев до момента возбуждения ходатайства о перемене фамилии не числится никаких недоимок, налогов и сборов [11].

Все заявления, подаваемые в органы ЗАГС о перемене фамилий (родовых прозвищ) и имен, облагались местным сбором в размере пяти рублей. Взысканные суммы сбора передавались в установленные сроки в кассы Народного комиссариата финансов.

29 мая 1925 года ЦИК и СНК Белорусской ССР приняли постановление, которым утверждался порядок разбирательства дел о расторжении браков и выдаче содержания нуждающемуся супругу и детям. Пункт 5 этого постановления, в частности, гласил: «Нуждающийся или нетрудоспособный супруг, в случае развода, имеет право на получение содержания от другого супруга, если последний по признанию суда в состоянии оказывать ему поддержку»[12].

Право на содержание, установленное п. 5, предоставлялось также разведенному трудоспособному супругу во время его безработицы, но не более года с момента развода. В случае удостоверенного уклонения от работы стороне, обязанной выдавать содержание разведенному супругу, предоставлялось право в общеисковом порядке просить об освобождении ее от этой обязанности.

Постановлением устанавливалось также, что при отсутствии соглашения между разводящимися супругами вопрос о размере расходов на содержание и воспитание детей разрешается в общеисковом порядке, причем народный судья одновременно с принятием искового заявления выносит сообразно с обстоятельствами дела и в интересах детей определение о том, кто из разведенных супругов и в какой мере обязан временно, до разрешения спора, нести расходы по содержанию детей и у кого дети временно должны оставаться на воспитании, а также определяет размер содержания нуждающемуся супругу. В случае отказа родителей обеспечивать содержание детей право требовать его в судебном порядке получили сами дети или их опекуны.

В исследуемый период в Белоруссии принимались и другие законодательные акты, связанные с браком и принадлежностью к семье. Но рамки настоящей статьи, к сожалению, не позволяют охарактеризовать их.

[1] См.: СУ РСФСР. 1917. № 10. Ст. 152; № 11. Ст. 160.
[2] См.: СУ РСФСР. 1918. № 76—77. Ст. 818.
[3] См.: История Советской Конституции 1917—1956 гг. М., 1957. С. 187 и далее.
[4] См.: Звезда. 1919. 15 февр.
[5] ЦГАОР БССР. Ф. 41, оп. 1, д. 15, л. 42.
[6] Там же. Д. 2, л. 2.
[7] Там же. Д. 15, л. 7,5.
[8] См.: Известия Военно-революционного комитета С.С.Р.Б. 1920. № 4. 29 сент.
[9] См.: СЗ БССР. 1925. № 9. Ст. 81.
[10] См.: Бюллетень СНК БССР. 1925. № 5. С. 40—42.
[11] Там же. С. 42—43.
[12] СУ БССР. 1925. № 29. Ст. 274.

В. А. ЗЕНЬКОВИЧ

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ ОБМАНА ПОКУПАТЕЛЕЙ

Наличие необеспеченных товарами денежных средств у значительной части населения порождает определенное неравенство, которое при имеющихся трудностях в торговле провоцирует злоупотребления и правонарушения в этой сфере. Особенно большое распространение в торговле получили такие правонарушения, как обман покупателей, совершаемый в нескольких видах: путем обмеривания, обвешивания, обсчета, превышения установленных розничных цен. Число выявленных преступных фактов обмана покупателей в Минске возросло с 89 случаев в 1984 году до 218 — в 1988, т. е. в 2,4 раза, и это при том, что данному виду деяний присуща весьма высокая латентность.

Правовая норма, предусматривающая ответственность за обман покупателей,— ст. 153 УК БССР. Как показывает анализ практики, она несовершенна, поскольку любой обман покупателей формально подпадает под признаки данной статьи, тем самым неоправданно расширяется уголовная репрессия и ограничивается применение более гуманных административных мер.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 14 марта 1975 года «О судебной практике по делам об обмане покупателей и заказчиков» обратил внимание на то, что не все случаи обмана покупателей подлежат рассмотрению в судах. Иногда с учетом конкретных обстоятельств дела и личности виновного «следует ограничиться мерами общественного или дисциплинарного воздействия»[1]. На практике вопрос о том, признавать обман покупателей преступлением или проступком, решается на основе положений уголовного права, сформулированных в ч. 2 ст. 7 и ст. 48 УК БССР, которые зачастую истолковываются и применяются крайне субъективно.

Происходящие в настоящее время перестроечные процессы в правовой политике позволяют надеяться, что дальнейшее совершенствование уголовного законодательства по регулированию отношений в сфере торговли будет осуществляться путем декриминализации малозначительных преступлений с перенесением их в сферу административной юрисдикции.

Подтверждением этого курса является Указ Президиума Верховного Совета Белорусской ССР от 31 марта 1989 года «О внесении дополнений и изменений в Кодекс Белорусской ССР об административных правонарушениях». Законодатель дополнил статью 144 этого Кодекса частью второй: «Продажа товаров со складов, баз, из подсобных помещений предприятий (организаций) торговли или общественного питания, а равно сокрытие товаров от покупателей работниками предприятий (организаций) торговли или общественного питания»[2], т. е. декриминализировал ст. 156^2 УК БССР. В практике милицейской деятельности это ликвидировало также существовавшее «узкое» место в части квалификации уголовно наказуемых нарушений правил торговли от аналогичных нарушений, являющихся административным деликтом.

Однако относительно деяний, связанных с обманом покупателей, законодатель по каким-то причинам не дополнил данный Кодекс соответствующей нормой. Здесь следует, видимо, пояснить, что обман покупателей (все его виды) является одной из форм нарушений правил торговли, но с разницей в том, что в действующем административном законодательстве нет отдельной нормы, предусматривающей ответственность за это деяние, т. е. за обман покупателей.

Это, на наш взгляд, приводит к тому, что у органов милиции и суда из-за отсутствия специальных указаний о признаках, отграничивающих обман покупателей как уголовно наказуемого действия от соответствующего административного проступка, нет единого подхода при вынесении решений по делам этой категории. Подтверждением этого являются и типичные примеры из правоприменительной практики.

Так, Московским районным народным судом Минска в 1988 году по ст. 153 ч. 1 УК БССР продавец Р. была осуждена к двум годам исправительных работ с удержанием в доход государства 20 % из заработной платы за совершение обмана покупателей на сумму в 57 коп. В то же время Фрунзенским районным народным судом Минска с применением ст. 48^1 УК БССР была освобождена от уголовной ответственности с привлечением к административной за обман покупателей в размере 63 руб. 91 коп. начальник кондитерского цеха ресторана «Планета» С. Она оштрафована на 150 руб.[3] Дознанием Фрунзенского РОВД Минска было установлено, что продавец К. совершила обман покупателей на 21 руб. В соответствии со ст. 6 УПК БССР она была освобождена от уголовной ответственности с направлением материалов по месту работы для принятия мер воздействия[4].

Характеризуя субъектов этих преступных деяний, следует отметить, что все они примерно равны по основаниям применения к ним нормы об обстоятельствах, смягчающих ответственность (ст. 37 УК БССР). Судя по размеру ущерба, причиненного покупателям, или величине нетрудового дохода, очевидно, что в первом случае он не идет ни в какое сравнение со вторым и третьим случаями, а принцип соразмерности наказания применен прямо противоположно: Р. осуждена излишне сурово, к С. применено излишне мягкое наказание, а К., можно сказать, «отделалась легким испугом». Приведенные примеры показывают также, что у работников правоохранительных органов чрезмерно расширены возможности так называемого «усмотрения»

в разрешении дел этой категории, что создает почву для всякого рода злоупотреблений.

О наличии «пробелов» в действующем административном законодательстве свидетельствует и статистика судебной практики. Так, в 1988 году районными народными судами Минска за обман покупателей в размере от 50 коп. до 2 руб. было осуждено 13 человек. Однако на 42 дела по обману покупателей, но с размером наживы от 2 руб. и выше, в том числе по семи — на сумму более 10 руб., материалы без возбуждения уголовного дела в соответствии со ст. 6 УПК БССР были направлены на рассмотрение товарищеских судов по месту работы нарушителей. Такое положение еще раз свидетельствует о чрезмерной широте сферы субъективного усмотрения работников правоохранительных органов при рассмотрении ими дел этой категории, независимо от размера нетрудового дохода.

Необходимо отметить, что в практике деятельности районных судов Минска по делам об обмане покупателей получило распространение применение такого уголовно-правового института, как освобождение от уголовной ответственности с привлечением к ответственности административной (ст. 48^1 УК БССР). Эта норма в 1988 году применялась по 63 материалам, но и здесь нет единого подхода и имеются недостатки, подобные вышеизложенным.

Исходя из сказанного, мы полагаем целесообразным дополнить ст. 144 Кодекса Белорусской ССР об административных правонарушениях частями третьей и четвертой, в которых предусматривалась бы ответственность за обмеривание, обвешивание, обсчет, превышение установленных розничных цен или иной обман покупателей в магазинах, других торговых предприятиях или предприятиях общественного питания.

В качестве критерия при решении вопроса о привлечении к ответственности и квалификации деяния как административного проступка или уголовного преступления следует избрать размер ущерба, причиненного покупателям, или нетрудового дохода. Анализ практики деятельности милиции Минска по борьбе с нетрудовыми доходами в сфере торговли показал, что размер выявленной наживы от обмана покупателей до 10 руб. составил в 1988 году 67 % всех дел этой категории. Поэтому целесообразно этот размер нетрудового дохода отнести к категории малозначительного и принять его в качестве критерия при отграничении преступных фактов обмана покупателей от административных проступков. Бесспорно, что за другие деяния, когда сумма обмана превышает 10 руб., или за обман в крупных размерах подход к разрешению надо оставить прежним.

Средний размер штрафов по делам этой категории, рассматриваемым народными судами Минска, с применением ст. 48^1 УК БССР составляет около 140 руб. Поэтому считаем возможным увеличить примерный размер санкции за административный проступок в виде штрафа от 100 до 150 руб., а на должностных лиц — до 200 руб.

Иногда выявляются факты повторного (в течение года) обмана покупателей с размером наживы до 10 руб. лицом, привлекавшимся к административной ответственности, общественному или дисциплинарному воздействию. С учетом гуманизации уголовного законодательства, а также того, что в отрасли преобладающий контингент работающих — женщины, имеющие детей, и в соответствии с принципом экономии уголовной репрессии считаем нецелесообразным криминализировать такое деяние, а ввести квалифицирующий признак: «те же действия, совершенные лицом, которое в течение года было подвергнуто административному взысканию, общественному или дисциплинарному воздействию за указанное правонарушение, влекут наложение штрафа в размере от 150 до 250 руб., а на должностных лиц — от 200 до 300 руб. с лишением права занимать должности в сфере торговли на срок до двух лет».

Таким образом, в окончательном варианте части третью и четвертую ст. 144 Кодекса Белорусской ССР об административных правонарушениях следовало бы изложить так:

«Обмеривание, обвешивание, обсчет, превышение установленных розничных цен или иной обман покупателей в магазинах и иных торговых предприятиях или предприятиях общественного питания влечет наложение штрафа в размере от 100 до 150 руб., а на должностных лиц — до 200 руб.

Те же действия, совершенные повторно в течение года после наложения административного взыскания или общественного, или дисциплинарного воздействия, влекут наложение штрафа в размере от 150 до 250 руб., а на должностных лиц — от 200 до 300 руб. с лишением права занимать должности

в торговых предприятиях или предприятиях общественного питания на срок до двух лет».

Представляется, что предлагаемая норма, кроме ликвидации «пробела» в административном законодательстве, видимо, будет играть и профилактическую роль, удерживать работников торговли и общественного питания от обмана покупателей. Кроме того, в определенных пределах практическое ее применение могло бы привести к сокращению объема работы правоохранительных органов, поскольку очевидно, что отпадет необходимость проведения дознания и упростится разбирательство по делам этой категории. Подведомственность же рассмотрения дел этой категории, на наш взгляд, надо оставить в ведении народных судов, которые уже имеют определенный практический опыт по делам, связанным с обманом покупателей.

Мы отдаем себе отчет в том, что наши предложения по увеличению размера штрафа за корыстное административное нарушение и лишению лица права занимать должности в сфере торговли выходят за пределы компетенции республиканского законодательства об административных нарушениях. Но эти новеллы в контексте происходящих процессов расширения полномочий союзных республик говорят о том, что настало время предоставить республиканскому законодателю самостоятельно устанавливать в области административных правонарушений размеры штрафных и других взысканий в соответствии с местной обстановкой.

[1] Бюллетень Верховного Суда СССР. 1975. № 2. С. 19.
[2] См.: Собрание законов Белорусской ССР. 1989. № 10. Ст. 94.
[3] См.: Уголовное дело № 331388 (Московский РОВД г. Минска); Уголовное дело № 317188 (Заводской РОВД г. Минска).
[4] См.: Дело № БВ-5881 (Фрунзенский РОВД г. Минска).

Л. В. ВЛАСОВА, А. Н. КОЛОСОВСКИЙ

ЮРИСДИКЦИОННЫЙ ИММУНИТЕТ ГОСУДАРСТВ В ОТНОШЕНИИ ИХ СОБСТВЕННОСТИ

Одним из общепризнанных принципов межгосударственного общения является принцип иммунитета. Служебная роль этого принципа выражается в обеспечении извечного и объективно обусловленного стремления каждого народа и его государственного образования сохранить независимость, предотвратить вмешательство во внутренние дела, обеспечить неприкосновенность одного государства от другого при осуществлении любого вида сотрудничества.

Слово «иммунитет» происходит от латинского «immunitas» и означает: льгота, изъятие, освобождение от налогов, от любых обязанностей, неприкосновенность. Принцип иммунитета государства основывается на более широком понятии — суверенитет. Идея суверенитета par in parem non habet jurisdictionem издревле наполнена смыслом недопущения подчиненности одного государства другому. В настоящее время она выражена в уставе ООН как принцип суверенного равенства и гласит: а) государства юридически равны; б) каждое государство пользуется неотъемлемым правом полного суверенитета; в) личность государства пользуется уважением, правом на целостность и политическую независимость. Следовательно, из юридического равенства государств и их независимости друг от друга следует невозможность осуществления любых властных полномочий одним государством в отношении другого.

В международном праве признаны и действуют на практике различные виды государственного иммунитета. В их числе юрисдикционный иммунитет государства, содержащий в себе: 1) судебный иммунитет, т. е. неподсудность одного государства судам другого, так как равный не имеет юрисдикции над равным; 2) иммунитет от предварительного обеспечения иска; 3) иммунитет от принудительного обеспечения принятого решения [1].

Связь трех компонентов юрисдикционного иммунитета, которые признаются в отечественной литературе самостоятельными видами, прослеживается как взаимообусловленная и необходимая. Из судебной неподчиненности следует невозможность применения мер предварительного обеспечения иска и соответственно неприменение мер к принудительному обеспечению исполнения принятого решения. Самостоятельность, позволяющая выделить каж-

дый как отдельный вид иммунитета, заключается в том, что на обеспечение любого действия, связанного с судебным разбирательством, необходимо в каждом конкретном случае согласие государства, в отношении которого предпринимаются меры. Если государство дало такое согласие и иск принят, то аналогичное согласие нужно и для принудительного обеспечения иска, и для исполнения судебного решения. Так как государство во всех случаях осуществляет свою деятельность посредством своих полномочных государственных органов, то действие приведенных выше правовых норм безусловно распространяется и на органы государства.

Иммунитет, которым пользуется собственность государства, призван обеспечить ее неприкосновенность. Этот вид иммунитета не допускает также: 1) предъявление исков непосредственно к такой собственности; 2) наложение ареста на собственность для обеспечения любого иска, связанного с ней или не связанного, предъявленного иностранному государству; 3) принудительное исполнение в отношении такой собственности по решениям суда по любым искам, вынесенным против иностранного государства.

В процессе разработки Комиссией международного права ООН проекта конвенции об иммунитете государств и их собственности и обсуждения его государствами-членами ООН четко определились два различных концептуальных подхода к этой проблеме — «абсолютного» и «ограниченного» иммунитета.

В первом случае (абсолютный иммунитет) обязательным условием является то, что ни одно действие государства, ни в какой области отношений не может быть предпринято без согласия другого государства. Во втором (функциональный иммунитет) — такое согласие не признается обязательным и допускаются определенные исключения из иммунитета государства.

Советский Союз долгие годы являлся сторонником «абсолютного» иммунитета, что обусловлено рядом обстоятельств. В СССР организации, наделенные правом осуществления внешнеэкономических связей, в своих уставах закрепляют общее положение о раздельной ответственности юридических лиц, а именно: каждое юридическое лицо пользуется имущественной самостоятельностью и несет обособленную ответственность. Так, например, в уставе всесоюзного объединения «Авиаэкспорт» указывается, что объединение отвечает по своим обязательствам своим имуществом. Государство, его органы и другие организации по операциям и обязательствам объединения ответственности не несут. Объединение не несет ответственности по претензиям к государству, его органам и организациям [2]. Но объединение отвечает по своим обязательствам лишь тем имуществом, на которое может быть обращено взыскание по советскому закону. В свою очередь советское гражданское законодательство не допускает наложения взысканий на имущество, относящееся к основным фондам любого предприятия и являющееся государственной (общенародной) собственностью, переданной на праве оперативного управления государственным организациям, правомочным реализовать его в аспектах владения, пользования и распоряжения лишь до известных пределов, установленных законом. Статья 22 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик регламентирует обращение взыскания так: «Предприятия, здания, сооружения, оборудование и другое имущество, относящееся к основным средствам государственных организаций, не могут быть предметом залога и на них не может быть обращено взыскание по претензиям кредиторов...».

Отношение к вопросу иммунитета собственности государства выражено в ст. 61 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик, где сказано: «Предъявление иска к иностранному государству, обеспечение иска и обращение взыскания на имущество иностранного государства, находящееся в СССР, могут быть допущены лишь с согласия компетентного органа государства».

Принцип оговорен от обратного, т. е. подразумевается, что если в СССР будет подобное отношение к собственности иностранного государства, то на условиях взаимности это иностранное государство будет поступать аналогично, что обеспечит соблюдение нормы иммунитета. Так же обязательным является получение согласия от компетентного органа государства, к государственной организации которого предъявляются требования, и соответственно первоначальное разрешение государства-истца на подачу иска. Если же указанные согласия получены с обеих сторон, то спор передается в один из двух арбитражных центров, действующих в СССР. Это Внешнеторговая арбитражная комиссия и Морская арбитражная комиссия (теперь Арбитражный суд), где и проходит арбитражное разбирательство в соответствии

с компетенцией указанных органов. Такой несложный порядок в настоящее время не удовлетворяет интересы межгосударственной практики.

Анализ структуры экспорта-импорта СССР позволяет выявить тенденцию расширения связей в первую очередь с партнерами из развитых капиталистических государств. Практика же большинства капиталистических стран пошла по пути отступления от положений принципа «абсолютного» юрисдикционного иммунитета государства в отношении его собственности. В основу правовых доктрин капиталистических стран положена теория «функционального» (ограниченного) иммунитета. Сущность ее состоит в разграничении действий государства на публичные (jure publicum) и частные (jure gestinion). В вопросах, касающихся политических проблем, государство выступает как один субъект — властвующий, а в вопросах торговли государство сводится до положения частного лица, коммерсанта. Соответственно правовые последствия подобного разграничения действий государства также различные. В первом случае для наступления правовых последствий любого вида нужно согласие компетентного государственного органа, так как затрагиваются политические интересы, в другом — подобного согласия не нужно. Положения теории «функционального» иммунитета нашли отражение в законодательстве США (1976), Великобритании (1978), Канады (1982), Пакистана (1981), Сингапура (1979), ЮАР (1981), Австралии (1984). Принятые законы позволяют национальным судам этих стран рассматривать дела по искам частных лиц, фирм, предприятий, организаций к аналогичным субъектам других государств без согласия этих субъектов в следующих случаях: явного или подразумеваемого отказа государства от иммунитета, коммерческой деятельности государства; исков в отношении недвижимого имущества, имущества, приобретенного в нарушение международного права; исков по поводу возмещения за причиненный ущерб; исков, относящихся к праву собственности, приобретенному в порядке наследования и дарения.

Согласно советской доктрине, если спор касается имущества, принадлежащего к основным фондам, то полномочный орган государства (МИД СССР) вправе отказать в его рассмотрении, ссылаясь на отсутствие в лице СССР действий частного характера. Подобный иск рассматривается как покушение на суверенитет СССР.

Анализ практического применения нормы абсолютного иммунитета позволяет вычленить другое важное обстоятельство. С 1986 года во внешнеэкономической политике нашей страны наблюдается тенденция расширения круга субъектов, которым предоставлено право совершения внешнеторговых операций. Тенденция отражена в ряде последовательно принятых в 1986 году постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР: «О мерах по совершенствованию управления внешнеэкономическими связями», «О мерах по совершенствованию управления внешнеэкономическими связями, экономическим и научным сотрудничеством с социалистическими странами»[3], в постановлении Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии внешнеэкономической деятельности государственных, кооперативных и иных общественных организаций» (декабрь 1988 года)[4] и ряде последующих правовых документов, регулирующих порядок осуществления разрешенных видов деятельности.

Что же касается интересующего нас вопроса, то в плане ответственности по обязательствам сторон, вытекающим из экспортно-импортных операций, в Постановлении Совета Министров СССР от 2 декабря 1988 года оговорено следующее: «Предприятие, объединение, производственные кооперативы и иные организации могут осуществлять экспортно-импортные операции непосредственно, создавая для этого по необходимости хозрасчетные внешнеторговые фирмы, или на договорной основе через другие внешнеэкономические организации, руководствуясь при этом достижением наилучших условий экспорта и импорта, валютной самоокупаемости и самофинансирования, и исходя из того, что государство по их обязательствам не отвечает»[5]. Вопрос об ответственности оговорен однозначно, из чего следует, что ответственность полностью ложится на имущество самих участников отношений. При заключении договоров между подобной фирмой нашей страны и фирмой иностранного государства используется способ специального урегулирования ответственности, позволяющий нести ответственность советской стороне всем имуществом, включая основные фонды. Следовательно, практика пошла по пути отступления от положений абсолютного иммунитета, но в теории это до сих пор не признано. Если же следовать положениям доктрины «абсолютного» иммунитета, то в подобной ситуации должна действовать процедура, вытекающая из смысла статей 22 и 61 Основ гражданского законода-

тельства и гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Эта доктрина не разъясняет, как регулировать проблемы ответственности производственных кооперативов. Осуществляемая кооперативами деятельность гражданским и торговым правом большинства иностранных государств относится к частно-правовой.

В Комиссии международного права ООН с 1978 года разрабатывается проект статей конвенции об юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности. В основу проекта положена теория функционального иммунитета, не признанная лишь такими членами ООН, как Союз ССР, Белорусская ССР, Украинская ССР, Китай, Болгария, Германская Демократическая республика. Основу проекта разрабатываемой конвенции составил объективный анализ развития в государственной практике нормы иммунитета из абсолютной в функциональную. Комиссия определила подход, направленный на выявление объективных обстоятельств существования и теории абсолютного иммунитета, и теории функционального иммунитета, а также границы их применимости государствами с различными политическими и экономическими системами. После долгих лет непризнания теории «функционального» иммунитета Советский Союз в 1988 году предложил новую концепцию в качестве варианта сбалансированного решения проблемы в целом [6]. Настоятельно предлагается отразить в будущей конвенции существующую в СССР концепцию обособленной государственной собственности, которая заключается в том, что «государственное предприятие, являясь юридическим лицом, обладает обособленной частью общенародной собственности. Имущество его состоит из основных фондов и оборотных средств, материальных ценностей и финансовых ресурсов. Предприятие владеет, пользуется и распоряжается этим имуществом. Государство не отвечает по обязательствам предприятия, а предприятие не отвечает по обязательствам государства и других предприятий» [7].

В условиях господства государственной (общенародной) формы собственности и противоречивости действующего законодательства в СССР у концепции «обособленной» государственной собственности мало шансов быть реализованной в международных отношениях. Очевидно, что в настоящее время правовая неурегулированность вопросов, связанных с иммунитетом собственности в СССР, является одним из сдерживающих факторов расширения торговых и производственных связей советских предприятий и учреждений с заграничными партнерами из капиталистических стран и тормозит деятельность Комиссии международного права ООН, которая разрабатывает очень важный и нужный международному сообществу документ — проект конвенции об юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности.

[1] См.: Богуславский М. М. Иммунитет иностранного государства и его собственности // Вопросы международного частного права. М., 1956. С. 61.
[2] См.: Поздняков В. С. Советское государство и внешняя торговля. М., 1976. С. 46.
[3] См.: СП СССР. 1986. № 33. Ст. 172.
[4] Там же. 1989. № 2. Ст. 7.
[5] Там же.
[6] См.: Док. A/C № 4/415. С. 10.
[7] Там же.

А. С. МОШКАНОВ

ПРЕДМЕТ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ ОБ ОГРАНИЧЕНИИ ДЕЕСПОСОБНОСТИ ГРАЖДАН

Нарушение правовых, моральных и иных норм поведения людей является прямым покушением на права других членов общества. При таких обстоятельствах устанавливаемые социалистическим государством ограничения в правах с применением в необходимых случаях принуждения объективно необходимы и являются проявлением заботы общества о свободе каждого его члена.

Примером подобного ограничения в правах является установление в гражданском законодательстве нормы об ограничении дееспособности граждан, злоупотребляющих спиртными напитками или наркотическими веществами и ставящих тем самым свою семью в тяжелое материальное положение.

Определяя ограничение дееспособности как существенное сужение прав гражданина, мы считаем верным и такой подход к данному правовому институту, когда его применение рассматривается прежде всего как предотвращение тех многочисленных негативных последствий, которые влечет злоупотребление спиртными напитками или наркотическими средствами.

Усиление борьбы с пьянством привело к резкому увеличению в судах БССР количества дел об ограничении дееспособности граждан. Если в 1981 году судами республики было рассмотрено 1374 дела данной категории, то в 1985—1993. Число дел об ограничении дееспособности, разрешенных судами страны, увеличилось за пятилетие (1980—1984) на 23,8 % [1].

Активизация работы судебных органов в этом направлении, а также существенное обновление антиалкогольного законодательства делают настоятельной необходимость разработки проблем, связанных с применением ст. 17 Гражданского кодекса БССР. В ряду наиболее актуальных как в теоретическом, так и в практическом плане выступает и вопрос о предмете доказывания по делам об ограничении дееспособности граждан.

Как показывает анализ норм материального права (ст. 17 ГК), доказыванию по указанным делам подлежат: наличие семьи у гражданина, в отношении которого возбуждено дело; злоупотребление лицом спиртными напитками или наркотическими веществами и создавшееся вследствие этого тяжелое материальное положение его семьи.

С нашей точки зрения, гипотеза ст. 17 ГК нуждается в существенном изменении и дополнении.

Следует отметить, что в законе нет ни общего определения семьи, ни указания ее состава. Применительно к каждой отрасли права это понятие определяется по-разному, в зависимости от особенностей регулируемых отношений, что вызывает разноречивое толкование его в юридической литературе. Однако общей тенденцией является стремление использовать понятие семьи, существующее в других отраслях права. В связи с этим небесспорным представляется вывод А. В. Усталовой о том, что применительно к ст. 16 ГК РСФСР имеется в виду семья в узком смысле, т. е. те из лиц, состоящих в семейных правоотношениях, которые проживают совместно и ведут общее хозяйство с лицом, злоупотребляющим спиртными напитками [2].

По своей природе ограничение дееспособности является установленной законом гражданско-правовой мерой за невыполнение (ненадлежащее выполнение) материальных обязанностей гражданина перед семьей. Как справедливо отмечается в литературе, специфическим видом семейных имущественных правоотношений в семейном праве являются обязательства по взаимному материальному содержанию [3]. При определении понятия семьи и установлении круга лиц, чьи интересы непосредственно затрагиваются вследствие злоупотребления лицом спиртными напитками или наркотическими веществами, доминирующим признаком следует, видимо, признать не совместное проживание и ведение общего хозяйства, а наличие обязанностей по материальному содержанию лиц, указанных в главах 9 и 10 КоБС БССР. В Кодексах о браке и семье некоторых союзных республик (РСФСР, УССР, Грузинской ССР, Казахской ССР и др.) установлена обязанность фактических воспитателей и воспитанников по взаимному содержанию. Целесообразно было бы дополнить гл. 10 КоБС БССР аналогичной нормой, тем более что КЗоБСО Белорусской ССР 1927 года предусматривал алиментную обязанность фактических воспитателей по отношению к своим несовершеннолетним воспитанникам.

В гражданском законодательстве союзных республик имеются различия в изложении оснований для ограничения дееспособности граждан. Так, если в ГК РСФСР, БССР и некоторых других союзных республик говорится об ограничении дееспособности лиц, которые вследствие злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами ставят в тяжелое материальное положение «свою семью», то в Гражданских кодексах Украинской, Казахской, Молдавской и Таджикской союзных республик — «себя и свою семью». Указанные различия, несущие, на первый взгляд, только чисто редакционный характер, имеют определенную смысловую нагрузку. Следует согласиться с теми из авторов, которые трактуют последнее положение в том смысле, что может быть ограничен в дееспособности и гражданин, не имеющий семьи, если чрезмерное или систематическое употребление спиртных напитков или наркотических средств ставит в тяжелое материальное положение его самого [4]. Представляется, что подобное решение вопроса является обоснованным и соответствующим взятому курсу на искоренение

пьянства и алкоголизма. Как свидетельствуют многочисленные исследования, интересы и потребности пьющего человека постепенно становятся крайне ограниченными, примитивными, притупляется чувство ответственности, появляются отрицательные привычки и, как следствие этого,— сужаются, а затем и утрачиваются социально полезные связи. Об этом, в частности, красноречиво свидетельствует тот факт, что каждое второе-третье дело о расторжении брака возбуждается в связи со злоупотреблением спиртными напитками одним из супругов [5]. В связи с этим применение к лицам, не имеющим семьи, такой эффективной меры воздействия, как ограничение дееспособности, является оправданным.

Как нам представляется, назрела необходимость в переоценке понятия «тяжелое материальное положение» как одного из оснований для ограничения дееспособности. С момента принятия Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик прошло более 26 лет, и, естественно, уровень жизни и благосостояния советских людей за этот промежуток времени значительно возрос. В этих условиях более или менее нормальное материальное положение семьи может быть обеспечено даже в тех случаях, когда один из ее членов злоупотребляет спиртными напитками или наркотическими веществами. Однако такой гражданин **существенно снижает материальный уровень** семьи, и это обстоятельство необходимо отразить в ст. 17 ГК. Посылкой к такой постановке вопроса является п. 2 постановления пленума Верховного суда БССР от 15 марта 1978 года № 4 «О судебной практике по делам об ограничении дееспособности граждан, злоупотребляющих спиртными напитками или наркотическими веществами», в котором отмечается, что наличие у других членов семьи заработка или иных доходов (во многих случаях весьма значительных — А. М.) само по себе не является основанием для отказа в удовлетворении просьбы заявителя об ограничении дееспособности гражданина [6].

Как известно, под злоупотреблением спиртными напитками или наркотическими средствами, являющимся основанием для применения ст. 17 ГК БССР, понимается такое чрезмерное или систематическое их употребление, которое находится в противоречии с интересами его семьи и влечет за собой непосильные расходы денежных средств на их приобретение (п. 3 постановления пленума Верховного суда РСФСР от 27 октября 1966 года «О судебной практике по делам об ограничении дееспособности граждан, злоупотребляющих спиртными напитками или наркотическими веществами»)[7]. В этом определении справедливо подчеркивается, что злоупотребление спиртным или наркотиками характеризуется его противоречием интересам семьи, однако юридическое значение придается лишь ее **имущественным** интересам. Между тем значение ст. 17 ГК не ограничивается лишь ее непосредственной задачей — ограждением имущественных интересов семьи. Последствия ее применения значительно шире: ограничение дееспособности является одной из важных мер, направленных на усиление борьбы с пьянством и наркоманией как опасными социальными недугами, повышение чувства ответственности граждан перед обществом за нарушение советских законов и правил социалистического общежития. Возникает закономерный вопрос: как измерить и оценить тот неимущественный вред, возникающий в результате создания в семье нездорового морально-психологического климата, препятствующего нормальной жизни не только ее членов, но и окружающих людей? Вероятно, неоправданным будет пассивное ожидание, пока употребление спиртных напитков или наркотиков достигнет такого уровня, при котором семья окажется в затруднительном материальном положении или вынуждена будет нести бремя по содержанию такого лица. Вред, причиненный за это время себе, семье и обществу, будет слишком велик, а последствия во многом необратимы: алкоголизм, наркомания, распад семьи, пагубное влияние на детей и т. д.

Общество кровно заинтересовано в прочной, духовно и нравственно здоровой семье, где формируются основы характера человека, его отношение к труду, моральным, идейным и культурным ценностям. Общественное мнение расценивает пьянство как аномалию, при которой лицо не может или не хочет добровольно вести здоровый образ жизни. Поэтому верным, как нам представляется, будет ограничение дееспособности гражданина, независимо от того, нарушены ли только имущественные интересы семьи, является ли источником приобретения спиртных напитков или наркотических средств личное имущество или совместно нажитое. Справедливым с этой точки зрения является мнение членов Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда СССР о том, что вынесенные судами решения об ограничении

дееспособности граждан. направлены на охрану интересов семьи и самих лиц, в отношении которых состоялось решение [8].

Уместным будет отметить, что недостойное поведение гражданина в семье как основание применения к нему мер правового воздействия, защищающих интересы других ее членов, последовательно учитывается семейным, гражданским, жилищным законодательством и другими отраслями права при решении, например, вопроса о разделе общей собственности супругов, расторжении брака, лишении родительских прав, выселении без предоставления другого жилого помещения и т. д. Тем более необходим учет аморального поведения лица в семье как основания для ограничения дееспособности — правового института, специально направленного на защиту интересов семьи.

В последнее время довольно распространенным среди определенной группы лиц стало употребление токсических веществ, вызывающих состояние опьянения. Данное явление приняло настолько широкий и угрожающий характер, что законодательные органы вынуждены были разработать соответствующие меры, направленные на его искоренение. Это нашло отражение в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 4 февраля 1988 года [9] и в Указе Президиума Верховного Совета БССР от 26 февраля 1988 года, которыми внесены существенные изменения и дополнения соответственно в Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о труде и в КЗоТ Белорусской ССР. В частности, если ранее трудовой договор по инициативе администрации предприятия мог быть расторгнут в случае появления на работе «в нетрезвом состоянии», то в настоящее время работник может быть уволен и за появление на работе «в состоянии наркотического или токсического опьянения» (п. 7 ст. 33 КЗоТ БССР). С нашей точки зрения, было бы целесообразным внести соответствующие дополнения в ст. 17 Гражданского кодекса БССР.

[1] См.: Информационное письмо Верховного суда БССР и Министерства юстиции БССР от 14 марта 1986 г. № 03-23/1277; Обзор судебной практики по делам об ограничении дееспособности граждан, злоупотребляющих спиртными напитками // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1986. № 4. С. 41.

[2] См.: Усталова А. В. Гражданско-правовая мера борьбы с пьянством. Воронеж, 1982. С. 32.

[3] См.: Ворожейкин Е. М. Семейные правоотношения в СССР. М., 1972. С. 95, 326.

[4] См.: Лесницкая Л. Ф., Пучинский В. К. Особенности ГПК союзных республик. М., 1970. С. 157; Чечот Д. М. Неисковые производства. М., 1973. С. 126.

[5] См.: Теребилов В. Задачи правосудия в свете решений XXVII съезда КПСС // Соц. законность. 1986. № 7. С. 7.

[6] См.: Сборник постановлений пленума Верховного суда Белорусской ССР. 1961 — март 1986. Минск, 1986. С. 72.

[7] См.: Сборник постановлений пленума Верховного суда РСФСР. 1961—1977. М., 1978. С. 54.

[8] См.: Ограничение дееспособности граждан, злоупотребляющих спиртными напитками (обзор судебной практики) // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1986. № 4. С. 45.

[9] См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1988. № 6. Ст. 95.

Дыскусійная трыбуна*

В. С. КЛІМОВІЧ

ЧАМУ НАМ ПАТРЭБНА ДЭМАКРАТЫЯ

Чаму нам патрэбна дэмакратыя? Адказ на гэтае пытанне дае наша разуменне прыроды дэмакратыі, яе сутнасці. Многім з нас зразумелы хрэстаматыйныя словы аб тым, што свабода—гэта ўсвядомленая неабходнасць. Вось што з гэтай нагоды пісаў у «Анты-Дзюрынгу» Ф. Энгельс: «Гегель першы прадставіў суадносіны свабоды і неабходнасці. Для яго свабода ёсць пазнанне неабходнасці. **Сляпая** (падкрэсліў Энгельс прыведзеную ў рабоце гегелеўскую цытату) неабходнасць, толькі **таму, што яна не зразумелая**». І далей Энгельс робіць выснову: «Свабода волі азначае, значыць, не што іншае, як здольнасць прымаць рашэнні з веданнем справы»[1]. З веданнем справы, якое так неабходна нашай краіне сёння.

Самадзейнасць і творчасць людзей, актыўны ўдзел самых шырокіх пластоў насельніцтва ва ажыццяўленні намечаных пераўтварэнняў — усё гэта магчыма толькі ў тым выпадку, калі кожны з нас будзе прымаць рашэнні, дакладна ведаючы існасць рашаемай праблемы. Дакладна і поўна. У гэтым, на наш погляд, сэнс працэсу дэмакратызацыі, які змяніў грамадскую свядомасць, і ў савецкага чалавека вырасла ўпэўненасць у сваіх сілах. Радавыя людзі гатовы да таго, каб уладарыць у інтарэсах народа. Таму грамадства павінна знайсці ў сабе сілы да канца сцвердзіць самакіраўнічыя пачаткі, калі мы не хочам зноў станавіцца ў позу, каб абвінавачваць і каяцца, каяцца і абвінавачваць.

Сёння ні для каго не з'яўляецца сакрэтам, што жыццё ў нашай краіне дзесяцігоддзямі праходзіла пад знакам аўтарытарызму. Без уліку гэтай асаблівасці жыцця ў СССР, што праяўлялася ва ўсім, цяжка зразумець нашу гісторыю. Не падлягае сумненню, што аўтарытарны пачатак глыбока ўвайшоў у плоць і кроў савецкага грамадства — ён характэрны не толькі для таго боку яго жыцця, які звязаны з палітыкай. Вядома ж, прызнаваць гэты факт непрыемна, бо гэта азначае пагадзіцца з тым, што ўплыў на савецкае грамадства найбольш прагрэсіўных яго колаў да 1985 года меў вельмі малы эфект. Аднак, з другога боку, трэба адзначыць, што і спроба адміністрацыйна-каманднай сістэмы ператварыць савецкіх людзей у паслухмяную масу таксама не мела поўнага поспеху. Праўда, зусім відавочна, што даволі многія прадстаўнікі нашай шматнацыянальнай краіны, уключаючы тых, каго прынята лічыць цярпімымі і ліберальнымі, адчувалі сябе ў абставінах аўтарытарнасці як рыбіны ў вадзе.

Аднак нельга забываць, што тыя, хто бачыў краіну з вышыні сваіх кіруючых пасад, адкуль яны накіроўвалі ўсю палітыку СССР, часам шчыра верылі, што клапоцяцца пра агульны дабрабыт, ахвяруюць сабой дзеля айчыны і нават вынайшлі асаблівую форму сапраўднай дэмакратыі на словах [2].

---

* Артыкуламі кандыдатаў гістарычных навук В. С. Клімовіча і А. М. Алпеева рэдакцыя адкрывае новую рубрыку часопіса. У ёй мы мяркуем змяшчаць артыкулы нашых вучоных, аспірантаў, студэнтаў — усіх, каго турбуюць надзённыя праблемы навукі і грамадскага жыцця, хто мае свой погляд на тое, што спрые і што замінае нашаму супярэчліваму руху да прагрэсу, а таксама можа даць свае прапановы па найлепшаму вырашэнню спрэчных сацыяльных пытанняў.

На наш погляд, яшчэ недастаткова ўсведамляецца, наколькі аўтарытарныя прынцыпы і перакананні распаўсюдзіліся сярод усіх колаў нашага грамадства; у якіх маштабах спрабавалі кіраваць, абапіраючыся на гэтыя прынцыпы; наколькі жывучыя аўтарытарныя ўстаноўкі нават у розуме асобных людзей, якія лічаць сябе ліберальнымі. Безумоўна, усё гэта звязана з тым, што аўтарытарызм доўга спрабаваў прывіць людзям свае ж уласныя прынцыпы. Але нельга заплюшчваць вочы і на тое, што спробы гэтыя знайшлі ўрадлівую глебу, былі добра ўспрыняты рознымі пластамі грамадства, у першую чаргу, як і трэба было чакаць, тымі, хто першапачаткова з'яўляліся ідэалагічнай асновай адміністрацыйна-каманднай сістэмы. Трэба пагадзіцца, што савецкае грамадства ўвогуле вельмі аўтарытарнае; вельмі многія яго прадстаўнікі, а часам і цэлыя яго праслойкі, прасякнуліся гэтым духам.

Калі зыходзіць з пасылкі, што ўласцівы савецкім людзям аўтарытарызм выпрацоўваўся пад уплывам дзяржавы, то ў такім выпадку давялося б тлумачыць і другое: чаму тады палітычнаму кіраўніцтву ўдалося дамагчыся такога вялікага поспеху, навязваючы аўтарытарызм, у той час, як ў іншых аспектах грамадскага жыцця ягоныя старанні мала што далі? Гэты яўны, няхай і адносны, поспех сістэмы насцярожвае, прымушае шукаць больш глыбокія прычыны гіпертрафіраванай аўтарытарнасці, што адчувалася паўсюдна, хоць з асаблівай сілай у палітыцы. Безумоўна, гэта ў многім вынік таго, што на працягу дзесяткаў гадоў на ўсіх узроўнях несупынна і ўпарта сцвярджалася ідэя: «Той, хто кіруе, усё ведае лепш і заўсёды мае рацыю». Лепшага дэвізу аўтарытарызму цяжка было прыдумаць. І такую «філасофію» ўпарта спрабавалі зрабіць асноватворнай ва ўсім грамадстве. І чым больш мы бяднелі целам і духам, тым больш яўна праглядвала імкненне людзей ва ўладзе стварыць бачнасць поўнага дабрабыту ў краіне, якая «уступіла ў эпоху развітога сацыялізму». Пры дапамозе вымуштраванай прэсы, усюдыіснага тэлебачання і дагодлівых у палітыцы.

У 1984 годзе, калі на пасадзе генсека, а значыць, першага чалавека ў дзяржаве, без якога-небудзь удзелу народа быў зацверджаны драхлеючымі верхаводамі самы слабы і безаблічны з іх, калі наша краіна наблізілася да бездані, усю глыбіню якой яшчэ не ўяўлялі, некаторыя газеты напісалі, не саромеючыся, аб тым, што перадавое чалавецтва са спадзяваннем глядзіць на дасягненні савецкага народа ва ўсіх галінах эканомікі, сацыяльнай палітыкі і культуры, бачачы ў іх правобраз сваёй шчаслівай будучыні.

Гэта адзін з тысячы прыкладаў таго, як многія людзі лёгка прымаюць афіцыйную версію, замест таго, каб самім паспрабаваць разабрацца, і такое скажонае ўяўленне пра факты і падзеі пазней рабілася ў іх перакананнем.

Трэба падкрэсліць, што ў СССР аўтарытарнае выхаванне нарадзіла велізарную патайную і стрымліваемую агрэсіўнасць; яна, у сваю чаргу, выклікала прыкметную адсутнасць элементарнай салідарнасці, вострае саперніцтва ў барацьбе за жыццёвыя даброты, рэзкую нецярпімасць і шырока распаўсюджаную карупцыю. У краіне была дасягнута высокая ступень сацыяльнай інтэграцыі: аднак дасягнута яна за кошт таго, што толькі нямногім усё было дазволена, а большасці многае было забаронена, і такое становішча рэчаў кіруючыя колы змяняць не жадалі.

З усяго сказанага вышэй, безумоўна, можна зрабіць вельмі важныя высновы на будучае, хоць наш артыкул не ставіць перад сабой задачу кагосьці павучаць. Цяпер савецкі народ ідзе да дэмакратыі. Пераход да яе ажыццяўляецца няпроста. І ён будзе няпростым не толькі таму, што гэтаму аказвае супраціўленне бюракратычная і ўпартая меншасць, якой усё роўна давядзецца пакінуць уладу. Ён будзе складаным па той прычыне, што мы самі значна больш прасякнуты аўтарытарнасцю, чым думаем і мяркуем. Бо здараецца, можна быць аўтарытарным, а выступаць як прыхільнік дэмакратыі і чалавечых правоў, выглядаць такім з боку, пакуль нішто не пагражае тваім уласным інтарэсам. Уздзеянне дзесяцігоддзяў аўтарытарызму можа быць кампенсавана толькі досыць працяглым і моцным уплывам, які дзейнічае ў супрацьлеглым духу. На працягу больш за 70 гадоў, часткова трагічных, не заўсёды шчаслівых, савецкія людзі выбіваліся з сіл спачатку для таго, каб наблізіцца да таго невядомага сацыялізму і камунізму, а потым, каб мець магчымасць дасыта есці. Цяпер, калі самыя неабходныя ўмовы для існавання, дзякуючы перабудове, здавалася б, дасягнуты, з'явіліся сур'ёзныя рознагалоссі. Разумна настроеныя і схільныя прытрымлівацца маральных крытэрыяў і новага, радыкальнага курсу М. С. Гарбачова левыя колы лічаць, што галоўнай нашай мэтай павінна стаць дасягненне роўнасці

і сацыяльнай справядлівасці, пры якіх тыя, у каго цяпер усяго мала, павінны атрымаць больш. Вось такі прыклад: людзі павінны мець права выбіраць на свой густ урача ці школу для сваіх дзяцей, але такое права будзе фікцыяй, калі ўсе грамадзяне СССР не атрымаюць дастаткова магчымасцей карыстацца гэтым, пасылаць дзяцей у школу пры ўмове, што іх выдаткі на гэта будуць адпавядаць даходам. Чалавеку, які займаецца разумовай працай, цяжка свядома і самому адмовіцца ад часткі сваёй свабоды, так неабходнай для далейшай нармальнай работы, свабоды, якую ён усё-такі атрымаў. Аднак цяпер даводзіцца зыходзіць з іншых крытэрыяў выбару. Давядзецца адмовіцца ад долі асабістай свабоды ў імя таго, каб іншыя людзі таксама маглі радавацца вынікамі роўнасці. Неабходны пэўныя ўмовы, каб адмаўленне ад залішняй свабоды дало станоўчыя вынікі.

Кожная ўлада, як вядома, разбэшчвае, а ўлада неабмежаваная і нязменная вядзе да застою. Адны і тыя ж людзі не маюць права ўладарыць бясконца. Радавыя грамадзяне павінны атрымаць права выказвацца па ўсім спрэчным пытанням. Усё гэта добра вядома, з усім гэтым большасць згодна, і ўсе-такі для нас гэта часта нязвыкла.

Шматлікія народы, што жывуць у СССР, могуць існаваць, калі яны здолеюць арганізаваць суверэнітэт ці разумную аўтаномію ў розных рэгіёнах краіны. А гэта, апрача ўсяго іншага, азначае, што народы і асобныя людзі, якія валодаюць вялікімі дабротамі, павінны падзяліцца часткай гэтых даброт з іншымі народамі і грамадзянамі Савецкага Саюза, якія перажываюць пэўныя цяжкасці. Такое пераразмеркаванне матэрыяльных выгод будзе галоўнай гарантыяй захавання грамадскага парадку, а менавіта такі парадак заслугоўвае, каб яго захоўвалі. І толькі калі захаванне такога прынцыпу будзе забяспечана ва ўсіх рэспубліках, краях, абласцях нашай краіны, можна будзе з поўным правам гаварыць аб стварэнні палітычнага грамадства ў СССР.

На наш погляд, мы, савецкія людзі, зможам абыходзіцца без таго, каб нехта з нас вымушаны быў жыць у эміграцыі, а гэта на працягу дзесяцігоддзяў адбывалася пастаянна. Каб мы маглі так жыць, трэба стварыць дэмакратыю на свой лад, прыглядаючыся да вопыту цывілізаванага свету. Задача партыі, як падкрэсліваецца ў праграмнай заяве XXVIII з'езда КПСС «Да гуманнага, дэмакратычнага сацыялізму»,— паслядоўна выступаць за «умацаванне прававой дзяржавы, у якой выключаецца дыктатура якоганебудзь класа, партыі, групоўкі, кіруючай бюракратыі, забяспечваецца доступ усіх грамадзян да ўдзелу ў дзяржаўных і грамадскіх справах, да займання любых пасад; дзяржава і грамадзяне звязаны ўзаемнай адказнасцю пры безумоўным прыярытэце прынятага дэмакратычным шляхам закона і роўнасці ўсіх перад законам»[3].

Рызыка, якую выклікаюць свабода выбару і свабода дзеянняў савецкіх людзей, менш за тую, якая ўзнікне, калі яны будуць дзейнічаць ва ўмовах камандна-адміністрацыйнай сістэмы, ва ўмовах, блізкіх да грамадска-палітычнага выбуху.

Вось некаторыя з пытанняў, над якімі варта задумацца нам, савецкім людзям, што выйшлі з закасцянелай сістэмы ўлады даўжынёю ў многія дзесяткі гадоў[4]. Артыкул гэты напісаны з жаданнем нагадаць, якімі мы нядаўна былі, з тым, каб лепш зразумець, якія задачы нам пад сілу.

[1] Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М., 1983. С. 112.

[2] Гл.: Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. М., 1988. С. 37.

[3] Правда. 1990. 15 июля.

[4] Гл.: Материалы XIX Всесоюзной Конференции Коммунистической партии Советского Союза. С. 37.

А. М. АЛПЕЕЎ

РАЗВАЖАННІ АБ НЕКАТОРЫХ ПРАБЛЕМАХ ПЕРАБУДОВЫ Ў ПРАМЫСЛОВАСЦІ БЕЛАРУСІ

Актывізацыя ролі партыі ў эканамічным развіцці патрабуе ажыццяўлення шэрагу радыкальных мерапрыемстваў як у яе арганізацыйнай структуры, так і ў вызначэнні функцый. Акрамя таго, патрэбна старанная распрацоўка праблемы прыярытэту Саветаў у ажыццяўленні канкрэтных вытворча-эканамічных і сацыяльных праграм. І яшчэ адзін важны момант.

У адносінах да эканомікі новае мысленне, аб якім шмат гаворыцца, пакуль яшчэ не прымяняецца. Тут па-ранейшаму пераважаюць падыходы мінулых гадоў. У прыватнасці, шмат сёння гаворыцца аб гаспадарчым разліку, самастойнасці прадпрыемстваў. Але пераход ад слоў да справы здзяйсняецца чарапашнымі крокамі. Прычым сапраўдную гаспадарча-разліковую самастойнасць атрымліваюць толькі стратныя прадпрыемствы, а тыя, у якіх яшчэ тлее жыццёвая сіла, даводзяцца дзяржаўна-бюракратычным механізмам да паміраючага стану. Сіла і дзейснасць існуючага гаспадарчага механізма асабліва выразна праяўляюцца пры аналізе работы прадпрыемстваў, блізкіх Беларускаму металургічнаму заводу (БМЗ, г. Жлобін). Фундамент БМЗ аўстрыйская фірма «Фест-Альпене» разам з падрадчыкамі з Італіі і іншых еўрапейскіх краін заклала ў першай палове 80-х гадоў. Сёння завод працуе, выпускае так патрэбную краіне прадукцыю. І, здавалася б, з тэхналагічнага пункту гледжання праблем быць не павінна. Абсталяванне ж імпартнае і найноўшага ўзору. Ці маем мы на сёння запланаваны эфект? Забягаючы наперад, скажам, што БМЗ не апраўдаў чаканняў ні тых, хто будаваў, ні тых, хто прыйшоў сюды працаваць, ні тых, хто планаваў. І, бадай, на гэтым аб'екце, як у люстэрку, адбіваецца стратнасць механізма ведамаснага, адміністрацыйнага кіравання эканомікай. У гэтым плане цікавым з'яўляецца параўнанне аўстрыйскага і нашага стыляў работы. Тым больш, што аналагічныя заводы мы пачалі ўзводзіць у Рыбніцы (Малдова) і ў Камсамольску-на-Амуры, толькі па ўласнай тэхналогіі і сваімі сіламі. Зладжаная, разлічаная да мінут дакладнасць у рабоце кожнага звяна аўстрыйцаў, пачынаючы ад пастаўшчыкоў і заканчваючы функцыянальнымі абавязкамі кожнага рабочага, дысцыпліна, адсутнасць ведамаснага ўмяшання і кантролю, сапраўды клапатлівыя гаспадарчыя адносіны да ўсяго, нават да зямлі (верхні пласт быў зрэзаны і сёння выкарыстоўваецца для азелянення). Такія ўмовы працы для нашых будаўнікоў — штосьці з галіны фантастыкі. А што ж у нас? Аб'ём будынкаў, напрыклад, у Рыбніцы ўдвая, а ў Камсамольску-на-Амуры — утрая больш, чым у аўстрыйцаў. Зразумела, што ўрадлівай зямлі нашы выкарысталі больш чым у 2 разы — па 110 га. Прычым не здымаючы ўрадлівы слой. Строга па графіку, без аўралаў і штурмаў БМЗ пачаў выплаўляць метал. У Рыбніцы ўсё было інакш, у адпаведнасці з нашым стылем работы. Заключны этап будаўніцтва — гэта масіраваная атака (6 тыс. чалавек) са штабам, які ўзначальвалі другі сакратар ЦК Кампартыі і Старшыня Савета Міністраў рэспублікі. Гэтак жа развіваліся падзеі і ў Камсамольску-на-Амуры. І... абодва нашы заводы яшчэ цэлы год не выдавалі металу.

Забяспечыўшы вытворчасць прадукцыі на БМЗ, аўстрыйская фірма здала завод Мінчармету. З гэтага моманту і пачаліся вядомыя ўсім работнікам нашай вытворчасці «блуканні па пакутах», а завод, які не мае аналагаў, затрэсла і заліхаманіла па ўсіх правілах агульнай хваробы нашага народна-гаспадарчага комплексу. Замест работы напаўсілы ў першы год адладкі абсталявання і праграмнага забеспячэння заводу быў спушчаны дзяржзаказ. І з першага дня імпартная тэхніка пачала эксплуатавацца «на ўсю катушку», без захавання якіх-небудзь тэхналагічных правілаў, без уліку тэрмінаў прафілактычнага рамонту... Работа «з паскарэннем» не толькі не дала выгадаў, але і абярнулася велізарнымі матэрыяльнымі і маральнымі стратамі. У выніку Жлобінскі завод апынуўся на грані спынення. Шмат праблем у БМЗ сёння, але вырашэнне іх па-ранейшаму блакіруецца міжведамаснай раз'яднанасцю, а прасцей кажучы, ведамаснай безгаспадарчасцю. Скажам, пытанне, якое зусім натуральна вынікае з забеспячэння вытворчасці, што нармальна функцыяніруе,— наяўнасць запасных частак. Яго вырашэнне — нязбытная для металургаў мара. Пакуль жа імпартныя дэталі 1300 работнікамі (па штату фірмы іх павінна быць 300) капіруюцца і ў саматужных умовах выпрабляюцца. Праўда, сёння 14 міністэрстваў абавязалі сёе-тое рабіць. Але і гэта «сёе-тое» выбіваецца ў бясконцых паядынках са сталічнымі інстанцыямі, у той час, як з-за адсутнасці нязначнай дэталі прастойвае цэлы агрэгат. Дзе ўжо ў такіх умовах праявіць сваю дзейснасць Закону аб прадпрыемстве, дзе развівацца свабодным кантрактам з сумежнікамі, самастойнаму выхаду на рынак. Дырэкцыя БМЗ не можа нават самастойна ажыццяўляць аплату працы, якая б улічвала спецыфіку прадпрыемства. З улікам усяго комплексу праблем, у тым ліку і сацыяльных, прадукцыйнасць працы на БМЗ усяго ў 1,26 раза большая, чым у Рыбніцы, а меркавалася ў 3 разы большай па галіне.

Хто ж вінаваты ва ўсім гэтым хаосе, неразбярысе, бяздарнай траце інтэлектуальнага і фізічнага патэнцыялу работнікаў? Не будзем капіраваць

розныя варыянты тэхналагічных рашэнняў, якімі ў дастатковай ступені багатыя модныя ў нас рашэнні і пастановы. Корань зла — не ў іх. Ліквідаваць яго магчыма толькі палітычнымі спосабамі. Любыя выстаўляемыя тэхналагічныя рашэнні праблемы ёсць цыраванне дзірак. Перабудова ж мяркуе рэвалюцыйныя пераўтварэнні. І дасягнуць гэтага магчыма толькі вырашыўшы два асноўныя пытанні: аб уладзе і аб уласнасці. Мы ж за гады перабудовы ў іх рэалізацыі прасунуліся вельмі мала. Не стаў пакуль народ гаспадаром краіны. Існуючая ж структура кіраўніцкага механізма паранейшаму дэманструе сваю няздольнасць кардынальна змяніць гаспадарчую сітуацыю. Аб гэтым сведчыць, у прыватнасці, значны аб'ём прамысловай прадукцыі, не прыняты органамі кантролю з першага прад'яўлення з-за наяўнасці дэфектаў, неадпаведнасці патрабаванням стандартаў і тэхнічных умоў. Так, на дапрацоўку толькі ў 1987 годзе было вернута тавараў на суму 1,5 млрд. рублёў. Асабліва кепскае становішча склалася з прадукцыяй машынабудаўнічага комплексу. Толькі 70 % гэтай прадукцыі прымалася з першага прад'яўлення. На Віцебскім і Гомельскім станказаводах імя С. М. Кірава яна склала каля палавіны ўсяго аб'ёму, а ў аб'яднанні «Гомсельмаш» — толькі 20 %. Можна прывесці прыклады прадпрыемстваў, якія выпускаюць якасную прадукцыю і працуюць з поўнай нагрузкай. Гэта ВА «Інтэграл», «Вылічальная тэхніка», Мінскі завод буйнапанельнага домабудавання № 2 і інш. Але ў якія ўмовы пастаўлены гэтыя калектывы кіруючымі цэнтрамі? На заводзе буйнапанельнага домабудавання планы выконваюцца, штогадовы прыбытак, які адлічваецца дзяржаве, складае каля 2 млн. рублёў. Здавалася б, што па здаровай логіцы такога роду калектывы і заахвочвацца павінны больш. Але дзе там! 90 % складаюць у іх адлічэнні ад прыбытку, у той час як у нізкарэнтабельных прадпрыемстваў — толькі 2 %[2]. Такая ж сітуацыя і на ВА «Вылічальная тэхніка» і іншых перадавых прадпрыемствах. Каму гэта выгадна? Адказ адназначны: кіруючаму цэнтру, у дадзеным выпадку — міністэрствам. Вядома, што іх структура ў цяперашнім выглядзе — адна з галоўных складаючых механізма тармажэння. І тут можна поўнасцю згадзіцца з выказанай на з'ездзе народных дэпутатаў СССР думкай аб тым, што трэба ў корані змяніць прынцыпы падыходу да перабудовы кіраўніцкай сістэмы. Ісці не зверху ўніз, а знізу ўверх. На кожным кіраўніцкім узроўні павінны быць толькі такія органы кіравання, з такімі функцыямі і з такой колькасцю апарату, як гэта патрэбна нізам. Існаванне любога органа кіравання апраўдана толькі ў тым выпадку, калі патрэбнасць яго дыктуецца знізу інтарэсамі вытворчасці. Думаецца, калі гэта простае правіла будзе ўлічвацца, то ці наўрад паўторацца памылкі, накшталт будаўніцтва трактарнага завода ў Смаргоні або вызначэнне ўдзельнай вагі прадукцыі прамысловых прадпрыемстваў, што поўнасцю знаходзяцца ў распараджэнні БССР, якая, як абазначана ў плане, павінна вырасці з 7 да 49 %. Што гэта — навукова абгрунтаваныя паказчыкі? Нават павярхоўны погляд на такія планы дазваляе сцвярджаць, што вярстаюцца яны там жа і таксама, як і ў ранейшы час.

Такім чынам, ажыццяўленне першых крокаў перабудовы ў эканоміцы нагадвае бег з бар'ерамі, дзе прафесіянал-спартсмен не ў стане пераадолець прапанаваных яму празмерна вялікіх перашкод. На XIII Пленуме ЦК КПБ (чэрвень, 1989) указвалася, што ў рэспубліцы адзначаецца «захаванне застойных з'яў у эканоміцы і грамадскім ладзе і цярпімасць да гэтага». Не выпадкова, што калі «два гады назад у дэфіцыце было крыху больш як 500 назваў, то цяпер іх ужо больш за 2 тысячы назваў». Спрабуючы прааналізаваць прычыны працяглай стагнацыі, пленум адзначыў, што побач са змяненнем форм і метадаў работы у рэспубліканскай партыйнай арганізацыі, у ЦК КПБ застаецца ранейшай стратэгічная лінія, якая прынцыпова не змяняе становішча. Зыходзячы з усебаковага аналізу абстаноўкі ў рэспубліцы, Пленум ЦК КПБ указаў: «Марудна ажыццяўляецца перабудова кіраўніцтва эканомікай і сацыяльнай сферай з боку Савета Міністраў БССР, міністэрстваў і ведамстваў, выканкомаў саветаў народных дэпутатаў. Не ў поўнай меры дзейнічаюць эканамічныя рычагі гаспадарання, не атрымалі належнага развіцця падрадныя, арэндныя і іншыя прагрэсіўныя формы арганізацыі працы»[3].

Што ж рэкамендуе пленум ажыццявіць з мэтай ліквідацыі тармазоў абнаўлення? У Пастанове чытаем: павысіць патрабавальнасць да кадраў... асаблівую ўвагу ўдзяляць рэалізацыі мер па задавальненню жыццёвых патрэбнасцей людзей... вызначыць канкрэтную праграму дзейнасці па падрыхтоўцы да пераходу з 1990 года на новыя прынцыпы рэспубліканскага самафінансавання і самакіравання... узмацніць уплыў партыі на паскарэн-

не навукова-тэхнічнага прагрэсу... развіваць разнастайныя формы сацыялістычнай уласнасці... дабівацца ўстойлівага забеспячэння насельніцтва прадуктамі харчавання... і г. д.

Уважліва пазнаёміўшыся з рашэннямі пленума, міжволі запытаеш: няўжо гэта 1989 год? Няўжо гэта і ёсць перабудова кіраўніцтва з боку партыі? Думаецца, адказ будзе адназначным. Прыведзеная частка пастановы пленума сфармулявана ў лепшых традыцыях «застойных часоў». Ніводнага канкрэтнага стратэгічнага прынцыпу развіцця, ніводнага канкрэтнага, навукова абгрунтаванага напрамку, нацэленага на сапраўдную перабудову кіравання народнай гаспадаркай. І што ўжо зусім не стасуецца ні з якім цвярозым розумам, цвярозай логікай, што ў сярэдзіне 1989 года (гэта значыць за паўгода) Пленум ЦК КПБ пастанаўляе вызначыць канкрэтную праграму дзеянняў да 1990 года, да пераходу на рэспубліканскі гаспадарчы разлік. У гэты ж час, «што такое гаспадарчы разлік» на сённяшні дзень незразумела большасці гаспадарнікаў, ды і самім партыйным апаратчыкам. Прымаючы пад увагу папярэдні вопыт ажыццяўлення рэформ, небеспадстаўным будзе даць такі прагноз: ізноў будзем прасоўвацца выпрабаваным метадам спроб і памылак, разгойдвацца з боку ў бок. Наўрад ці рухаючыся такім чынам можна разлічваць хоць на нейкія адчувальныя поспехі.

Яшчэ адно, на наш погляд, надзвычай важнае пытанне. Гэта перабудова механізма кіравання эканомікай. Выконваючы рашэнні чэрвеньскага Пленума ЦК КПСС 1987 года, XIX партканферэнцыі, Кампартыя Беларусі пачала распрацоўку новай генеральнай схемы кіравання народнай гаспадаркай рэспублікі. Але да сярэдзіны 1989 года новая схема кіравання як у Саюзе, так і ў БССР не была распрацавана, а навацыі закранулі толькі агульную колькасць кіраўніцкага апарату, што ў выніку не змяніла агульнага механізма кіравання эканомікай, не закранула яго зместу, яго сутнасці. Так, калі ў 1970 годзе ў рэспубліцы ў апараце кіравання было занята 435 тыс. чалавек, то да 1987 года гэтая катэгорыя работнікаў вырасла на 46 %, у той час, як агульная колькасць працуючых павялічылася толькі на 38 % [4]. Інакш кажучы, на кожныя 6—7 працуючых прыпадаў адзін работнік кіраўніцкага апарату. У адпаведнасці з Указам Прэзідыума Вярхоўнага Савета БССР ад 16 чэрвеня 1988 года былі ўнесены змяненні ў сістэму органаў дзяржаўнага кіравання Беларускай ССР. Скасаваны шэраг міністэрстваў і ведамстваў. Кіраўніцкі апарат у рэспубліканскім звяне скарачаецца на 50 %, абласных арганізацый і ўпраўленняў — на 30, а ў цэлым па рэспубліцы — на 26 %. У выніку ў БССР з кіраўніцкага апарату вызваляецца 26 тыс. чалавек [5]. Ці дасягнута жаданая мэта такімі дзеяннямі? Ці стаў апарат працаваць больш эфектыўна? Пакуль, як сведчыць практыка, старыя задачы развіцця эканомікі гэтым актам вырашыць не ўдалося, але затое да іх дабавіліся яшчэ і новыя. Думаецца, што і вызначаны крок не быў прадуманы, навукова не абгрунтаваны аптымальнай структурай апарату, яго зместам і функцыямі. І зноў мы сутыкнуліся з валявым, адміністрацыйным метадам вырашэння праблемы. А ў выніку атрымалі тыя выдаткі, на якія багаты ўвесь гістарычны вопыт развіцця краіны. Механізм тармажэння працягвае дзейнічаць. Відаць, перш за ўсё, у ім і трэба шукаць прычыны невыканання праграм перабудовы.

[1] Гл.: Коммунист Белоруссии. 1989. № 1. С. 51—52.
[2] Там жа. 1989. № 6. С. 49—50.
[3] Советская Белоруссия. 1989. 26, 27 чэрвеня.
[4] Гл.: Смірноў Ю. П., Платонаў Р. П. На крутым пераломе: Нарыс асноўных напрамкаў дзейнасці Кампартыі Беларусі па ажыццяўленню перабудовы. Мінск, 1989. С. 118.
[5] Там жа.

Рэцэнзіі

И. Н. Олегина. **Критика концепций современной американской и английской буржуазной историографии по проблемам индустриализации СССР.** Л.: ЛГУ. 1989. 222 с.

Монография является продолжением и развитием опубликованной автором в 1971 году работы «Индустриализация СССР в английской и американской историографии». В новой работе автор впервые в советской исторической науке анализирует методологические основы изучения американской и английской историографией промышленного строительства в СССР. И. Н. Олегина выделяет и сопоставляет развитие (с конца 60-х до начала 80-х годов) основных направлений англо-американской историографии — объективистского и реакционного. Подчеркивается преемственность их основных концепций при некоторой модификации, а также активизация всех направлений на рубеже 70—80-х годов, когда максимально обострилось наше противостояние с капитализмом.

Поставленная в монографии цель достигается путем довольно аргументированного разбора взглядов на экономические и социальные проблемы индустриализации как историков-объективистов, пытающихся подходить к их анализу с реалистических позиций и находящих много положительного в советском опыте, так и представителей реакционного направления, концентрирующих внимание на отрицательной стороне опыта. Автор полемизирует с буржуазными учеными по широкому кругу вопросов, особенно тех, которые в последнее время оказались в центре научных дискуссий в нашей стране, а именно: соотношение нэпа и индустриальной политики; обсуждение в 20-х годах проблем индустриализации СССР; роль планового начала в их решении; факторы, обеспечившие успех советской индустриализации, ее социальные проблемы, в том числе рост численности рабочего класса и повышение его социальной активности, изменение социальной инфраструктуры в процессе индустриального строительства, цена индустриализации. По многим проблемам буржуазные ученые высказывают неординарные суждения, дают свою интерпретацию известных и новых фактических данных, выдвигают новые историографические проблемы. Автор отдает им должное и вместе с тем подвергает критике необоснованность и односторонность, непоследовательность и противоречивость оценок индустриализации СССР, особенно ее высокой «социальной цены», которая нашими оппонентами нередко выводится из самой природы советского строя.

В рецензируемой работе нашло отражение своеобразие переломного момента, переживаемого сегодня советской исторической наукой. Так, автор отбрасывает некоторые наши стереотипные утверждения. Например, об упрочении социалистической системы, о реальном социализме, об общем кризисе капитализма. Однако в полемике с буржуазными советологами И. Н. Олегина критически, но, на наш взгляд, недостаточно дифференцированно использует советские исследования конкретно-исторических проблем рассматриваемого процесса. В монографии недостаточно внимания уделено анализу позитивных моментов немарксистской историографии советской индустриализации (использование неизвестных нам документов, освещение «белых пятен» и др.).

В интересах выяснения исторических истин важно развивать прогрессивную тенденцию делового сотрудничества с буржуазными исследователями. Поэтому полезно было бы обратить внимание на слабо изученные или спорные проблемы истории, которые в перспективе могли бы стать полем научного диалога.

В целом объективно-критический анализ американской и английской историографии советской индустриализации проведен И. Н. Олегиной с большой научной ответственностью и на основе исторической правды.

Е. Ф. Савчук,
В. Н. Сидорцов

Dějiny pravěku a starověku. Čast 1—2 / Red. Jan Pečirka. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1989. 1052 s.

Студенческая аудитория гуманитарных факультетов чехо-словацких вузов получила новую редакцию пособия по первобытной и древней истории, вобравшего в себя достижения исторической науки о древнем мире за последние десятилетия. Материал изложен в нем по принципу синхронности, каждый раздел предваряют список литературы и характеристика источников. Органическим приложением к ним являются иллюстрации, хронологические таблицы и карты. Завершают пособие подробный список литературы и указатели. Есть все основания полагать, что оно написано с учетом требований современной педагогической и исторической науки.

Обратимся к примерам истории Древней Греции и Рима (авторы Я. Печирка и Я. Буриан). В большинстве учебников период ахейской цивилизации рассматривается по традиционной схеме: Критское государство и его падение, Ахейская Греция и нашествие дорийцев. В рецензируемом пособии дан обзор географических и экологических особенностей региона, источников и хронологии, характеристика палеолита и неолита, а также периода бронзы в этом же бассейне, раскрыто содержание минойской и микенской цивилизаций (с. 328—365), что создает целостную картину развития Эллады в древнейший период ее истории. К сожалению, в список литературы не включены имеющие принципиальную важность для науки работы Т. В. Блаватской «Греческое общество второго тысячелетия до новой эры и его культура» (М., 1976) и Г. Ф. Поляковой «Социально-политическая структура Пилосского общества» (М., 1978).

Тщательностью и логичностью изложения материала характеризуется архаический и классический периоды истории Древней Греции. Здесь, как и в последующих главах, изложение соотнесено с разделами известной хрестоматии «Античность в документах» (Прага, 1959—1961. Т. 1—2), что в значительной мере облегчает поиск источников. Особое внимание уделено проблеме древнегреческого полиса, его возникновению, развитию и кризису, древнегреческому рабству. Образование эллинистических государств связывается с восточным походом Александра Македонского, однако их история рассмотрена в присущей чехо-словацкой историографии традиции — в контексте истории древнеримского государства (с. 657—682). Излагаемая концепция сущности эллинизма не противоречит точке зрения советских историков. Представляется, однако, целесообразным включить в соответствующий раздел, кроме Боспорского государства, и другие античные полисы Причерноморья.

Истории раннеримского государства предпослан обстоятельный разговор о финикийской, греческой, этрусской и италийской культурах, внесших определенную коррекцию в его формирование. Не вызывает возражений и стремление показать эволюцию развития римского империализма (в широком понятии этого термина), начало которого Я. Буриан связывает с борьбой Рима и Карфагена за господство в Западном Средиземноморье. История принципата и домината, завершившаяся падением Западной Римской империи, изложена, на наш взгляд, слишком лаконично (с. 760—881), если учесть, что в ее контекст включен раздел о кельтах, германцах, дакоготах, сарматах, славянах и других северных народах. Отсутствует и обстоятельный разговор о раннем христианстве. Однако все это не умаляет достоинств пособия, которое по праву можно назвать одним из лучших по форме и содержанию в современной исторической науке. В этом большая заслуга его авторов и немалая — его редактора, доцента кафедры наук об античной древности Карлова университета в Праге Яна Печирки.

У нас ощущается дефицит в такого рода учебниках и пособиях. Перевод рецензируемого пособия на русский язык с внесением определенных дополнений в списки литературы, а также с добавлением главы об изучении первобытной и древней истории в нашей стране сделал бы его ценным подспорьем для студентов заочной формы обучения.

К. А. Ревяко,
И. А. Лисовый

В. А. Героименко. **Личностное знание и научное творчество.** Минск: Наука и техника, 1989. 208 с.

Конструирование методологических моделей, адекватно отражающих реальную структуру и динамику науки, всегда выступало одним из важнейших направлений ее философского анализа. Однако если в недалеком прошлом такие модели, ориентированные на классический идеал рациональности, репрезентировали лишь внутреннюю логическую структуру научных теорий и наиболее общие закономерности их развития, то в настоящее время в них пытаются отобразить социокультурный контекст науки, ее историческую эволюцию, многообразные гуманистические закономерности становления и функционирования знания. Исследованию философско-методологического аспекта строения и динамики научного знания, проводимого в контексте целостной субъектно-гуманистической его модели, и посвящена рецензируемая монография.

Данная модель позволила автору достаточно корректно описать полный цикл творческого процесса как динамику основных уровней знания, осуществить синтез концепций личностного знания М. Полани, парадигм Т. Куна, «объективного» знания К. Поппера. Раскрывая односторонность позиций сторонников психологизма и антипсихологизма, В. А. Героименко убедительно показывает, что фактически борьба между ними концентрировалась вокруг вопроса об адекватности психологических и логических моделей мышления реальному мыслительному процессу, была связана с проблемой введе-

ния субъекта в логику и гносеологию при одновременном отображении механизмов формирования объективного знания.

Согласно авторской концепции, субъектно-гуманистическая модель научного знания должна учитывать роль личности как познающего субъекта и в целостном виде воспроизводить структуру и динамику знания в процессе его творческого развития. В этой связи конструируемая В. А. Героименко модель научного знания включает в себя различные виды знания, соотносительные с субъектной организацией познания: личностное (носитель — индивидуальный субъект), парадигмальное (научное сообщество), объективированное (общество), транссубъективное (человечество). В монографии детально анализируются специфические особенности каждого из названных структурных уровней человеческого знания, выявляется рациональная модель внутренней организации знания субъекта-личности, проводится логико-методологический анализ средств его концептуальной репрезентации, конструируется типология неявного и парадигмального знания.

С особым интересом читаются те разделы монографии, в которых раскрываются концептуальные средства описания индивидуально-социального творчества как динамики взаимопереходов личностного и объективированного знания, анализируются средства адекватного объективирования личностного знания. Исследуя процесс приращения личностного знания, процесс вербализации и социализации нового знания, метафорические и модальные средства его выражения в научных текстах, автор показывает, что важнейшее значение предлагаемой им методологической модели заключается в возможности теоретического воспроизведения креативного цикла как единого сложноструктурированного процесса движения человеческого знания. В заключении работы анализируются эвристические возможности применения авторской модели для решения ряда современных научно-практических задач, в частности проблемы представления личностного знания в компьютерных системах.

Вполне понятно, что не все проблемы, затронутые в монографии, раскрыты с одинаковой обстоятельностью. Отдельные выводы автора абстрактны и схематичны. В целом же монография В. А. Героименко заслуживает положительной оценки. Она написана на высоком профессиональном уровне, отличается поисковым, новаторским характером и, несомненно, вызовет живой интерес у всех, кто занимается философско-методологическими и науковедческими проблемами творческой деятельности.

И. И. Дубинин

П. В. Кикель. **Математизация научного знания.** Минск: Университетское, 1989. 85 с.

Сегодня математика стала фактором общественного развития. Это проявляется не только в проникновении ее средств и методов практически во все сферы научного познания, но и в сферу техники и технологии материального и даже духовного производства. Поэтому философский анализ феномена математизации науки, техники и практики всегда актуален. Книга П. В. Кикеля не только вводит читателя в круг основных проблем философского анализа процесса математизации. По мнению автора, математизация есть объективно необходимая сторона научного познания и она диктуется объективным единством количественных и качественных характеристик материальных образований и соответственно — необходимостью перехода от познания качественных свойств вещей к познанию количественных характеристик, на стадии которой и выявляются оптимальные условия протекания тех или иных явлений. В связи с этим следует отметить мысль автора о том, что математизация есть условие и момент становления теоретической науки. В то же время и сама теоретизация науки, когда познание углубляется в сущность явлений, выявляет их общие свойства и закономерности, создает необходимые условия для математизации.

Наибольший теоретический интерес представляет глава «Гносеологические аспекты математизации». В ней автором убедительно показано (на примере физики), как математизация способствует развитию понятийного аппарата науки. Это проявляется как в виде обогащения содержания уже существующих, так и через введение качественно новых понятий. При этом большую роль играют такие методы, как введение идеальных объектов, символизация и формализация частнонаучного знания. Следует отметить, что автор подметил важную особенность данного процесса: основные математические понятия становятся частью понятийного аппарата математизируемой теории, имеющей смысл лишь в рамках данной теоретической системы, и обозначают в ней уже не какие-то реальные (единичные) предметы, а некоторые их всеобщие свойства как абстрактные объекты (например, «спин», «заряд», «странность» и т. д.). В этой же главе анализируется еще один важный аспект математизации наук — их интеграция как следствие использования средств и методов математики. В этом плане математизация — это форма объединения научного знания в систему, в основе чего, как верно показано автором, лежит специфика математического познания: оно изучает мир с точки зрения аналогии и подобия, способствуя тем самым синтезу научных представлений. Конкретно это проявляется, например, в применении аксиоматического метода, метода моделирования. Велика роль и специфического языка математики, таких его понятий, как функция, структура и т. д.

Учебно-методическое пособие П. В. Кикеля «Математизация научного знания» выполняет свою основную задачу — ввести будущих учителей в основную проблематику философии математики.

М. В. Салихов

УКАЗАЛЬНІК

артыкулаў, апублікаваных у «Весніку Беларускага дзяржаўнага універсітэта імя У. І. Леніна», серыя 3 (гісторыя, філасофія, навуковы камунізм, эканоміка, права) у 1990 годзе

ДА 120-ГОДДЗЯ З ДНЯ НАРАДЖЭННЯ У. І. ЛЕНІНА

Дронь П. П. В. И. Ленин и актуальные проблемы нравственного воспитания . . . 1 6
Кабяк С. У. У. І. Ленін і рэвалюцыйны рух у Заходняй Беларусі . . . 1 9
Шаврук И. В. Ленинская концепция социализма . . . 1 3

ГІСТОРЫЯ

Бондар П. І. Партыйнае кіраўніцтва маральным выхаваннем працоўных: урокі 60—80-х гадоў . . . 2 3
Гарбуль П. І. Прапаганда друкам рэспублікі навукова-тэхнічнага прагрэсу ў прамысловасці (1983—1989) . . . 2 12
Герасімовіч Э. Я. Партыйны ўплыў на развіццё і ўмацаванне прафсаюзных арганізацый у калгасах і саўгасах Беларускай ССР (1976—1985) . . . 1 17
Ильящук Г. И. К вопросу о существовании так называемого «Союзного Бюро социал-демократов-меньшевиков» . . . 3 15
Калеснікава Т. К., Мельнік Ф. І. Творчая актыўнасць рабочых прамысловасці Беларусі ў 70—80-я гады: вопыт, праблемы . . . 3 3
Коршук У. К. Подзвіг народа (Да 45-годдзя Перамогі ў Вялікай Айчыннай вайне) . . . 1 13
Ксянзоў С. У. Інтэрнацыянальныя сувязі Беларускай ССР і еўрапейскіх сацыялістычных краін: этапы развіцця . . . 1 20
Лапо І. М. Перабудова сістэмы маральнага выхавання ў школах Беларусі на сучасным этапе (з вопыту работы КПБ) . . . 3 9
Левшевич А. А. Адрианопольский мир и экономическое развитие Дунайских княжеств . . . 1 25
Мороз Ю. М. Англо-русские отношения 1907—1914 годов в оценке буржуазно-либеральной журналистики России . . . 2 15
Раманоўскі І. Ф., Шадурскі В. Г. Партыйнае кіраўніцтва рухам настаўніцтва: становішча і праблемы (1976—1987) . . . 3 6
Растаргуеў А. У. Аб праблемах падрыхтоўкі кадраў рабочага класа ў сярэдняй школе Беларускай ССР (1959—1966) . . . 2 6
Ревяко К. А. Современная историография ФРГ о пунических войнах . . . 1 23
Станішэўская Л. П. Супрацоўніцтва БССР і НРБ у галіне трактарабудавання . . . 2 17
Филиппенко С. И. Германия и проблема реорганизации Совета Лиги наций 3 18
Ходзін С. М. Арганізацыя перапрацоўкі сельскагаспадарчай прадукцыі ў калектыўных гаспадарках БССР (другая палова 20-х гадоў) . . . 3 12
Эсмантовіч І. І. Удзел камсамольскіх арганізацый вышэйшых навучальных устаноў Беларусі ў павышэнні вучэбнай актыўнасці студэнтаў (1961—1970) . . . 2 9

ФІЛАСОФІЯ

Бонько В. К., Миськевич В. И. Познавательная потребность: социально-исторический аспект . . . 1 29
Гарбаценкава Л. М. Маральнае выхаванне студэнтаў: сацыялагічныя даследаванні, праблемы і пошук рашэнняў (па матэрыялах навукова-практычнай канферэнцыі) . . . 2 34
Грушка Михал. Теоретические основания современного католического учения о свободе совести . . . 3 35
Кириченко Е. Г. Гипотеза в структуре социального познания . . . 2 24
Ковалевич В. И., Петрушова Е. И. О методах укрепления дисциплины труда 1 41
Кубишова-Грушкова Мирослава. К вопросу о статусе понятия «человеческий фактор» . . . 1 36
Кузнецов А. В., Максимова Н. А. Уроки Великой французской революции и современность . . . 2 31
Листопадская И. В. Место категории «труд» в системе марксистского гуманизма . . . 1 38
Михайлов А. А. Завершающий аккорд критической системы И. Канта (к 200-летию выхода в свет работы «Критика способности суждения») . . . 3 21
Морозов И. М. Понятие «бессознательное» в работах К. Маркса . . . 2 21
Поликарпов В. А. Социокультурные общности молодежи в условиях перестройки . . . 3 38

Потерухина Л. П. Общение как фактор развития личности 3 32
Рожин Н. В. Проблема референции и объективность знания 3 27
Силин Н. А. Логико-методологические аспекты перестройки стиля научного мышления в современной медицине 2 28
Яскевич Я. С. Эвристический потенциал процедуры обоснования научного знания 1 32
Огородник В. П. Роль художественной интеллигенции в развитии межнационального общения 3 40

НАВУКОВЫ КАМУНІЗМ

Белякович Н. Н. Социальное развитие рабочего класса в условиях обновления социализма 2 41
Гайдученок И. А. Творческие аспекты образования в трактовке Д. Г. Лоуренса 2 44
Допкюнас А. В. Процессы политической социализации в современной Великобритании 1 49
Симановский С. И. Требования к личности молодого рабочего в условиях перестройки 1 46
Шалькевич В. Ф. Сен-Симон и его место в истории социалистической мысли 2 38

ЭКАНОМІКА

Бачко І. Ю. Сацыяльна-эканамічная форма асабістага фактара сацыялістычнай вытворчасці 2 56
Береснева А. И. Аграрные отношения: проблема использования многообразия экономических форм 1 53
Бесман В. В. Рынок как экономическая категория 3 52
Ермакова К. В. Сацыяльна-эканамічныя праблемы працы жанчын у грамадскай вытворчасці 2 51
Ермалович Л. П., Фирисанова М. Л. Экономика здравоохранения: проблемы и пути решения 1 59
Ермалович Л. П., Быкова Т. П. Особенности проведенного К. Марксом научного анализа заработной платы и его методологическое значение 3 44
Китаёва Л. И. Условия производства и особенности развития процесса обобществления сельскохозяйственного производства 1 56
Напрейкова В. И. Развитие кооперации и укрепление дисциплины труда 2 53
Научитель М. В. Об экономической теории предложения 3 47
Цеханович Е. Е. Методологические основы формирования работника нового типа в системе образования 2 48

ПРАВА

Бибило В. Н. Регулятивные возможности уголовно-процессуальных норм 1 63
Бібіла В. М. Спрэчныя пытанні правядзення экспертызы ў крымінальным працэсе 2 64
Власова Л. В., Колосовский А. Н. Юрисдикционный иммунитет государств в отношении их собственности 3 62
Голованов В. Г. Актуальные проблемы предупреждения правонарушений 1 69
Григоренко В. Н. Из истории прокуратуры Белоруссии 2 70
Зенькович В. А. К вопросу о совершенствовании законодательства по предотвращению обмана покупателей 3 59
Мартинович И. И. Национальные камеры народного суда в истории судоустройства Белорусской ССР 2 67
Мошканов А. С. Предмет доказывания по делам об ограничении дееспособности граждан 3 65
Павлова Л. В. Некоторые аспекты практики международного арбитража 2 60
Сатолин В. Н. Законодательство о браке и семье, действовавшее на территории Белоруссии в первые годы Советской власти 3 56
Уржинский К. К. Правовые нормы об определении трудовой функции рабочих и служащих в системе права 1 66

ДЫСКУСІЙНАЯ ТРЫБУНА

Алпееў А. М. Развażанні аб некаторых праблемах перабудовы ў прамысловасці Беларусі 3 71
Клімовіч В. С. Чаму нам патрэбна дэмакратыя 3 69

НА КАФЕДРАХ І ФАКУЛЬТЭТАХ

Сатолин В. Н., Чудаев М. Ф. Подготовительное отделение БГУ в системе довузовского обучения молодежи 1 73

РЭЦЭНЗІІ

Базылев Н. И., Середа В. С. История политической экономии капитализма 2 78
Вязовкин В. С., Кузнецова Л. Ф. Владимир Цонев. Картината на света и нейната светогледна и методологична роля 2 75
Героименко В. А., Барковская А. В. М. А. Слемнев. Лабиринты познания; Я. С. Яскевич. В поисках идеала строгого мышления 1 77
Дубинин И. И. В. А. Героименко. Личностное знание и научное творчество 3 76
Казакоў Ю. Л., Рамаиоўскі І. Ф. І. Е. Марчанка, У. І. Навіцкі. Беларуская ССР: курсам перабудовы 2 74
Корщук В. К. Р. Х. Муртазаева. Экономика — основа интернационального единства 2 78
Левченко Л. А., Прошин А. И. Коренная перестройка экономики . . . 1 78
Пилипенко М. Ф. Л. И. Тегако, И. И. Саливон. Основы современной антропологии 2 77
Ревяко К. А., Федосик В. А. Ю. Е. Ивонин. Становление европейской системы государств: Англия и Габсбурги на рубеже двух эпох 2 76
Ревяко К. А., Лисовый И. А. Dějiny pravěku a starověku 3 76
Савчук Е. Ф., Сидорцов В. Н. И. Н. Олегина. Критика концепций современной американской и английской буржуазной историографии по проблемам индустриализации СССР 3 75
Салихов М. В. П. В. Кикель. Математизация научного знания . . . 3 77
Сушкевич Л. П., Федосик В. А. З історії стародавності і середньовіччя: Збірнік наукових праць 1 76
Царук Н. А. В едином строю борцов за мир: Общественность Белорусской ССР в движении сторонников мира 2 75